

Алексей Ракитин

**Американские трагедии.
Хроники подлинных уголовных
расследований XIX—
XX столетий. Книга V**

«Издательские решения»

Ракитин А.

Американские трагедии. Хроники подлинных уголовных расследований XIX—XX столетий. Книга V / А. Ракитин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-599139-3

Пятая книга серии. Сборник очерков, посвященных малоизвестным сюжетам из американской истории разных лет. Помимо необычных и полных драматизма криминальных конфликтов в представленных очерках можно увидеть подлинную картину общественной жизни США XIX столетия, специфику правоприменения и особенности работы правоохранительного сообщества той поры.

ISBN 978-5-00-599139-3

© Ракитин А.
© Издательские решения

Содержание

1872 год. Таинственное исчезновение Абии Эллиса	6
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Американские трагедии Хроники подлинных уголовных расследований XIX—XX столетий. Книга V

Алексей Ракитин

© Алексей Ракитин, 2023

ISBN 978-5-0059-9139-3 (т. 5)

ISBN 978-5-0053-5460-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1872 год. Таинственное исчезновение Абии Эллиса

Рабочие газового завода в городе Кембридже, штат Массачусетс, утром 6 ноября 1872 г. столкнулись с досадной неприятностью, мешавшей их работе. Газовый завод, как можно понять из названия, занимался выработкой т.н. "свечного газа", использовавшегося для освещения домов и улиц как самого Кембриджа, так и других городов в районе залива Массачусетс – Бостона, Чарлстауна, Челси. Газ вырабатывался из угля, доставлявшегося по реке Чарльз, для его приёма завод располагал собственной пристанью.

И вот рядом с этой пристанью примерно в 3 часа пополудни 6 ноября были замечены 2 притопленные бочки, качавшиеся в свинцовых речных водах. Одна – размером поменьше – почти наполовину выглядывала из воды и казалась менее нагруженной, чем другая – более крупная и притопленная настолько, что её бок лишь ненамного поднимался над волнами. Бочки мешали швартовке пароходов – они могли повредить гребные колёса или – что было ещё хуже! – при соударении с корпусом вызвать течь. Бочки следовало убрать – без этого капитаны могли отказаться от швартовки.

Хотя расчистка речной акватории не входила в круг обязанностей рабочих завода, им пришлось озаботиться удалением помехи. Занялись этим похвальным делом рабочие Стефен МакФэйден (Stephen McFaden) и Уильям Голдспринг (William Goldspring). Чтобы рабочие трудились веселее, управляющий заводом пообещал, что всё, найденное в плавающих бочках, достанется им. Стимул был так себе, но... вдруг там действительно окажется нечто ценное?

МакФэйден, отработавший на газовом заводе уже 12 лет, был мужчиной рассудительным и осторожным. Он руководил необычной операцией.

Обе бочки усилиями МакФэйдена и Голдспринга сначала были подняты в лодку, причём сделать это удалось не без некоторого затруднения. После того, как лодка причалила к пирсу, малую бочку при помощи каната затащили наверх. Вторую поднимать не стали, поскольку МакФэйден здраво рассудил – коли в бочках какой-то хлам, то проще выбить у бочек дно и утопить всё содержимое, чем поднимать на пирс, а потом убирать с пирса. Что ж, ход рассуждений выглядел вполне разумным, а потому собравшиеся на пирсе рабочие решили осмотреть сначала одну из бочек – ту, что меньше размером.

Выбив днище и вытряхнув содержимое на дощатый настил пирса, люди ахнули. Содержимое бочки оказалось по-настоящему необычным, хотя и совсем не таким, каким его хотели бы видеть рабочие газового завода.

В бочке находился конский навоз и солома. Но не только! В ней также лежали 2 человеческие руки, 2 ноги и... мужская голова. Казалось, они принадлежат одному человеку, хотя в точности знать этого никто в ту минуту не мог. Владелец этих частей тела при жизни был уже в возрасте – на это указывала его седая шевелюра и седые усы. На голове можно было видеть след одного или нескольких ударов топором; причиненное повреждение было таково, что в образовавшиеся в своде черепа глубокие трещины можно было видеть мозг.

Зрелище, конечно же, было ещё то!

Все шутки про богатое вознаграждение сразу же закончились. В полной тишине рабочие подняли из лодки вторую бочку, но открывать её никто не стал – было решено оставить её до появления полиции. Пусть «законники» сами решают, что и как делать!

Патрульные полиции города Кембриджа Джон Милликен (John S. Milliken) и Мозес Чайлд (Moses M. Child) прибыли на пирс газового завода примерно в 16:30 – это произошло спустя приблизительно четверть часа со времени обнаружения частей человеческого тела в меньшей из бочек. Полицейские весьма здраво предположили, что во второй бочке может находиться нечто, имеющее связь с содержимым первой, а потому от её вскрытия они воздержались до прибытия коронера.

Уилльям Веллингтон (W. W. Wellington), врач службы коронера, прибыл на пристань газового завода к 11 часам вечера. Что поделаешь – автомобилей в ту золотую пору цивилизации ещё не существовало, телефонов – тоже, поэтому отыскать человека в другом городе и обеспечить его явку за десяток километров являлось делом небыстрым. Впоследствии врач вспоминал, что при подъезде к причалу он увидел довольно большую толпу – числом в несколько сотен человек – стеной стоявшую под проливным дождём. Люди с фонарями неподвижно стояли и ждали... да Бог знает, чего они ждали! Желание прикоснуться к сенсации погнало людей из тёплых жилищ в промозглую тьму ноябрьского вечера, обывателям хотелось «расчленишки» и кровавых подробностей. Такая вот, понимаешь ли, специфическая тяга к специфическим новостям!

Доктор осмотрел конечности, прикрытые до его прибытия дерюгой, после чего дал команду вскрыть вторую бочку. В ней он обнаружил мужской торс, которому, очевидно, принадлежали отрубленные части тела, найденные в другой бочке. Кроме того, в бочке находилась солома, большое количество опилок, конский навоз и какая-то одежда. Какая именно, доктор выяснять на причале не стал – он велел сложить всё, найденное в бочках, обратно и отвезти необычный груз в здание 15-й полицейской станции в Кембридже. Там предполагалось разместить штаб расследования.

Чтобы более не возвращаться к работе доктора Веллингтона, скажем сразу, каковы оказались её результаты. Врач работал с уликами каждый день до 11 ноября включительно, а 19 числа письменно оформил все связанные с этим делом бумаги и передал их по инстанции для рассмотрения коронерским жюри.

Согласно мнению доктора, все части тела, найденные в обеих бочках, принадлежали одному человеку – это был белый мужчина в возрасте старше 50 лет. Убит он был 3-мя или 4-мя ударами лезвием топора по затылку – точное число ударов определить было сложно ввиду растрескивания костей черепа на большое количество осколков. **Расчленение тела явилось посмертным актом – это представлялось довольно очевидным, но требовало специального судебно-медицинского подтверждения.** Смерть неизвестного мужчины, по мнению специалиста, последовала примерно за 30 часов до момента проведения вскрытия, если точнее, то в интервале от 18 до 21 часа 5 ноября.

Честно говоря, этот момент вызывает некоторое недоверие, поскольку подобная точность интервала, ограниченная всего 3 часами [причём спустя более суток со времени наступления смерти!], представляется сомнительной. Даже сейчас, при современном уровне развития судебно-медицинских знаний, ограничение интервала времени наступления смерти 3-я часами при отсутствии свидетелей представляется слишком уж самонадеянным [современные специалисты обычно оперируют более консервативными отрезками времени по 6 часов]. В данном же случае картина посмертных изменений, на которые опирался в своей оценке Уилльям Веллингтон, в значительной степени искажалась тем, что труп расчленялся и на протяжении некоторого времени находился сначала в холодной воде, а затем – на улице. Обескровливание при расчленении влияет как на процесс образования трупных пятен, так и на темп охлаждения тела и скорость разложения плоти. Отделенные части тела всегда выглядят значительно более «свежими» нежели торс [это связано с их обескровливанием]. Кроме того, нахождение в условиях низких температур также непосредственно влияет на скорость развития посмертных изменений. Существует даже мнемоническое правило, выражающее связь между скоростью развития гнилостных процессов и температурой окружающей среды – **последствия посмертных изменений при понижении температуры на 1° ниже 25° С равноценны по своим последствиям увеличению времени гниения на 1 сутки** [другими словами, тело, находящееся при температуре 5° С на протяжении 20 дней разложится примерно в той же степени, что и при температуре 25° С за 1 сутки].

Продолжая свою работу, доктор Веллингтон исследовал прочее содержимое бочек. Из большой бочки он извлёк части мужской одежды – тёмный костюм, пальто, шляпа и панталоны (кальсоны). Обувь отсутствовала. Осмотр карманов не привёл к обнаружению улик, способных помочь в идентификации тела – костюм и пальто явно были проверены убийцей перед тем, как он поместил их в бочку. Отсутствовали и метки, способные послужить подспорьем при определении принадлежности найденной одежды.

Отдельным этапом работы доктора Веллингтона явилась проверка принадлежности одежды найденному трупу. Нельзя было исключать того, что в бочки помещена одежда, не имевшая никакого отношения к убитому, преступник мог поступить таким образом, дабы затруднить идентификацию тела и направить следствие по ложному следу. Доктор измерил ряд антропометрических показателей, напрямую влияющих на размер одежды – размер плеч, охват талии, расстояние от шеи до запястья – и сравнил с соответствующими показателями пиджака и брюк. Они показали хорошее соответствие, из чего доктор Веллингтон заключил, что найденная одежда принадлежала именно убитому мужчине и никому иному.

Преступник явно озаботился тем, чтобы максимально затруднить опознание тела. То, что убийца поместил кальсоны и костюм вместе с трупом, свидетельствовало о его уверенности в том, что эти детали одежды, лишённые меток, полиции ничем не помогут.

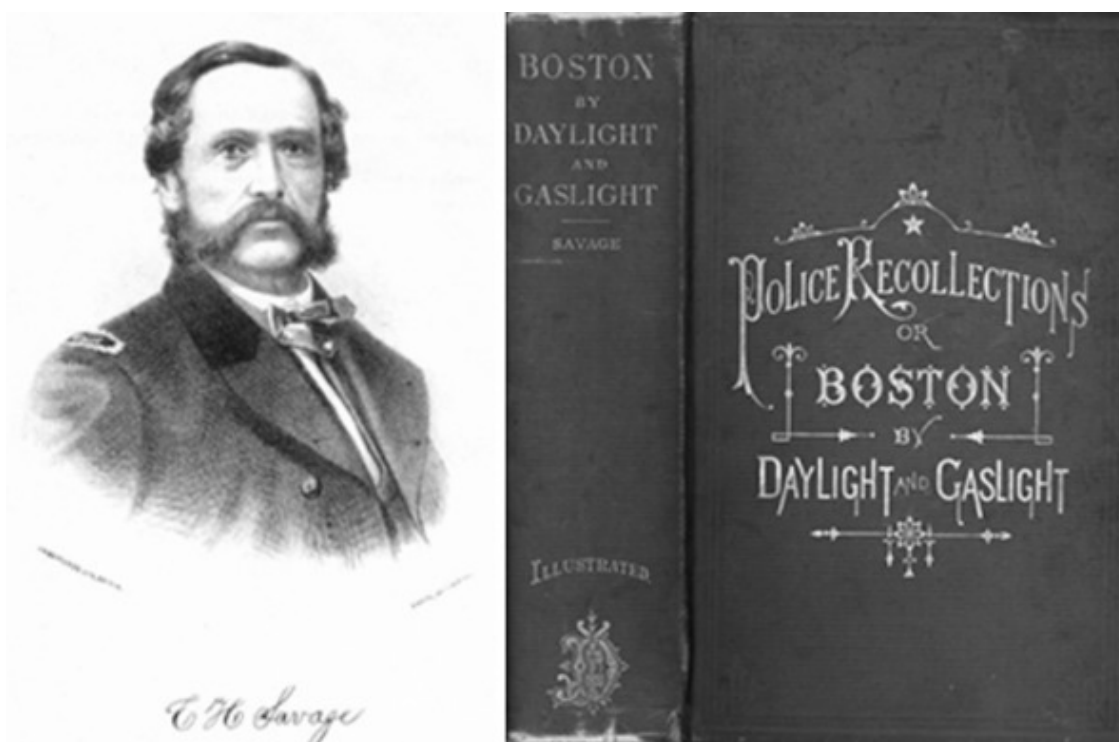
Полностью опустошив бочки, доктор Веллингтон принялся тщательно исследовать конский навоз, сено и опилки, их наполнявшие. Он искал что-то, что могло бы подсказать происхождение трупа или бочек. И удача улыбнулась ему, хотя подобное может показаться невероятным! Веллингтон обнаружил кусочек коричневой бумаги, на котором карандашом было написано "P. Schouller, №1049, Washington Street." Вашингтон-стрит являлась длинной извилистой улицей, тянувшейся практически через весь Бостон с севера на юг.

Ранним утром 7 ноября из полицейской станции №15 в Кембридже в штаб-квартиру Департамента полиции Бостона было отправлено телеграфное сообщение с изложением сути произошедшего накануне на территории газового завода и результатах ночной работы врача коронерской службы Веллингтона. Все полицейские подразделения Бостона и пригородов были объединены телеграфной сетью в 1871-1872 гг., и возможность передачи сообщений без отправки посыльных чрезвычайно упростила координацию полицейской работы. [Сугубо для любителей развлечений в стиле "Что? Где? Почём?" можно сообщить, что Департамент полиции Бостона озаботился переходом своих подразделений от телеграфной связи к телефонной уже в 1878 году, став одним из пионеров этого вида связи в США].

Сообщение о найденной в бочке с трупом записке попало на стол начальника Департамента полиции Бостона Эдварда Хартвелла Сэвэджа (Edward Hartwell Savage), чьё имя в дальнейшем оказалось неразрывно связано с настоящим расследованием. Это был человек интересной судьбы и по-настоящему неординарный. В полицию Бостона он пришёл в 1851 г. в возрасте 39 лет человеком уже зрелым и повидавшим жизнь. Единой полиции тогда ещё не существовало – её аналогом являлись 2 абсолютно автономных подразделения, одно из которых называлось "дневным эскадром", а другое – "ночным". Указание на время суток свидетельствовало о времени патрулирования. Сэвэдж попал в "ночной эскадрон" ("night squad") с расценкой несения службы 50 центов за 12 часов. Огнестрельного оружия у тогдашних полицейских не было – оно появилось только в 1884 году, даже не было стандартных 14-дюймовых дубинок (~35 см) из американского дуба, которые можно видеть на ретро-фотографиях у многих патрульных. "Ночной эскадрон" заступал на службу с весьма специфическим оружием – особым американским гибридом алебарды и багра. Этим орудием, точнее, его крюком, можно было подтаскивать к себе предметы в воде, а режущей кромкой наносить рубящие удары. Про использование крюка для подтягивания предметов в воде упомянуто не ради красного словца – дело в том, что ночные грабежи в гавани Бостона на протяжении многих лет являлись голов-

ной болью городской администрации, и "ночной эскадрон", заступая на смену, каждую ночь буквально выходил на ристалище.

Но Эдвард Сэвэдж интересен не только этими славными страницами своего прошлого. Дело в том, что он был не только полицейским, но и писателем. В 1865 году он издал свою первую книгу, и в последующие 19 лет последовала целая серия публикаций из истории Бостона и правоохранительных органов Массачусетса. Он стал автором воистину эпических работ, которые можно здесь упомянуть, например: 2-хтомная "Хронологическая история бостонской стражи и полиции с 1631 по 1865 годы" ("A Chronological history of the Boston watch and police from 1631 to 1865"), "Бостон при дневном свете и газовом освещении" ("Boston by Daylight and Gaslight"), "Воспоминаниями бостонского полицейского" ("Recollections of a Boston Police Officer"), "Бостонские события: краткое изложение более 5000 событий, произошедших в Бостоне с 1630 по 1880 год за период в 250 лет вместе с другими интересными событиями, систематизированными в алфавитном порядке" ("Boston events: a brief mention and the date of more than 5,000 events that transpired in Boston from 1630 to 1880, covering a period of 250 years together with other occurrences of interest, arranged in alphabetical order") и некоторые другие.

Слева: Эдвард Сэвэдж, справа: раритетное издание с 2-я книгами Сэвэджа – «Воспоминания бостонского полицейского» и «Бостон при дневном свете и газовом освещении».

Мы знаем, что многие отечественные правоохранители отметились на ниве писательского творчества, причём, отметились работами по-настоящему оригинальными, креативными и необыкновенно интересными даже по нынешним меркам. Навскидку можно назвать фамилии таких мастеров пера и оперативно-следственной работы, как Путилин [начальник столичной Сыскальной полиции], Кошко [создатель уголовного розыска Российской империи, между прочим!], Спиридович [заместитель начальника охраны Государя Императора Николая Второго по оперативной работе], Ланге, Соколов [расследование убийства семьи Государя Императора Николая Второго]. И следует признать, что Эдвард Сэвэдж на их фоне выглядит очень

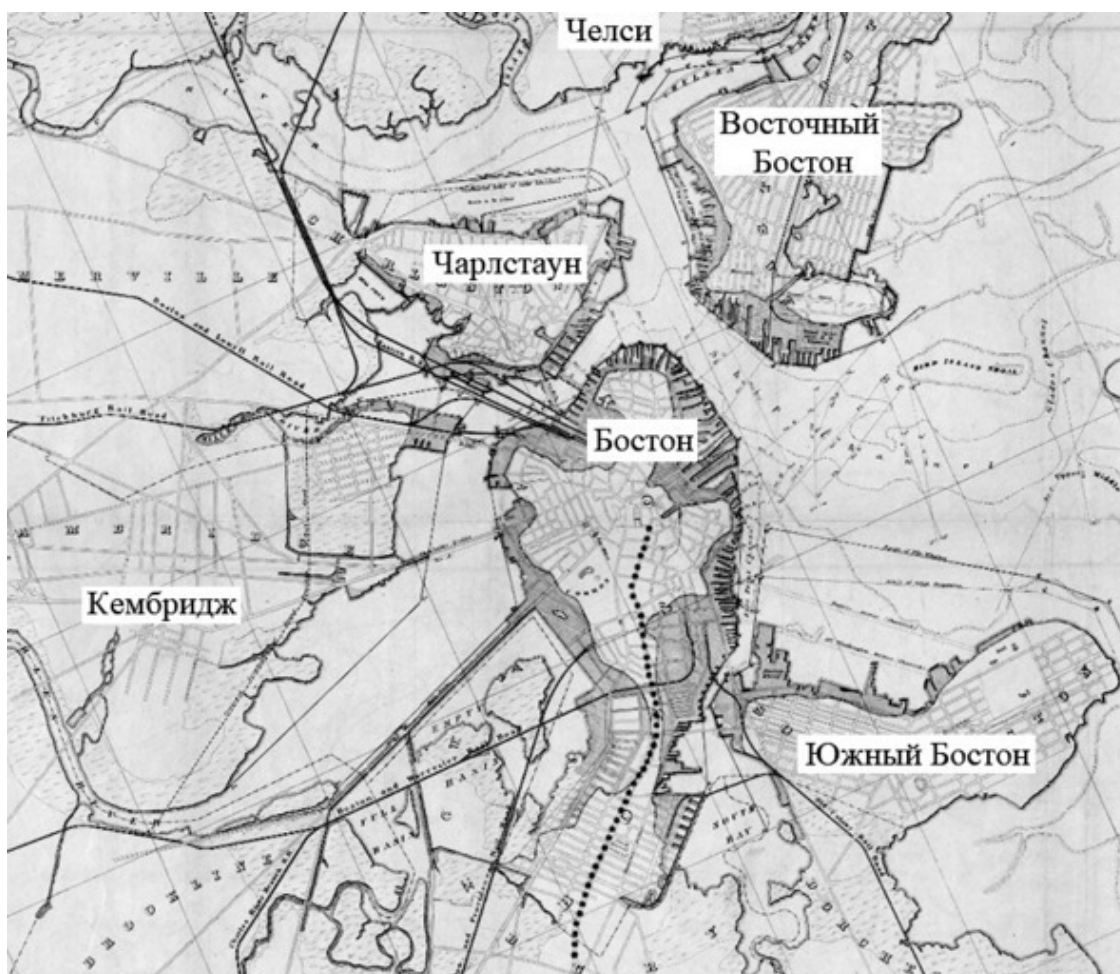
достойно. Скорее уж Конан Дойл на фоне таких мастеров пера выглядит нелепым компилятором и школяром

Уж извините автора за такое длинное и, возможно, не очень уместное отступление, но мне показалось, что эта информация о начальнике бостонской полиции заслуживает упоминания.

Итак, в первые часы 7 ноября 1872 г. Эдвард Сэвэдж получил телеграмму из Кембриджа с указанием адреса по Вашингтон-стрит и упоминанием некоего "P. Schouller", которые надлежало проверить на предмет возможной связи с убийством и расчленением неизвестного мужчины. Начальник полиции, понимая, что такого рода преступления надлежит расследовать по горячим следам, немедленно отправился к дому №1049 лично в сопровождении пары детективов. Обитатели дома были разбужены, и их опросом удалось установить следующее.

В указанном доме помещалась мастерская по изготовлению бильярдных столов и столов для игры в багатель [эта игра чем-то напоминает бильярд, она ведётся на специальном закруглённом столе размером меньше бильярдного]. Мастерская принадлежала Питеру Шуллеру – то есть, это именно его имя и фамилия были указаны на листке бумаге, найденном в одной из бочек. Владелец мастерской жив, все его родственники и знакомые в полном порядке, то есть человек, найденный в бочке, не имеет явной связи с мастерской.

Продолжая сбор информации, полицейские установили, что магазин, работающий при мастерской, ведёт торговлю отходами столярного производства, в том числе опилками. Поскольку в бочках с частями тела находилось большое количество опилок, детективы заинтересовались этой деталью и попросили Мишеля Шуллера (Mishelle Schouller), сына владельца бизнеса, сообщить, кто в последнее время закупал опилки.

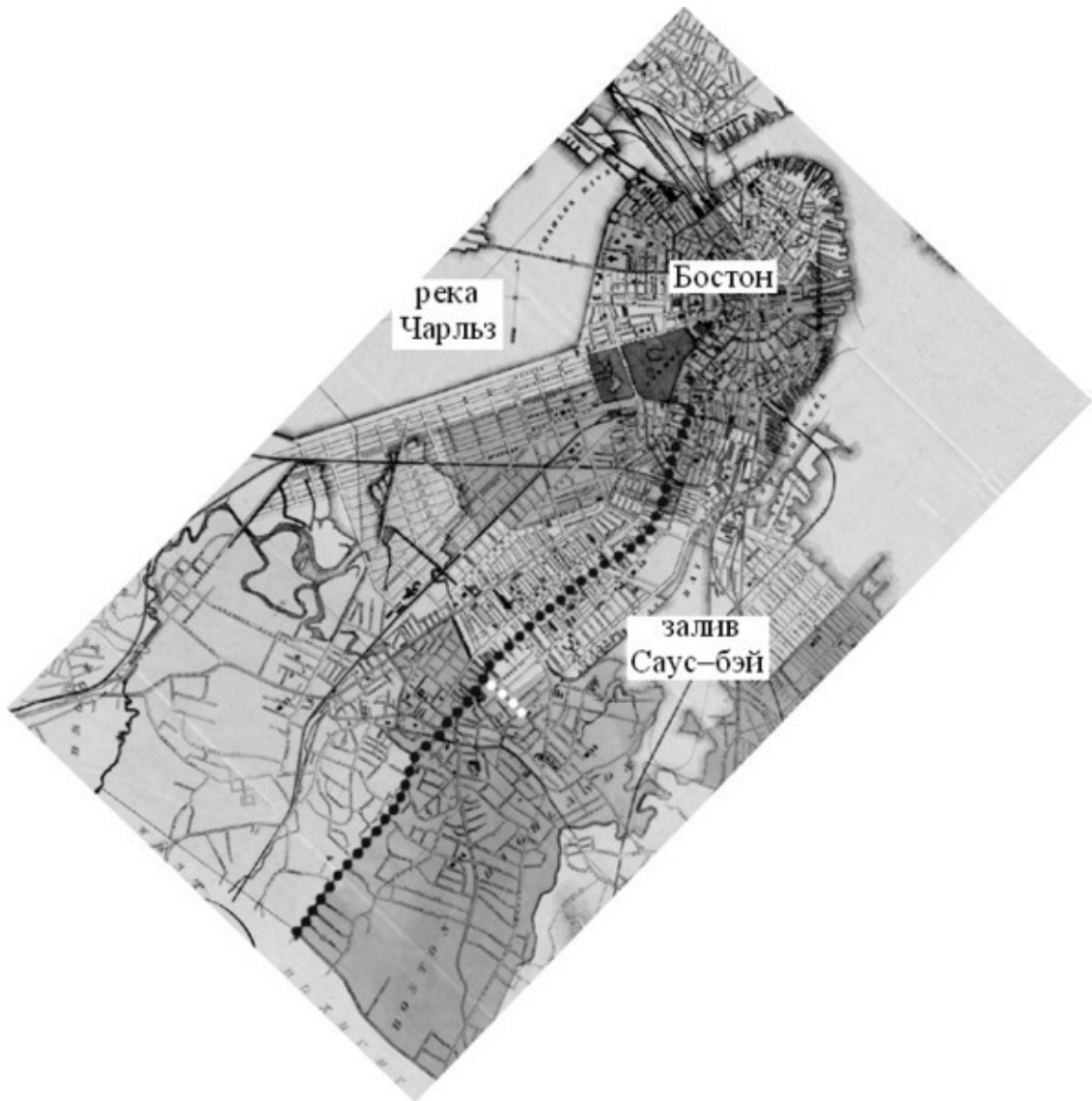
Это карта Бостона и пригородов относится к 1852 году, то есть составлена она за 20 лет до описываемых событий. Здесь ещё нет газового завода в Кембридже, да и сам этот городок выглядит совсем маленьким. Чёрным пунктиром показана Вашингтон-стрит, тянувшаяся от южной границы Бостона к самому центру города и имевшая тогда длину чуть более 3,3 км. К 1872 г. южная граница Бостона отодвинулась гораздо ниже обреза карты, в результате чего длина Вашингтон-стрит превысила 5,5 км. Эта улица стала самой длинной в Бостоне, своего рода нервом города, вокруг которого закручивалась деловая активность его жителей.

Оказалось, что в понедельник 4 ноября 2 бочки опилок приобрёл некий чернокожий торговец по фамилии Кимберли, а чуть ранее – в субботу 2 ноября – Левитт Элли (Levitt Alley), занимавшийся перевозкой крупногабаритных грузов. Элли приобрёл 3 бочки опилок. Надо сказать, что были названы и другие покупатели, но Эдвард Сэвэдж посчитал, что на данном этапе он узнал достаточно.

Очень соблазнительно было заподозрить чернокожего торговца Кимберли, поскольку негры традиционно для США считаются людьми с криминальными наклонностями и вообще ненадёжными. Но именно поэтому Сэвэдж решил оставить Кимберли «на потом». Логика начальника полиции была довольно простой – убитый являлся мужчиной в возрасте и, судя по всему, человеком приличным, а потому он должен был испытывать недоверие к неграм и вечером 5 ноября вряд ли стал бы договариваться о каких-то делах с Кимберли. То, что убитый не имел защитных ран и был убит ударом [или ударами] по затылку, косвенно свидетельствовало о внезапном нападении со спины, а по мнению Сэвэджа белый мужчина вряд ли оказался бы настолько беспечен в обществе чернокожего. Скорее всего, неизвестного белого мужчину убивал белый.

По этой причине Сэвэдж решил сосредоточиться, по крайней мере, на первоначальном этапе работы, именно на Левитте Элли.

Последний проживал на Ханнеман-стрит (Hunneman street), короткой улочке, расположенной восточнее Вашингтон-стрит. Дом Элли не имел номера, все местные жители были известны окрест по фамилиям. Начальник полиции Сэвэдж вместе с помощниками Чарльзом Скелтоном (Charles L. Skelton) и Альбионом Дирборном (Albion P. Dearborn) прибыл к дому Левитта ещё затемно и, объяснив владельцу дома цель своего появления, попросил показать постройки.

Это карта Бостона и пригородов относится к 1872 году и демонстрирует городскую планировку до «Большого пожара 9 ноября». Необычный вид карты с обрезанными углами объясняется тем, что в XIX столетии американские типографии не придерживались топографического правила «север всегда вверху» и ориентировали объекты как заблагорассудится. Делалось это с целью экономии бумаги. Для адекватного отображения информации карта приведена автором в привычный для современного читателя вид [север вверху]. Тёмно-серый пунктир показывает Вашингтон-стрит, а небольшая пунктирная линия белого цвета восточнее – это Ханнеман-стрит. Легко заметить, что Ханнеман-стрит расположена намного ближе к заливу Саус-бэй, нежели к реке Чарльз, в водах которой были найдены бочки с расчлененным телом.

Левитт Элли оказался кротким, очень спокойным и немногословным мужчиной в возрасте несколько за 50 лет. Он подтвердил факт приобретения в минувшую субботу опилок в магазине при мастерской Питера Шуллера и уточнил, что делает такие покупки регулярно. Опилки, являющиеся отличным амортизатором, ему нужны для пересыпания различных деликатных грузов, например, стекла, полированной мебели и т. п. Рассказывая о себе, Левитт Элли сообщил прибывшим полицейским, что родился в 1816 году в городке Итон (Eaton) в штате Нью-Хэмпшир, отец его рано умер и мать занималась его воспитанием в одиночку. Он хорошо учился в школе, но из-за материальных затруднений не мог получить высшего образования.

Женился Левитт в 1842 году [в возрасте 26 лет]. В браке были рождены 3 сына и 3 дочери, одна из дочерей замужем, но с мужем проживает в его – Левитта – доме. В Нью-Хэмпшире он вёл дела до 1869 года, затем всё бросил и переехал в Бостон, где поначалу работал плотником, а затем занялся извозом.

Отвечая на расспросы полицейский, Левитт сообщил, что сыновей его зовут Дэниел, Уилбур и Куртис, а дочерей – Лорейн, Анна и Эбби, кроме зятя в доме проживает наёмный работник, друг его детства по фамилии Тиббетс. Затем Левитт безропотно показал полицейским свои владения – большой жилой дом с внутренним двором, сараем и конюшней. Поскольку в бочках, в которые был помещён расчленённый труп, был найден конский навоз, Эдвард Сэвэдж попросил Элли показать конюшню.

При свете 2-х масляных фонарей полицейские осмотрели просторное помещение, в котором находились 4 прекрасные лошади. Элли явно любил животных и заботился об их состоянии. Никаких подозрительных следов, вроде потёков крови, разорванной одежды, оторванных пуговиц или чего-то подобного, осмотр не выявил.

Особых подозрений Левитт Элли не вызвал, никто из полицейских в те минуты и не думал, что этот человек или его дом может иметь какое-то отношение к убийству. Ханнеман-стрит, на которой находилось домовладение Элли, была удалена от залива Саус-бэй приблизительно на полкилометра, в то время, как расстояние до реки Чарльз было намного больше [около 1,6—1,7 км]. Если местом преступления явилась Ханнеман-стрит, то убийце следовало бы выбрасывать бочки с трупом именно в залив Саус-бэй – такой выбор представлялся логичнее во всех отношениях.

Чтобы закончить с Левиттом Элли и заняться отработкой других направлений, Эдвард Сэвэдж поинтересовался, не пропадали ли у него в последнее время бочки. Элли ответил уклончиво, мол, ничего подобного не замечал, хотя бочек в его хозяйстве множество, может, что-то упустил из вида. Его попросили пересчитать и сказать, все ли из них находятся на своих местах. Элли ходил по конюшне, спускался в подвал под домом и мямлил что-то нечленораздельное. В общем, поведение его до некоторой степени смутило начальника полиции и тот, дабы поскорее покончить с данным ответвлением в расследовании, предложил Элли вместе проехать в Кембридж и посмотреть на бочки, поднятые из воды. Дескать, вдруг опознаете...

Элли моментально согласился и все четверо – начальник полиции, два детектива и Левитт Элли – отправились в Кембридж в двух экипажах. Уже после восхода солнца они благополучно прибыли к месту назначения и свидетелю были представлены бочки, извлечённые накануне из воды у пирса газового завода. Левитт заявил, что одна из бочек – та, что большего размера – по его мнению, могла бы принадлежать ему, а относительно второй он был неуверен.

Такой ответ оказался неожиданным и до некоторой степени озадачил Эдварда Сэвэджа. Получалось, что Левитт Элли причастен к делу двумя «ниточками» – тем, что имел деловые отношения с бильярдной мастерской Питера Шульмана, чей адрес оказался найден в одной из бочек, и тем, что сама бочка могла принадлежать Элли. Конечно, иногда совпадения оказываются просто совпадениями, но... но не всегда!

В интересах расследования представлялось важным скорейшее установление личности убитого. Для решения этой задачи можно было пойти разными путями – дать, например, соответствующее сообщение в газете или выставить тело на всеобщее обозрение в морге. Но на первых порах можно было ограничиться более простыми полицейскими мероприятиями, а именно – проведением опроса жителей патрульными полицейскими. Убитый явно не принадлежал к люмпенам и являлся, судя по всему, человеком зажиточным. Его должны были хватиться близкие, а если таковых не имелось, то его исчезновение должны были заметить партнёры по бизнесу, соседи, знакомые. Правда, для человека приезжего такой расчёт мог не оправдаться, но попробовать, тем не менее, следовало.

С утра 7 ноября патрульные, заступившие на смены в Кембридже и Бостоне, начали плановые опросы, рассчитывая получить информацию о человеке, подозрительно отсутствующем с вечера 5 ноября.

Через несколько часов было получено сообщение о том, что соседи и деловые партнёры не могут отыскать некоего Абию Эллиса (Abijah Ellis), риэлтора, много лет занимавшегося сделками с недвижимостью, известного своим жёстким несговорчивым нравом. Абия родился в 1817 г. в штате Нью-Гэмпшир, но много лет прожил в Бостоне, где и сколотил немалое состояние. Его родные сестра и 3 брата были живы – их письма, доставленные Абие Эллису 5 и 6 ноября были найдены полицией невскрытыми.

Примерно в 2 часа пополудни 7 ноября расчленённое тело было предъявлено домработнице Эллиса и деловому партнёру последнего Джорджу Квигли (George V. Quigley) – оба уверенно опознали труп. Квигли также сделал кое-какие существенные уточнения о бизнесе убитого. По его словам, тот обычно совершал денежные операции – принимал деньги плательщиков, либо оформлял документы – в его, Квигли, офисе в доме №34 по Виндзор-стрит (Windsor street). Испытывая непреодолимое недоверие к банкам, Абия никогда не доверял свои сбережения банковским депозитам, предпочитая наличные. Убитый всегда имел при себе значительную сумму денег – долларов 200 или даже 300. В последний раз свидетель виделся с Эллисом примерно за 10 дней до убийства последнего, то есть 25 или 26 октября.

Идентификация убитого резко продвинула расследование вперёд. Прежде всего потому, что почти сразу же выяснились важные детали одной из последних сделок, проведенных убитым. Абия Эллис продал большой дом с надворными постройками на Ханнеман-стрит тому самому Левитту Элли, что покупал опилки в бильярдной мастерской Питера Шуллера. И покупатель, не располагая нужной суммой денег, попросил продавца о рассрочке. На момент смерти Абии Эллиса покупатель оставался ему должен около 2 тыс.\$ – это была очень значительная сумма и очень весомый мотив убийства.

Тут, в общем-то, всё сошлось.

Примерно в 3 часа пополудни полицейские в форме и в штатском прибыли к дому Левитта Элли и приступили к его методичному обыску. Во время осмотра конюшни, проведенного при дневном свете, под большой кучей соломы были найдены многочисленные тёмные следы, которые могли быть следами крови. В надежде на то, что врачи службы coronera сумеют доказать происхождение крови, участки с подозрительными следами были выпилены и приобщены к делу в качестве вещественных улик.

Владелец дома при обыске отсутствовал, и никто не знал, где он находится, поскольку его разъезды всегда были хаотичны и непредсказуемы. Полицейские передали через младшего сына Левитта приказ явиться на следующий день 8 ноября для допроса в здание 5-ой полицейской станции в Кембридже.

Преступление практически было раскрыто, мало кто сомневался в виновности Левитта Элли. Если улики, указывающие на него, являлись в действительности не уликами, а лишь чудовищными совпадениями, то следовало признать, что Левитт был самым невезучим человеком на свете. Ну, в самом деле – он задолжал убитому огромную сумму денег, планировал встретиться с ним в день убийства, покупал опилки в бильярдной мастерской, наконец, в его конюшне оказались найдены многочисленные следы крови [заметьте, замаскированные следы!]. Ну неужели кто-то поверит в возможность подобного случайного стечения обстоятельств? «Такого не бывает!» – скажет любой обыватель и, наверное, будет прав. А ведь именно из таких обывателей и набирается жюри присяжных!

И если бы всё в этой необыкновенной истории действительно оказалось таким, каким выглядело со стороны в те ноябрьские дни, то этот очерк никогда бы не был написан. Однако, написать его следовало хотя бы потому, что история убийства Абии Эллиса даже с позиции

современного человека представляется одной из самых необычных в криминальной истории не только Бостона, но и всех Соединенных Штатов.

8 ноября оказался днём весьма богатым на события. Полицейскими была допрошена Мэри Так (Mary E. Tuck) – женщина, с которой убитый Абия Эллис несколько последних лет поддерживал интимные отношения. Согласно показаниям женщины, её знакомство с Эллисом длилось около 9 лет, по-видимому, их отношения были очень доверительны, поскольку женщина неплохо ориентировалась в делах Абии. На момент смерти тот владел 2-я домами на Довер-стрит (Dover street), 2-я на Метрополитен-плейс (Metropolitan place) и 3-я в южном Бостоне. Абию без всяких оговорок можно было назвать очень зажиточным человеком, его месячный доход по оценке Мэри Так составлял от 250\$ и выше. В те времена оплата дорожного рабочего не превышала 50 центов в день [обычно гораздо ниже], так что убитый мог жить, ни в чём себе не отказывая.

Свидетельница подтвердила наличие у Абии привычки носить с собою значительные денежные суммы, причём он не делал из этого особого секрета и если его спрашивали, сколько у него с собою денег, он без раздумий и колебаний отвечал. Что и говорить, довольно неосторожное прямотушие! На вопрос о том, когда отсутствие Абии показалось подозрительным, Мэри Так ответила, что первый раз обеспокоилась в обеденное время 6 ноября. Она отправила мальчика-посыльного с поручением обойти все дома, принадлежавшие Абии, и отыскать последнего. Когда посыльный вернулся ни с чем, Мэри встревожилась всерьёз и обратилась к полиции.

Согласно показаниям Мэри, убитый собирал ренту с арендаторов каждую неделю в период с субботы по понедельник. Свидетельница назвала некоторых плательщиков, по её словам больше всех платил некий Дэвидсон, арендовавший дом в южном Бостоне. На прямо заданный вопрос об отношениях убитого с Левиттом Элли, женщина ответила, что никогда не слышала о том, чтобы этот человек что-то платил Абии Эллису.

В тот же день 8 ноября в помещении 5-й полицейской станции в Кембридже состоялся допрос Левитта Элли, подозрения в отношении которого уже оформились [хотя и не без оговорок]. Допрос проводил начальник бостонской полиции Эдвард Сэвэдж лично. Мероприятие было заблаговременно подготовлено – в здании находились полицейские доктора Фой (Foye) и Хейс (Hayes), которые до начала допроса провели осмотр Левитта и его одежды.

Врачебный осмотр показал, что на теле подозреваемого отсутствуют повреждения, которые можно было бы связать с недавней дракой или ранением каким-либо орудием – не было ни синяков, ни порезов, ни осаднений кожи.

А вот результат осмотра одежды оказался намного более интересным. Во-первых, выяснилось, что 2-е нижние рубашки Левитта сильно запачканы кровью. Большие пятна крови оказались на обоих рукавах каждой из них. При этом третья рубашка – одетая поверх, была чистой, что могло означать только одно – Левитт Элли знал о пятнах крови и попытался их скрыть от окружающих. Во-вторых, большое количество пятен крови разного размера и форм было найдено на кальсонах подозреваемого. К сожалению, в нашем распоряжении нет фотографий окровавленной одежды, в которой разгуливал Элли, было бы очень интересно посмотреть, что же она из себя представляла. Но в любом случае, наличие нижнего белья со следами крови под чистой одеждой, означало то, что подозреваемый либо раздевался перед тем, как запачкать её кровью, либо озаботился переодеванием после того, как кровь попала на одежду.

После осмотра докторами последовал довольно напряжённый и продолжительный допрос, в ходе которого Левитту Элли было задано большое количество самых разнообразных вопросов. Поскольку Абия Эллис был убит и расчленён с использованием топора, первые вопросы, заданные подозреваемому, касались именно наличия топора в его хозяйстве. Левитт без колебаний ответил, что топора у него нет и притом довольно давно – уже несколько недель. Причина тому – разгильдяйство его работников, потерявших нужный в хозяйстве инструмент.

Как несложно догадаться, отсутствие топора рождало массу бытовых неудобств, важнейшее из которых заключалось в том, что живую птицу приходилось резать ножом и следы крови на исподнем Левитта – это как раз последствия подобного забоя.

Была названа и другая причина происхождения крови. В Бостоне на протяжении последних месяцев стал распространяться лошадиный грипп, и Левитт, с трепетом относившийся к тягловым животным, пригласил ветеринара для вакцинации. Все 4 лошади были привиты, но прививки сопровождались разбрызгиванием крови животных, мелкие капли которой попадали на подштанники Левитта.

Вопрос о топоре во время допроса задавался неоднократно; по воспоминаниям Эдварда Сэвэджа он задал его 4 или 5 раз и подозреваемый давал неизменный ответ. Надо сказать, что рассказ допрашиваемого про потерянный топор звучал не очень достоверно, поскольку в большом хозяйстве этот инструмент необходим для самых разных нужд, а не только для забоя живой птицы. Следует иметь в виду, что городская среда в последней трети XIX века очень сильно отличалась от современной. Отопления в нынешнем понимании не существовало, в домах необходимо было топить печи и камины, для приготовления пищи также требовалась отдельная печь, зачастую весьма большая! Широко использовался уголь, особенно в городах, но промысел Левитта Элли предполагал регулярное появление деревянных отходов [бочек, ящиков, разного рода подкладных досок и пр.]. Спрашивается, как Левитт обходился с ненужной тарой – только пилил, но не рубил?

Бостон XIX столетия. Основной грузовой транспорт – телеги, а основная тара – мешки и бочки.

На вопрос о времени и обстоятельствах последней встречи с убитым Левитт ответил, что в последний раз встречался с Эллисом в субботу 2 ноября. В ходе этой встречи он передал Абии 21,5\$, они договорились, что следующая встреча состоится во вторник 5 ноября в 12 часов. Левитт заявил, что был готов отдать во время встречи во вторник от 50\$ до 100\$ в зависимости от того, как себя повёл бы кредитор. То есть, смотря по настроению Абии, он мог отдать большую или меньшую сумму. Встреча эта не состоялась по причине неявки Абии Эллиса.

Свой рассказ допрашиваемый повторил на разные лады несколько раз, поскольку к этой теме допрашивавшие его полицейские возвращались неоднократно [очевидно, умышленно].

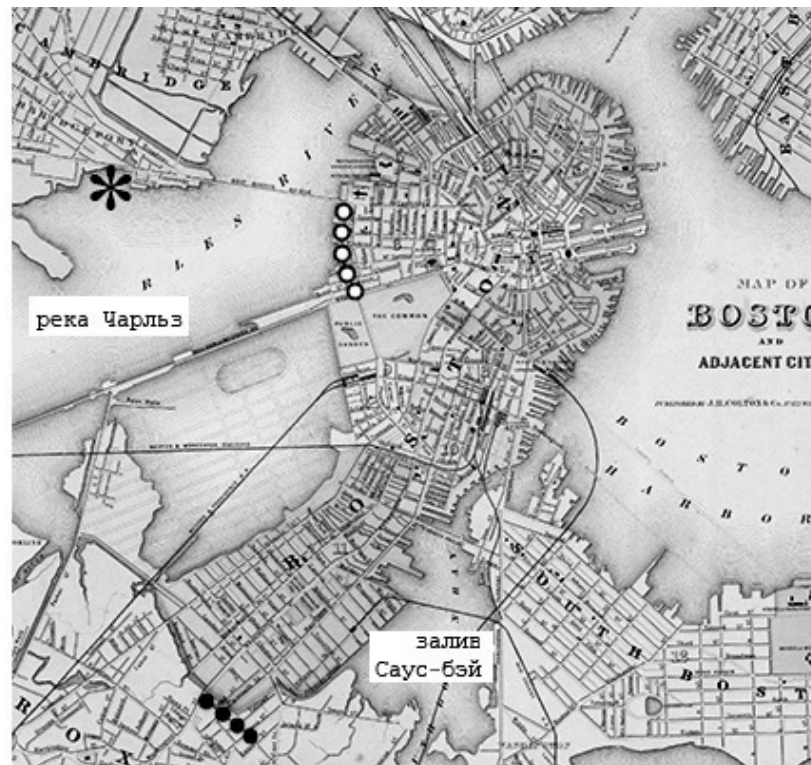
Также Левитта Элли попросили восстановить свои перемещения 6 ноября – в тот день, когда бочки с расчленённым телом были обнаружены возле пристани газового завода. Допрашиваемый с большой точностью рассказал о своих поездках, изложение его маршрута заняло 2/3 страницы типографского текста. Надо сказать, что "концы" он нарезал внушительные, крутился, как белка в колесе.

Был задан подозреваемому и вопрос о его возможном появлении 6 ноября на Чарльз-ривер-стрит (Charles river street – название этой улицы жители Бостона обычно сокращали до обычного Чарльз-стрит). Это был очень важный вопрос, поскольку полицейские не совсем понимали, когда Левитт Элли, если только он действительно убил Абию в интервале от 18 до 21 часа 5 ноября, избавился от тела?

Допрашиваемый уверенно ответил, что на Чарльз-стрит 6 ноября не появлялся. И поскольку вопрос этот на разные лады в последующем повторялся, уточнил, что на Чарльз-стрит он не был не только 6 ноября, но и всю последнюю неделю.

Надо сказать, что все эти рассказы о перемещениях выглядели очень весомо и правдоподобно. В них отсутствовали «провалы» времени, разрывы маршрута движения и прочие нестыковки. Сразу поясним, дабы избежать подозрений в умышленных недомолвках, что ответы Левитта о его разъездах 6 ноября были в последующем тщательнейшим образом проверены и опровергнуты не были. То есть слова подозреваемого либо получили полное подтверждение, либо не подтверждены, но признаны возможными. Левитт Элли на своём трудовом поприще ломового извозчика взаимодействовал с большим количеством людей – как грузчиками, помогавшими ему переносить тяжести, так и заказчиками. Перемещения такого человека отслеживались довольно просто, поскольку он практически всё время на протяжении своего трудового дня находился в обществе тех или иных людей. В поведении подозреваемого в тот день была обнаружена одна маленькая странность – чуть ниже о ней будет сказано особо – но она не отменяла того факта, что Левитт Элли в своём рассказе о перемещениях в тот день в целом оказался довольно точен. А этот вывод означал одно из двух – либо он не убивал Абию Эллиса [и тогда получалось, что полиция смотрит совсем не в ту сторону], либо он его убил, но очень хорошо подготовился к возможным вопросам. Во втором случае полиция упускала из вида нечто важное...

Посмотрим на карту Бостона, представленную ниже. Это карта 1852 г., на ней Ханнеман-стрит, где предположительно был убит Абия Эллис, ещё находится южнее южной границы города. Через 20 лет, ко времени описываемых событий, Бостон значительно расширился, и Ханнеман-стрит (она показана чёрным пунктиром) была уже глубоко внутри городской застройки. Посмотрев на карту, легко понять, что если убийца имеет намерение бросить труп в воду, то ему следует направиться к заливу Саус-бэй, расстояние до которого составляло 400 метров... ну пусть 500 или 600 с учётом огибания углов. Но топить труп в реке Чарльз, расстояние до которой 3 или даже 4 раза больше, крайне нерационально.

Карта Бостона 1852 г. позволяет наглядно представить взаимное расположение мест проживания Левитта Элли на Ханнеман-стрит (чёрный пунктир) и реки Чарльз, в водах которой были найдены бочки с трупом Абии Левитта. Знак * (звёздочка) показывает пристань газового завода в Кембридже, возле которой бочки с трупом были замечены и впоследствии подняты из воды. Река Чарльз отдалена от дома подозреваемого на довольно значительное расстояние [~1,8 км], быстро преодолеть которое гужевым транспортом представлялось весьма затруднительно [если не сказать невозможно]. Поскольку весь день 6 ноября подозреваемый провёл в центре Бостона, полиция сочла, что наилучшим местом сброса бочек с трупом в воды реки Чарльз могла стать улица Чарльз-ривер-стрит (или просто Чарльз-стрит). Она выделена на этой карте белым пунктиром. Кратчайшее расстояние между Ханнеман-стрит и Чарльз-стрит составляет 2 мили (~3,3 км).

Человек ленив, убийца ленив тоже! Кроме того, следует иметь ввиду, что мы говорим о времени, когда бочки с трупом следовало доставить к воде на телеге, а не в личном «пикапе» или в грузовом такси «Грузовичкофф». В реалиях тех лет имело большое значение, повезёт ли убийца свой груз на расстояние, скажем, 500 метров или же 2 км!

Отсюда возникал обоснованный вопрос, требовавший ответа: почему бочки были сброшены в реку Чарльз, а не в залив Саус-бэй и когда и как именно это было проделано?

По всему чувствовалось, что подозреваемый был готов к допросу, он отвечал уверенно, без долгих раздумий, однажды сказанное не видоизменял. Начальник полиции Сэвэдж, видя, что сбить с толку Левитта Элли никак не получается и допрос явно обречён на провал, обратился к допрашиваемому с вопросом, разрешит ли тот провести осмотр его дома и надворных построек? Левитт без колебаний согласился. Взяв с собою двух детективов – Вуда (Wood) и Хэма (Ham) – Сэвэдж отправился в обществе Элли на Ханнеман-стрит. Там к ним присоединился капитан Смолл (Small) с группой патрульных.

Осмотр, который правильнее было бы назвать обыском, привёл к обнаружению того предмета, которого якобы у Элли не имелось. Речь идёт о старом топоре, на отсутствии которого Элли настаивал несколькими часами ранее. Топор был передан на сохранение капитану Смоллу, а подозреваемому был, разумеется, задан вопрос о причине неточности его показа-

ний. Левитт в ответ лишь пожал плечами и заявил, что считал топор пропавшим – ну а что тут ещё сказать?

Также во время обыска были обнаружены кое-какие деловые бумаги Левитта Элли. Поначалу казалось, что они будут способны помочь обвинению и подтвердят финансовое неблагополучие подозреваемого, но этого не произошло. После их изучения стало ясно, что Левитт в целом является человеком зажиточным – на его имя, в частности, была записана кое-какая недвижимость в штате Нью-Гэмпшир, а кроме того, он имел банковский депозит на 650\$. Это были не то, чтобы фантастические сбережения, но учитывая, что семья Левитта вела очень экономный образ жизни и подозреваемый владел бизнесом, приносящим стабильный доход, стало ясно, что финансовый крах Элли отнюдь не грозил. Сделав этот вывод, детективы интерес к бумагам Левитта моментально потеряли.

После обыска – точнее, осмотра! – Элли был увезён из дома в полицию, где допрос его продолжился. Лишь в районе 21 часа он был отпущен домой, но с условием, что на следующий день явится к 9 часам утра в полицию для продолжения «беседы».

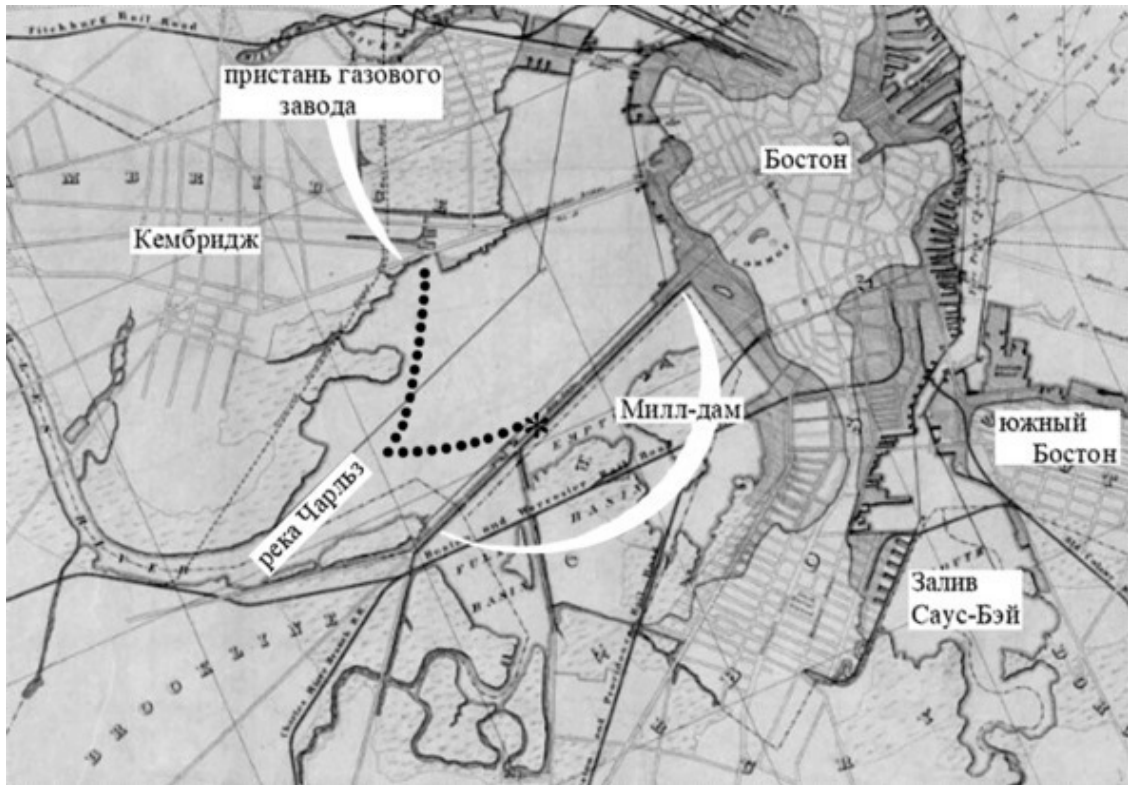
Мы можем только гадать, как развивалась бы «беседа» утром 9 ноября, но уже после того, как Левитт был отпущен домой, произошло нечто, прямо повлиявшее на события следующего дня. К начальнику полиции Бостона Эдвину Сэвэджу обратился полицейский Джон Перри (Jon W. Perry), сообщивший о том, что в среду 6 ноября около 14:30 он видел 2 бочки, плававшие в водах реки Чарльз. Полицейский в это время находился на дамбе Милл-дам (Mill-dam) [смотрите карту ниже]. Понаблюдав за бочками, Перри понял, что они поднимаются вверх по течению реки, поскольку с юго-востока дул сильный ветер. Одна из бочек была больше другой по размеру и выглядела более погружённой в воду, чем другая, которая качалась на волнах, как поплавок. Перри отметил про себя этот факт, но никаких действий не предпринял, ибо контроль за состоянием акватории реки не входил в круг его служебных обязанностей.

Выйдя на службу на следующий день и узнав об обнаружении останков в Кембридже, Перри предположил, что увиденные им бочки являлись именно теми, в которые был помещён расчленённый труп. Полицейский вернулся на Милл-дам и осмотрел то место, откуда видел бочки. Неподалёку от створа шлюза, оборудованного в теле дамбы, он обнаружил мелкие щепки чёрного ореха и какого-то светлого дерева, породу которого определить не смог. По мнению Перри, он нашёл то место, где бочки были спущены с повозки и брошены в воду. Это предположение выглядело логичным – дорогу по дамбе возле шлюза перегораживал шлагбаум, возле которого дежурил патруль речной полиции, и преступник со своим страшным грузом, разумеется, не желал попадаться на глаза полицейским. Не доезжая до шлагбаума около 60 метров, он снял бочки с повозки и бросил в реку. Тёмной, холодной, дождливой ночью он мог действовать, не опасаясь быть замеченным, поскольку полицейские прятались от непогоды в сторожевой будке.

Сообщение наблюдательного патрульного полностью снимало проблему, связанную с Чарльз-ривер-стрит, которую подозреваемую Левитт Элли не посещал на протяжении всей недели с 1 по 8 ноября. Ведь Левитту незачем было приезжать на эту улицу – бочки он сбросил в реку Чарльз совсем в другом месте!

Приведенная ниже иллюстрация наглядно демонстрирует важность сделанного патрульным заявления. Ветер, дувший 6 ноября с юго-востока, погнал волны реки Чарльз против обычного направления движения воды, поэтому бочки с трупом Абии Эллисы поплыли не в сторону океана, а вверх по течению. Это кажется контринтуитивным, противоречащим нашему повседневному опыту, но именно так работает принцип наводнений на широких реках [например, именно ветер, направленный против течения – а вовсе не прилив! – вызывает наводнения на реке Нева в Санкт-Петербурге]. Преступник, бросивший бочки в реку, очевидно, рассчитывал на то, что они быстро попадут в океан, но не сделал необходимую поправку на направление ветра.

Бочки с трупом сначала поднялись вверх по течению реки Чарльз, а после того, как направление ветра во второй половине дня 6 ноября изменилось [он задул с юго-запада], бочки стали дрейфовать вниз. При этом ветер постепенно их прибавал к противоположному берегу реки, в силу чего они оказались в районе пристани газового завода, где и были замечены около 15 часов.

Карта Бостона 1852 г. показывает взаимное расположение объектов, о которых идёт речь в очерке. Знаком * обозначено место обнаружения кусочков дерева (щепы) возле ворот шлюза на дамбе Милл-дам, где предположительно бочки были сняты с повозки и брошены в реку Чарльз. Чёрный пунктир показывает движение бочек в воде – сначала под воздействием ветра, дувшего с юго-востока, вверх по течению реки Чарльз, а после перемены направления ветра – вниз, к пристани газового завода в Кембридже.

С учётом информации, полученной от патрульного Перри, перемещения бочек получали хорошее объяснение, гораздо более правдоподобное, чем для версии, при которой их сброс производился в районе улицы Чарльз-стрит.

Всё отлично сходилось!

Именно информация, сообщённая Джоном Перри, явилась той пушинкой, что окончательно склонила чашу колеблющихся весов в пользу того, что Левитт Элли мог быть убийцей Абии Эллиса и подлежит аресту.

Когда утром 9 ноября подозреваемый явился в здание полиции, как ему было приказано накануне, детективы приступили к допросу, уже зная, что по окончании одного – независимо от сознания или не сознания в совершении преступления! – Левитт будет арестован.

После напряжённого допроса, в ходе которого от подозреваемого не удалось добиться каких-либо признаний или неосторожных высказываний, детективы объявили Левитту, что тот арестован и домой более не вернётся.

Элли находился в камере в здании Департамента полиции, когда вечером того же дня в Бостоне начался чудовищный по своим масштабам пожар, вошедший в историю города как

«Большой пожар» или «Великий пожар». Как стало ясно по результатам последующего расследования, очаг возгорания находился в подвале 5-этажного склада на углу улиц Кингстон и Саммер в центре города. Пламя было замечено немногим позже 19 часов. В то время в здании не было ни одного работника [всё-таки, речь идёт о субботнем вечере!], что послужило основанием подозревать поджог. Впрочем, виновный никогда не был установлен, как и истинная причина возгорания.

На протяжении последующих 12-15 часов огонь охватил территорию в 25 гектаров плотной городской застройки. По официальной статистике, пожар уничтожил 776 зданий и нанёс чудовищный урон местному бизнесу и городскому хозяйству. Точные убытки вряд ли возможно было установить, считается, что стоимость личного имущества, уничтоженного огнём, достигала 60 млн.\$, а городского – 13,5 млн.\$. На пожаре погибло 13 человек, чья личность была установлена, но имелся ряд неопознанных трупов, поэтому число жертв пожара обычно определяется в 20 человек.

Говоря о "Большом Бостонском пожаре" нельзя не упомянуть о том, что некоторая часть жертв и разрушений явилась следствием неразумных [мягко говоря] действий властей. Кому-то пришло в голову использовать для борьбы с огнём ударную волну от взрыва, произведённого в непосредственной близости от фронта горения. Надо сказать, что такая тактика действительно используется для тушения открытого горения газовых или нефтяных скважин, но для борьбы с огнём, распространяющимся широким фронтом, не годится. Тем не менее, светлые умы бостонских руководителей решили опробовать неизвестную им методику на собственном городе. Перед горящими зданиями стали размещать и подрывать бочки с порохом, которые пламя, разумеется, погасить не смогли, а вот близлежащие постройки успешно разрушали, зачастую травмируя их жителей, зевак и пожарных.

В общем, бостонские власти личным примером доказали всему миру, что дурак с гранатой, безусловно, опасен, но дурак с бочкой пороха – опаснее стократ.

Панорама сгоревшего Бостона утром 10 ноября.

Левитт Элли, переживший "Большой пожар" в камере, во время этих трагических событий повёл себя довольно интересно. Полицейские, наблюдавшие за поведением арестантов, отметили в своих рапортах, что Левитт страшно переживал из-за невозможности оказаться на улице. Ранее очень спокойный и рассудительный, в часы пожара он пришёл в страшное возбуждение и кричал полицейским через решётку, что по их вине лишается больших денег, поскольку в такую ночь мог бы заработать извозом 500\$ или даже больше. Он был страшно разгневан из-за того, что арест лишил его возможности хорошенько заработать на людском горе.

Момент этот оказался очень интересен и впоследствии поведение Левитта в ночь «Большого пожара» использовалось как свидетельство его сквалыжности, или, выражаясь мягче, меркантильности. Комментировать эту историю вряд ли нужно, каждый вправе делать собственный вывод.

На протяжении ноября 1872 года детективы полиции Бостона, выполняя поручение окружного прокурора Джона Мэя (John W. May), продолжали сбор сведений, способных подтвердить виновность Левитта Элли в убийстве Абии Эллиса. Был выявлен ряд ценных свидетелей, сообщивших правоохранительным органам весьма ценную информацию.

В частности, детективам удалось разговорить некоего Джона Тиббетта (John Tibbett), одного из грузчиков, работавших на Левитта Элли. Выяснилось, что Джон являлся старым другом арестованного – они вместе росли в штате Нью-Гэмпшир, но затем их пути разошлись, поскольку Левитт в 1869 году перебрался в Бостон. В августе 1871 г. Тиббетт ввиду разорения уехал из Нью-Гэмпшира и также отправился в Бостон, Левитт разрешил другу некоторое время пожить в своём доме и предложил работу грузчика. Для человека совсем без денег, каковым тогда являлся Джон Тиббетт, эта помощь оказалась очень важна.

Рассказывая о событиях 5 ноября, Тиббетт сообщил детективам, что в тот день в мастерской Шуллера были приобретены 3 бочки с опилками – 2 небольшие из белого дерева и 1 большая – из красного [тут сразу приходит на ум сообщение патрульного Джона Перри, рассказавшего об обнаружении на Милл-дам щепок 2-х разных видов – светлого дерева и тёмного]. Эти бочки были привезены на Ханнеман-стрит и занесены в конюшню.

Тиббетт владел 1-м из 3-х ключей от конюшни и мог приходить в любое время, но Левитт сказал ему тем вечером, что можно идти отдыхать, поскольку работы больше не будет. Произошло это около 19 часов. Джон Тиббетт отправился в дом и явился на конюшню только утром следующего дня. И бочек в конюшне уже не обнаружил.

Другое важное свидетельство предоставила полиции Эллен Келли (Ellen Kelley), соседка подозреваемого. Женщина проживала в доме №6 по Спринг-корт (Spring court), находившемся буквально в 30 футах (10 м) от дома Элли. По словам Келли, около 19 часов 5 ноября она шла в местную церковь мимо домовладения Элли, и в конюшне последнего были слышны голоса, в частности, кто-то произнёс что-то вроде "God d-n you". Когда женщина шла обратно, то обратила внимание на то, что в конюшне горел свет. Спустя некоторое время, несколько позже 20 часов, Келли отправилась за водой и опять услышала некие звуки, доносившиеся из конюшни Левитта. Звук был похож на тот, что издают перекачиваемые бочки.

Сообщение Эллен Келли было сочтено особенно важным потому, что подозреваемый во время допросов 8 и 9 ноября настаивал на том, что запер конюшню около 19 часов 5 ноября и отпер около 7 часов утра 6 ноября. И спрашивается, кто же тогда разговаривал в запертой конюшне и катал там бочки?

Ещё один свидетель – Уиллис Сэнборн (Willis H. Sanborn) – сообщил полицейским, что утром 6 ноября Левитт Элли появился возле своего дома около 8 часов утра. Сэнборн, владевший собственной лошадей и повозкой, время от времени помогал Левитту при выполнении крупных заказов. На утро 6 ноября у них была запланирована совместная работа и Сэнборн, согласно договоренности, прибыл на Ханнеман-стрит к 07:15. Там он обнаружил Куртиса, младшего сына Левитта, и грузчика Тиббетса, однако сам Левитт Элли отсутствовал. Он появился лишь около 8 часов утра, подъехав со стороны Вашингтон-стрит. Но и после этого все они оставались на месте, дожидаясь явки ещё одного грузчика, который прибыл спустя четверть часа.

В надёжности показаний Сэнборна можно было не сомневаться, поскольку свидетель хорошо знал Левитта Элли, был с ним очень дружен и ранее даже несколько месяцев работал на него грузчиком. Сэнборн был очень точен в деталях и заявил, что Левитт в тот день управлял повозкой, выкрашенной в красный цвет, и запряжена в неё была вороная кобыла. Это была единственная лошадь Элли, не болевшая в то время лошадиным гриппом.

Это свидетельство хорошо дополняли показания некоего Джорджа Армстронга (George L. Armstrong), по словам которого Левитт Элли вместе со своей повозкой утром 6 ноября в период с 07:30 до 8 часов находился возле бильярдной мастерской Шуллера. Армстронг

владел магазином, находившимся неподалёку, расстояние между его магазином и мастерской составляло буквально 20 футов, то есть 6 метров [адрес магазина Армстронга: Вашингтон стрит, дом №1043]. Армстронг, хорошо знавший Левитта Элли, перебросился с последним парой фраз. По словам свидетеля, Элли никуда не спешил и выглядел совершенно спокойным. Во время их разговора в повозку Левитта загрузили бильярдный стол, Армстронг наблюдал за тем, как это осуществлялось, и заверил детективов, что никаких бочек в повозке не было.

В скором времени детективы полиции Бостона получили и иные немаловажные свидетельства.

Младший сын подозреваемого Куртис после ареста отца дал довольно неудачные показания, заявив, что утром 6 ноября заметил следы крови на рубашке отца в районе груди. Куртис заинтересовался происхождением пятен, и отец ответил, что это была кровь из ноздрей лошади. Сын, по-видимому, полагал, что этими показаниями поможет отцу, но в действительности они сильно повредили Левитту, поскольку убедили детективов в справедливости их предположения об убийстве и расчленении тела Эллиса именно вечером 5 числа.

Кроме того, рубашка со следами крови на груди при обыске дома Левитта Элли найдена не была. А это означало, что подозреваемый не просто одел чистую рубашку после замечания сына, но и потрудился над тем, чтобы избавиться от старой. В отношении нижнего белья он подобной предусмотрительности не проявил, очевидно, не предполагая, что в скором времени ему придётся раздеваться в полиции, где его одежда будет подвергнута внимательному осмотру.

Напомним, что на допросе в полиции Левитт ничего не говорил о крови из ноздрей лошади, а уверял, что кровь попала на его нижнее бельё во время противогриппозной вакцинации лошадей. Таким образом, показания отца и сына вступали в явное противоречие.

Имелся и другой нюанс, связанный с пресловутой вакцинацией. Левитт утверждал, будто не помнит, когда именно она проводилась в последний раз, но расплывчато говорил о конце октября, возможно, 31 октября. Однако, забегаая немного вперёд, сообщим, что детективам удалось отыскать ветеринара, из записей которого следовало, что лошадей подозреваемого он вакцинировал... 24 сентября! Расхождение в датах следует признать очень сильным. Такое расхождение порождало множество оправданных вопросов. К ним следовало добавить ещё один безответный и вполне оправданный вопрос уместный вопрос: **неужели Левитт Элли ходил в запачканном кровью нижнем белье почти 6 недель** [если отсчитывать со времени вакцинации 24 сентября]?

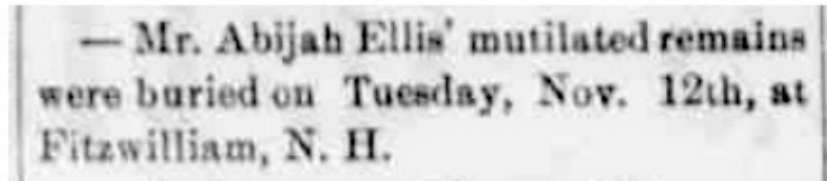
Впрочем, сейчас мы немного забежали вперёд, нарушив хронологию повествования.

Другим свидетельством, усилившим подозрения в адрес Левитта, явился рассказ одного из жителей города о том, будто он видел, как 6 ноября Элли расплатился с неизвестным, передав тому 30\$ – очень значительную сумму по меркам того времени. Левитт отрицал, что подобный эпизод имел место в действительности, настаивая на том, что свидетель ошибся. Тем не менее, полиция всё более укреплялась во мнении, что подозрения в отношении Левитта оправданны.

В понедельник 11 ноября Элли перевели из полицейского участка в Кембридже, где он содержался, в Бостон, где должно было пройти Большое жюри. В тот же день у подозреваемого появились адвокаты Льюис Стэкпол Дэбни (Lewis Stackpole Dabney) и Густав Сомерби (Gustav A. Somerby). Как станет ясно из дальнейшего, именно они станут героями этой весьма незаурядной истории, хотя в ту минуту, разумеется, никто не мог предполагать ни её исхода, ни той роли, какую придётся сыграть этим людям.

На следующий день Абия Эллис был похоронен в местечке Фрицвилльям (Fitzwilliam) в штате Нью-Гэмпшир. Для этого расчленённые останки пришлось перевезти в закрытом гробу по железной дороге за 80 км от Бостона и далее по просёлочным дорогам доставить на клад-

бище, на территории которого Эллисы на протяжении нескольких поколений владели большим участком земли.

Лаконичное газетное сообщение о предании земле тела Абии Эллиса 12 ноября 1872 г.

Могила этого человека сохранилась донныне, она находится в ряду других захоронений семьи Эллис. Сейчас мало кто знает, что это место можно назвать без преувеличения историческим, ведь с ним связан сюжет, достойный того, чтобы остаться в мировой истории уголовного сыска!

Продолжая сбор всевозможной информации о жизни и финансовых делах Левитта Элли, полиция установила, что старшая из дочерей подозреваемого была на сносях. Подозреваемый ждал внука и говорил о намерении сделать первенцу хороший подарок. Очевидно, это обстоятельство должно было влиять определенным образом на Левитта и могло быть одним из мотивов убийства кредитора.

Кроме того, после долгой и скрупулёзной калькуляции доходов и расходов Левитта Элли за последние годы, детективы пришли к выводу, что общая величина его долгов должна была составлять около 2 тыс.\$, что следовало признать очень значительной суммой.

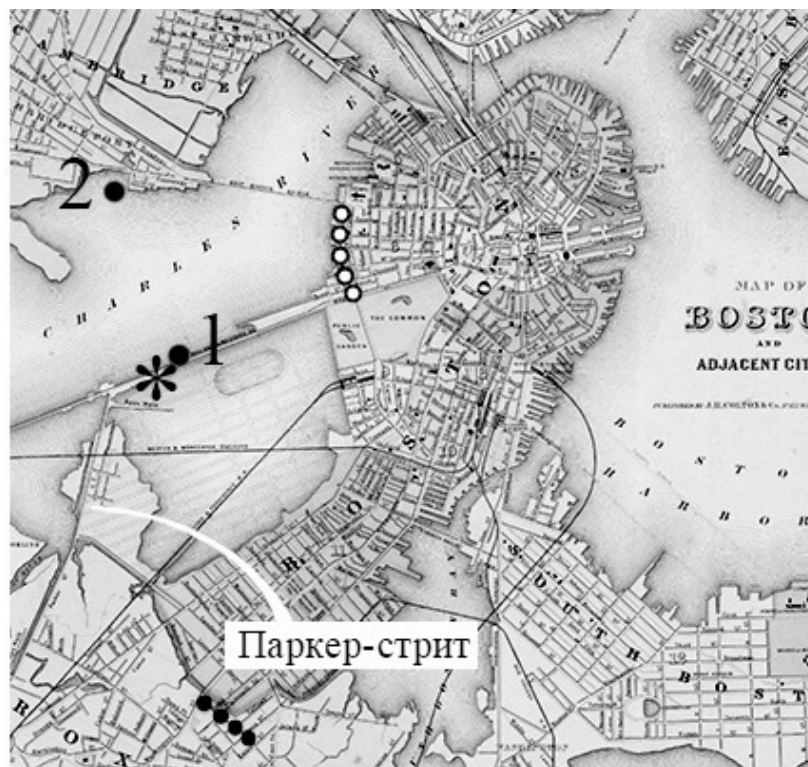
Могила Абии Эллиса на кладбище в районе Фрицвилльям, округ Чешир, штат Нью-Гэмпшир сохранилась до настоящего времени.

Полиции важно было отыскать свидетелей, видевших подозреваемого на дамбе Милл-дам, либо на подъездах к ней. И такой свидетель был найден!

Некий ломовой извозчик Франклин Рэмселл (Franklin A. Ramsell) явился в полицию и заявил, что «после 8 часов утра» 6 ноября двигался со своей повозкой по Милл-дам-роад, дороге, проложенной поверху дамбы, и у её южной оконечности встретил повозку... с 2-я бочками, прикрытыми зелёным ковром! Повозка ехала встречным курсом, то есть в направлении дамбы и не привлекла поначалу особого внимания свидетеля. Однако через некоторое время, когда Рэмселл возвращался обратно, он повторно встретил ту же повозку, которая теперь двигалась по Паркер-стрит (Parker str.) в направлении от дамбы. И бочек в повозке теперь не было!

Сообщение это по понятным причинам чрезвычайно заинтересовало детективов Сэведжа и они постарались выжать из свидетеля максимум информации. Франклин Рэмселл сообщил, что одна из бочек была больше другой, они имели разный цвет – одна казалась светлой, другая тёмной. Свидетель даже заверил, что сможет опознать ковёр, который покрывал бочки. Однако возницу свидетель опознать не мог и честно это признал, по его словам мужчина сидел, надвинув шляпу на глаза и низко опустив голову. Также свидетель не мог описать одежду подозрительного возницы, точнее, описание это имело самый общий характер и ничего полиции не давало.

Наконец, имелась ещё одна немаловажная деталь, на которую сейчас следует обратить внимание. По словам Рэмселла, он начал движение по Милл-дам-роад в 8 часов утра (дословно«(...) going over the Mill-dam road; started at eight o'clock (...)»), но точное время встреч с подозрительным возницей назвать не мог и даже не пытался это сделать. Скорость движения грузеной повозки составляла по общему мнению ~1,2 мили в час (менее 2 км в час), поэтому для определения времени встречи свидетеля с подозрительным возницей требовалось провести кое-какие вычисления.

Эта иллюстрация позволяет лучше понять содержание показаний Франклина Рэмселла. Цифра 1 показывает расположение багпорта (герметичных ворот) на Милл-дам, где находился шлагбаум и будка для наряда речной полиции. Цифра 2 обозначает приблизительное место обнаружения бочек с расчлененным трупом у пристани газового завода в Кембридже.

Знак * (звёздочка) показывает место на дамбе Милл-дам, где патрульный Джон Перри обнаружил щепки светлого и тёмного дерева. Полицейские считали, что именно там убийца снял бочки с трупом с повозки и столкнул их в воду. Место это было удалено от шлагбаума приблизительно на 60 метров. Чёрный пунктир показывает Ханнеман-стрит, где проживал подозреваемый Левитт Элли. Белый пунктир обозначает Чарльз-ривер-стрит – ту самую улицу, которая первоначально считалась местом сброса бочек в воду. Как видно, показания Рэмселла о встрече с одной и той же повозкой на дамбе и на Паркер-стрит, отлично вписывались в версию о причастности Левитта Элли к убийству Абии Эллиса.

Но сделать это корректно представлялось затруднительно по той простой причине, что точные места встреч были неизвестны. Показания Рэмселла в этой части теряли чёткость и становились довольно неопределенны.

После некоторых размышлений над словами свидетеля, Сэвэдж и его подчиненные решили отнести обе встречи к довольно широкому интервалу времени от 9 до 10 часов утра. Полицейские оказались до такой степени заворожены рассказом ценного свидетеля, буквально свалившегося на них, как снег на голову, что не поленились отвезти Франклина Рэмселла в дом Левитта Элли, где предъявили для опознания целый ворох всевозможных попон, ковров, ковриков, одеял и пледов, которыми можно было бы [теоретически] накрывать перевозимый груз. Рэмселл с некоторыми оговорками опознал старый зелёно-коричневый ковёр, что детективы, разумеется, сочли несомненным успехом.

Но рассуждая объективно, следовало признать, что это опознание, как и появление такого удобного свидетеля, рождало большое количество вопросов. Само по себе то, что Рэмселл рассмотрел и запомнил бочки, накрытые ковром (!), но при этом не обратил внимание на извозчика, выглядело как-то неубедительно и казалось сомнительным. Ещё более сомнительным выглядело то, что свидетель опознал ковёр – всё-таки, человеческий мозг обычно не фиксирует такие детали! Но на том этапе расследования никто особенно не задумывался над тем, насколько достоверным может быть сообщение Рэмселла. Показания этого свидетеля были восприняты совершенно некритично.

Полиция потратила немало сил на выяснение того, где и когда Абия Эллис был замечен в последний раз. Понятно, что в интересах следствия, уже сосредоточившегося на Левитте Элли, было бы очень желательно отыскать свидетеля, видевшего, как убитый входил в дом предполагаемого убийцы или, по крайней мере, находился неподалёку от него. Однако такого свидетеля отыскать не удалось.

Детективы получили сообщение, согласно которому Абия Эллис около 19 часов покинул таверну в доме №3 по Смит-стрит (Smith str.), где он ужинал. Это было последнее место, где убитого в последний раз видели в добром здравии – далее след потерпевшего терялся. Расстояние от таверны до дома Левитта Элли составляло 1 милю (~1,6 км.), что было довольно далеко. Улицы Бостона были плохо освещены, начало ноября ознаменовалось продолжительными ежедневными дождями, тучи висели над городом постоянно. Двигаясь по тёмным улицам на южной окраине города, Абия Эллис мог попасть под горячую руку какого-нибудь портового грузчика, местного работяги или бандита, которых тогда в Бостоне было немало. Город в те годы был наводнён разного рода криминальной публикой, промышленявшей кражами на железной дороге, в порту, с многочисленных складов и т. п. В интересах следствия было максимально «сблизить» предполагаемого убийцу с жертвой, однако в желаемом для следствия виде эту задачу решить не удалось.

Да и сам ужин в таверне на Смит-стрит рождал определенные сомнения в том, что там видели именно Абию Эллиса. В своём месте мы ещё скажем несколько слов о содержимом желудка убитого, пока же просто отметим, что меню его **предполагаемого** последнего ужина не соответствовало тому, что зафиксировала служба coronera.

Таким был Бостон до телефонов, трамваев, метро и автомобилей (фотографии относятся к последней трети XIX-го столетия).

В общем, в этой части следствие несколько «провисало». Тем не менее, окружной прокурор Мэй (May), деятельно руководивший расследованием, был полон оптимизма и не выказывал ни малейших сомнений в том, что правоохранные органы взяли нужный след и безошибочно назовут убийцу. И даже не просто назовут, но и докажут его вину в суде.

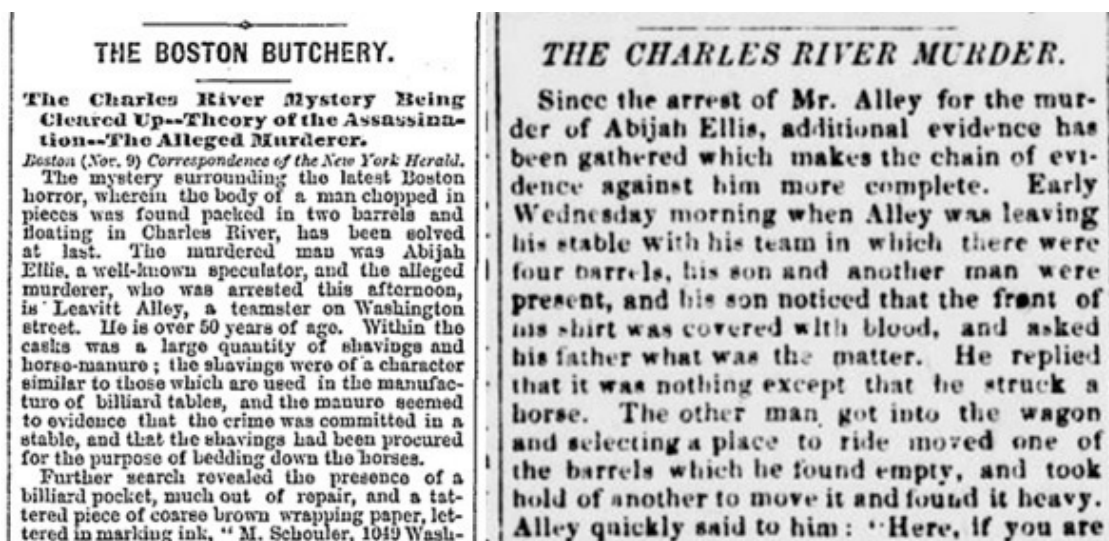
В целом следствие в те ноябрьские дни велось весьма энергично и результативно. Газеты регулярно оповещали как жителей Бостона, так и других регионов страны о ходе расследования, и это явилось одной из причин того, что правоохранные органы не сталкивались с затруднениями при поиске свидетелей.

Свидетельских показаний было не мало, а напротив, много, что создавало известные трудности по их приведению в единую непротиворечивую последовательность.

Работа Большого жюри округа Саффолк, которому предстояло оценить собранный прокуратурой обвинительный материал для решения вопроса о последующей передаче дела в суд,

началась 2 декабря 1872 г. Принимая во внимание, что с момента взятия подозреваемого под стражу минуло более 3-х недель, следует признать, что Большое жюри начало свою работу по этому делу с задержкой [обычно этот интервал много короче]. Задержка явилась следствием «Большого пожара», повлиявшего на все стороны городской жизни, в т.ч. и на функционирование правоохранительных органов.

Доклад с обзором собранных следствием материалов делал помощник окружного прокурора Хорас Чини (Horace R. Cheney). Подозреваемый не отказался от дачи показаний – хотя и имел на это полное право – и заявил о своей полной невинности. Он сделал ряд важных заявлений, в частности, по его словам, 5 ноября он встречался с убитым возле Хэммонд-парка (Hammond park). Встреча произошла в 14 часов, то есть задолго до убийства [напомним, Абию видели живым спустя 5 часов!]. Встреча прошла совершенно обыденно, без каких-либо эксцессов. Левитт настаивал на том, что передал Абие 90\$ наличными и спокойно уехал.

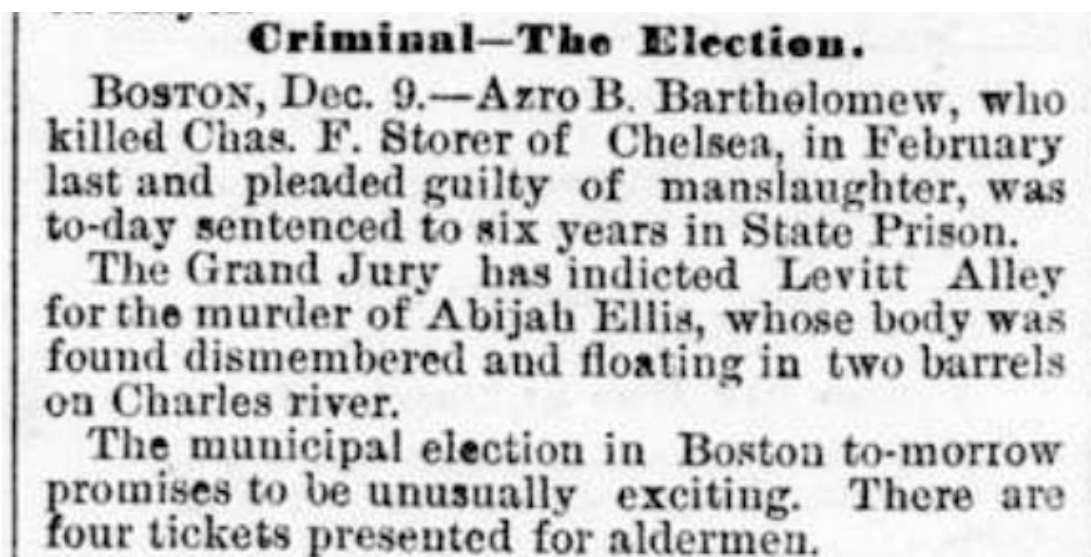
Во второй половине ноября 1872 г. в различных газетах, как Массачусетса, так и других штатов, появилось довольно много публикаций, посвященных расследованию убийства Абии Эллиса. Даже «Большой пожар» Бостона не особенно отвлек читателей от загадок этой необычной истории. Слева: начало большой статьи с говорящим заголовком «Бостонская бойня» в газете «Chicago daily tribune» от 15 ноября. Справа: статья в «Daily Kennebec journal» в номере от 21 ноября под названием «Убийство на реке Чарльз».

Левитт Элли держался с большим достоинством и выглядел совершенно спокойным. Это до некоторой степени сбивало с толку, если бы не внушительность обвинительного материала, представленного прокуратурой, Большое жюри с немалой вероятностью могло бы дело в отношении Левитта остановить. Однако помощник окружного прокурора Хорас Чини оказался очень убедителен и полностью разрушил позитивное впечатление, произведенное подозреваемым. Он вывалил в уши членам жюри такой поток разнообразной информации и вызвал на заседания такую толпу свидетелей, что членам Большого жюри осталось лишь сдаться и полностью признать все доводы обвинения.

9 декабря 1872 г. старшина Большого жюри Артимус Холден (Artemus R. Holden) подписал «индайтмент» («indictment» – обвинительное заключение), в котором признавал собранный окружной прокуратурой материал исчерпывающим и достаточным для поддержания в суде обвинения Левитта Элли в убийстве Абии Эллиса.

Может показаться удивительным, но произошедшее не вызвало особого ажиотажа в прессе, наверное, потому, что подобный исход представлялся ожидаемым. Сенсацией стал бы, как раз, обратный результат – снятие с Левитта обвинений.

13 декабря вердикт Большого жюри был официально передан в канцелярию Верховного суда округа Саффолк. Левитт Элли оставался в тюрьме, и будущность его рисовалась в самом мрачном свете.

Краткое упоминание в газете «The Portland daily press» в номере от 10 декабря 1872 года о работе Большого жюри округа Саффолк, рассматривавшего обвинительный материал по делу об убийстве Абии Эллиса. То, что собранное окружной прокуратурой «тело доказательств» было признано достаточным для передачи дела в суд, оказалось вполне ожидаемым и не вызвало особого интереса журналистов и публики. Данному делу был посвящен всего один абзац, причём даже не первый.

У обвиняемого совсем не оставалось денег. Младший брат Джон Элли, который должен был каждый месяц выплачивать некоторую сумму от проданного Левиттом участка земли в Нью-Хэмпшире, предложил вместо денег вексель с обязательством погашения долга через год. Фактически это клочок бумаги, который ничего не стоил, в современной России подобную манипуляцию называют «кидаловом». Деловые партнёры арестанта испытывали серьёзные затруднения с оплатой уже выполненных работ и просили об отсрочке. В этой ситуации Левитт был вынужден объявить о том, что неспособен оплачивать услуги адвокатов. Он официально обратился в окружной суд с просьбой оплатить по стандартным расценкам работу защитников. 11 января 1873 г. судья Мортон постановил удовлетворить ходатайство обвиняемого. Адвокаты Дабни и Сомерби продолжали представлять интересы Левитта Элли, только теперь они работали за казённый счёт.

Что ж, нельзя не признать, что это было довольно гуманно!

Процесс по обвинению Левитта Элли в убийстве Абии Эллиса открылся в здании окружного суда 3 февраля 1873 г. Председательствовал на процессе судья Джон Уэллс (John Wells), подменным судьёй был назначен Маркус Мортон (Marcus Morton). Обвинение решил возглавить Генеральный прокурор штата Массачусетс Чарльз Трейн (Charles R. Train), и решение это, разумеется, не было спонтанным.

Трейн являлся большим политиком, человеком с серьёзными связями, деньгами и огромными амбициями. Уже в возрасте 30 лет он стал депутатом парламента штата Содружество Массачусетса от Республиканской партии и в дальнейшем оставался в числе её высшей номенклатуры. На своём политическом поприще Трейн занимался всяким — он был окружным прокурором, входил в администрацию Бостона, где возглавлял важнейший с точки зрения финансирования Комитет по общественным зданиям и территориям (Committee on

Public Buildings and Grounds), некоторое время занимал должность заместителя Генерального прокурора штата. Во времена Гражданской войны Чарльз Трейн даже отправился воевать, но, разумеется, не с ружьём в руках с примкнутым штыком, а при штабе. Около полугода он являлся адъютантом главкома союзной армии Джорджа Бринтона МакКлееллана (George Brinton McClellan). После того, как МакКлееллан был отставлен от должности, Чарльз Трейн потерял интерес к войне и вернулся к созидательному труду в тылу.

Хотя личная поддержка обвинения в суде не входила в круг должностных обязанностей Генерального прокурора штата, Трейн решил принять участие в процессе. Логика его была более чем прозрачна – убийство Абии Эллиса стало широко известно, интерес к нему огромен, обвинительный материал собран солидный и убедительный, осуждение обвиняемого предопределено отлично проведенным расследованием... Так чего ещё надо для репутации блестящего политика?! Следовало лишь явиться в суд, немного попинать обвиняемого, отправить его на виселицу, а потом всю оставшуюся жизнь рассказывать репортёрам и избирателям о неустанной борьбе на ниве обеспечения безопасности и порядка населения.

Генеральный прокурор Массачусетса Чарльз Трейн в начале 1873 года выступил на процессе Левитта Элли главным обвинителем.

Помощником обвинителя выступал Джон Мэй (John W. May), окружной прокурор округа Саффолк – тот самый человек, что и провёл собственно расследование. Наверное, Мэю было обидно, что Генеральный прокурор цинично отодвинул его на второй план, ибо лавры разоблачителя гнусного убийцы по праву должны были достаться Мэю, но... но против высокого начальства не попрёшь, и окружному прокурору пришлось довольствоваться ролью "второй скрипки".

То, что обвинение поддерживал лично Генеральный прокурор штата, ничего хорошего Левитту Элли не сулило. Ясно было, что за проигрышное дело Генпрокурор братья бы не стал, то, что Чарльз Трейн решил покрасоваться в суде, означало его непоколебимую уверенность в вынесении обвинительного приговора.

Судебный процесс открылся традиционной процедурой – избранием жюри присяжных. С этим делом было покончено на удивление быстро – менее чем за 1,5 часа. Иногда на остро конфликтных [спорных] процессах выборы жюри растягиваются на несколько заседаний и про-

текают в обстановке крайнего нервного напряжения всех участников. В данном же случае всё прошло на удивление спокойно и даже рутинно.

После выбора жюри присяжных окружной прокурор Джон Мэй ознакомил присутствующих с обвинительным заключением. В нём он восстановил картину убийства, каковой та была, по мнению стороны обвинения.

Надо сказать, что реконструкция, нарисованная прокурором, выглядела довольно необычно. Собственно о преступлении в версии обвинения не говорилось вообще ничего, из обвинительного заключения невозможно понять откуда и куда двигался потерпевший, как он оказался на месте убийства, почему он там оказался, когда это произошло. Сначала прокурор Мэй сообщил суду об обнаружении в бочках клочка бумаги с адресом мастерской Шуллера, затем безо всякой связи перескочил на следы крови в конюшне в Левитта Элли, а затем бодро принялся рассказывать как именно последний избавлялся от расчлененного трупа жертвы.

По версии обвинения, подсудимый немногим ранее 5 часов утра 6 ноября отправился в конюшню, там некоторое время расчленял труп Абии Эллиса, рассовывал останки по бочкам и запрягал лошадь, а около 06:40 выехал с территории двора с 4-я бочками в повозке. **Если читать обвинительное заключение строго формально, то можно подумать, что подсудимого обвиняли в расчленении и сокрытии трупа, поскольку про сам акт убийства там не было вообще ни единого слова!** В любом документе такого рода должно присутствовать [хотя бы в предполагаемой форме] указание на место и время встречи убийцы и его жертвы и объяснение природы возникшего конфликта – в данном же случае ничего этого в обвинительном заключении прописано не было.

Говоря о перемещениях Абии Эллиса вечером 5 ноября – то есть в день убийства – окружной прокурор признал, что тот находился довольно далеко от дома Левитта (~1,6 км по прямой, а реально – больше) и обвинение не может сказать, где и когда произошла встреча убийцы и жертвы. Этот довольно неловкий для обвинения момент Джон Мэй обыграл весьма коряво, заметив: «Как они встретились и что последовало далее, известно только Абии Эллису и Богу» («How they met and what transpired was known only to Abijah Ellis and to God»). Формулировки такого рода в суде, конечно же, звучат совершенно неуместно.

Документ, зачитанный окружным прокурором, выглядел очень странно даже по меркам того времени. Но не зря же говорят «хозяин – барин!», коли Генеральный прокурор штата считает возможным выходить в суд с таким обвинительным заключением, то почему бы и нет?!

Далее начался вызов и заслушивание свидетелей обвинения. Сначала это были рабочие газового завода, обнаружившие плававшие в воде бочки и извлекавшие их из воды – Стефен МакФэйден (Stephen McFaden), Уильям Голдспринг (William Goldspring) и Уильям Хэзлитт (William Hazlitt), – потом последовали полицейские из Кембриджа, прибывшие на пристань – Джон Милликен (John S. Milliken) и Мозес Чайлд (Moses M. Child). На этом этапе ничего особенно интересного или необычного не происходило – показания этих свидетелей в очерке рассмотрены.

После этого последовал допрос владельца мастерской по производству бильярдных столов Питера Шуллера и его сына Мишеля. Внимание суда стало постепенно перемещаться к фигуре обвиняемого, который, как мы знаем, вёл со свидетелями кое-какие дела. Мишель подтвердил в суде, что 5 и 6 ноября Левитт Элли приезжал к ним, покупал сначала опилки, а затем забирал бильярдный стол. Всякий раз в повозке Левитта находился 1 рабочий. Забрав утром 6 ноября бильярдный стол, Левитт возвратился в тот же день около полудня.

В зале суда находились улики, разложенные на нескольких столах. Мишелю предложили посмотреть на них и ответить на ряд связанных с ними вопросов. В числе улик находился фрагмент деревянной галтели (украшения стола сложного профиля), посмотрев на который свидетель заявил, что узнаёт улику – такие детали использовались в их мастерской, более того,

в их мастерской они изготавливались. Дальше, однако, последовал неприятный для обвинения казус, который можно было считать своего рода предостережением.

Посмотрев на опилки, вываленные горой на одном из столов, Мишель неожиданно заявил, что они не похожи на отходы их производства. Это было явно не то, что проводивший его допрос Чарльз Трейн рассчитывал услышать! Он моментально задал вопрос на другую тему, но этот мелкий эпизод с очевидностью продемонстрировал не иллюзорную возможность того, что судебный процесс преподнесёт неожиданные для всех сюрпризы.

Мишеля Шуллера спросили о происхождении клочка синей бумаги с адресом их мастерской, найденного в одной из бочек с частями трупа. Свидетель ответил, что в подобную синюю бумагу обычно заворачиваются бандероли, приходящие по адресу мастерской. Последняя такая бандероль стоимостью 31\$ была получена 18 октября 1872 г., то есть примерно за 3 недели до убийства Абии Эллиса.

Второй день суда начался с допроса Джона Тиббетса (John Tibbetts), того самого грузчика Левитта Элли, что являлся его многолетним другом и приехал в Бостон из Нью-Гэмпшира. Свидетель покинул конюшню в 19 часов 5 ноября, причём сделал это в обществе Анны, младшей из дочерей обвиняемого, и более не возвращался, а потому ничего особенно важного он теоретически сказать не мог. Однако в действительности его показания оказались очень и очень любопытны!

Прежде всего, Тиббетс заявил, что участвовал в перевозке бочек с опилками, купленных 5 ноября в мастерской Шуллера. По его словам, по прибытии в конюшню содержимое 2-х бочек тут же было засыпано в стойла – 2-х лошадей – это сделал Тиббетс лично при помощи Левитта. Так в этой части он подтвердил, вроде бы, заявление Мишеля Шуллера о том, что опилки, найденные в бочках с трупом, не соответствуют опилкам из бильярдной мастерской.

Однако дальше стало интереснее! Когда зашла речь об опознавании улики, представленной суду, Джон Тиббетс заявил, что топор, выставленный на всеобщее обозрение, не соответствует тому новому топору, что имелся в доме Левитта, но впоследствии пропал. Пропавший топор имел рукоять, выкрашенную красной краской.

Это уточнение явно оказалось неожиданным для обвинения, но допрашивавший Тиббетса Генпрокурор попытался сделать хорошую мину при плохой игре, для чего заговорил об исчезновении топора после 5 ноября [т.е. предполагаемого времени убийства Абии Элли и расчленения его трупа в конюшне обвиняемого]. Свидетель согласился с тем, что топор действительно пропал, вот только случилось это вовсе не 5 ноября, а... после 9-го! Тиббетс уверенно заявил, что 9 ноября занимался починкой лошадиной упряжи и пользовался топором. В тот день Левитт Элли был взят под стражу, в дом явились полицейские, которые провели обыск, и вот тогда-то топор и пропал! Выглядело это так, словно полицейские сами же топор и прихватили – Тиббетс, разумеется, этого не сказал, но подтекст оказался более чем ясен.

Это утверждение свидетеля имело ещё и тот неприятный аспект, что ранее конюшню осматривал начальник полиции Эдвард Сэвэдж с помощниками. Начальник полиции решил, что топора нет, а топор, оказывается, оставался тогда ещё на месте!

Как-то нехорошо получалось, правда?

Удивительные откровения Тиббетса на этом отнюдь не закончились. Посмотрев на бочки, в которых были найдены части тела Абии Эллиса, свидетель неожиданно заявил, что это не те бочки, которые 5 ноября были получены в мастерской Шуллера. А когда допрашивавший его Генпрокурор попытался оспорить это утверждение, Тиббетс спокойно возразил, сказав, что он их, вообще-то, носил. Дескать, я их носил, я знаю...

Чарльзу Трейну пришлось срочно сглаживать неловкий момент, для чего он перевёл допрос на обсуждение материального положения обвиняемого. Однако и тут свидетель брякнул такое, что Генеральный прокурор явно не желал слышать. По словам Тиббетса, некий джентльмен по фамилии Остин (mr. Austin) попросил у Левитта Элли 2 или 3 ноября деньги

в долг, а Элли ответил, что дать не может, поскольку 5 числа ему предстоит встретиться с кредитором и вернуть тому 50\$. А это были большие деньги! Он вёл бизнес, осуществлял текущие платежи, гасил долг... и всё с деньгами у Левитта Элли было нормально.

Этот допрос с очевидностью показал недостаточную подготовку процесса со стороны обвинения. Вызывающая свидетеля сторона [обвинение или защита – неважно!] должна хорошо знать, что именно будет говорить свидетель. Допрашивающий должен быть готов к различным вариантам ответов "своего" свидетеля, впрочем, свидетеля противной стороны тоже.

Уже на 2-й день суда над Левиттом Элли стало ясно, что сторона обвинения явно не доработала и плохо подготовилась к допросам.

И вот тут, конечно же, возникала интрига. Какие сюрпризы таило продолжение суда?

Далее последовал допрос Эллен Келли (Ellen Kelley) – той самой соседки обвиняемого, что слышала подозрительные звуки [разговор мужчин, звук перекачиваемых бочек и пр.] около 19 часов в день убийства. Она почти дословно повторила свои показания, данные во время расследования и в ходе заседания Большого жюри, так что никаких неприятных сюрпризов в суде не последовало. Это было очень хорошо, поскольку обвинение рассматривало Келли как очень важную свидетельницу и придавало её словам большое значение.

После неё в зал был вызван Уильям Веллингтон (W.W. Wellington), врач коронерской службы из Кембриджа. Это именно он приезжал на пристань газового завода после поступления сообщения об обнаружении бочек с фрагментами человеческого тела. Доктор обстоятельно рассказал об исследовании останков, одежде, найденной в бочках, а также различном мусоре, оказавшемся в бочках и переданном полиции.

Допрос не сулил никаких неприятных для обвинения сюрпризов, но таковые случились! Адвокат Дабни, явно хорошо подготовившийся к процессу и прекрасно осведомленный о множестве важных деталей, во время перекрёстного допроса доктора Веллингтона заговорил о часах, который последний получил от Бракетта (J.Q.A. Brackett), одного из руководителей газового завода. Этот человек в числе первых прибыл на пирс после подъёма из воды бочек, и именно по распоряжению Бракетта была вызвана полиция после того, как бочки были открыты. То есть Бракетт находился на пристани ещё до появления доктора и был свидетелем того, как из перевернутой бочки выпали части человеческого тела. На том месте, где лежало содержимое одной из бочек, Бракетт поднял карманные часы, которые и передал Веллингтону после появления последнего на пирсе.

Льюис Дабни, один из защитников Левитта Элли.

Веллингтон подтвердил факт получения часов и признался, что, по его мнению, эти часы принадлежали убитому. После этого он согласился с тем, что остановка часов в момент нападения представляется ему вполне вероятной. Современному читателю следует помнить о том, что нынешние механические часы весьма далеко ушли от своих предков. Сейчас механизмы и корпуса даже сравнительно простых часов выполняются антимагнитными, пыле- и влагозащищёнными, ударостойкими. В XIX столетии уровень развития точной механики не обеспечивал рядовым карманным часам высокий уровень защиты от ударных нагрузок – часы останавливались даже при падении с незначительной высоты (менее 1 метра). Для человека того времени представлялось очевидным, что если владельца часов ударили по голове и он неконтролируемо упал, то часы должны будут остановиться.

Что доктор Веллингтон и подтвердил.

Адвокат после этого поинтересовался тем, какое же время показывали часы, полученные доктором от Бракетта? Веллингтон ответил, что часы показывали 11 часов. Но ответ этот радикально противоречил версии обвинения, ведь согласно предположениям окружной прокуратуры смерть Абии Эллиса последовала много ранее – в 8 часов вечера, может быть, в 9, но никак не в 11. Эллис Келли, допрошенная немногим ранее, вообще говорила о подозрительных звуках, услышанных около 7 часов вечера!

Самое интересное заключалось в том, что сторона обвинения попыталась скрыть существование часов, прекрасно понимая, что эта улика работает против предложенной прокуратурой версии событий. Картина получалась неприглядной – про фрагмент галтели, найденной в бочке, обвинение прекрасно помнит и не забывает спросить свидетеля, а вот про часы [такую важную улику!] забывает, так что ли?!

Нельзя не признать того, что адвокат Дабни этим допросом забил противнику прекрасный гол, показав суду и присяжным, насколько цинично сторона обвинения манипулирует материалами дела, выпячивая одни детали и замалчивая другие.

Далее последовал допрос городского чиновника Уильяма Джексона (William S. Jackson), представившего план района Ханнеман-стрит и домовладения Левитта Элли. Это был сугубо технический свидетель, и он появился в зале суда буквально на 5 минут.

А потом пришёл черёд извозчик Франклина Рэмселла (Franklin A. Ramsell), того самого, что видел некую повозку с бочками на дамбе, а чуть позже – ту же самую повозку, но уже без бочек. Рэмселл рассматривался обвинением в качестве одного из важнейших свидетелей, напомним, что именно «под него» была выстроена вся версия окружной прокуратуры.

Но прежде чем перейти к разбору того, что произошло в суде далее, следует сделать небольшое отступление. Есть такая специфическая категория людей, которая в силу неких внутренних психологических установок видит себя эдакими «ниспровергателями авторитетов», или, если угодно, знатоками всего и вся. Читатели с опытом общения в интернете, несомненно, сталкивались с персонажами такого сорта – они склонны к ведению полемики в конфронтационном ключе и свои субъективные суждения преподносят как истину в последней инстанции. Причём, как правило, пишут они на такие темы, в которых ничего не смыслят, а потому генерируют глупости. Причиной такого поведения являются как, мягко говоря, невеликий ум, так и психологические комплексы, обусловленные непризнанием окружающими их достоинств [достоинства эти по преимуществу существуют лишь в головах таких вот персонажей, но объяснить им это невозможно]. Причём следует понимать, что сейчас речь идёт не о «троллях», то есть людях, искусно раздражающих собеседника и тонко высмеивающих его на публике, а именно о тех, кто берётся с самым серьёзным выражением лица рассуждать о том, в чём ничего не смыслит.

Замечательным примером такого персонажа является лирический герой рассказа Василия Шукшина "Срезал". Если вы читали этот рассказ, то сразу же поймёте мою мысль, если нет, то прочтите – в образе Глеба Капустина выразительно показан тот типаж ехидного дема-

гога, о котором ведётся речь. Для юристов персонажи такого сорта неудобны и даже опасны, ввиду неспособности признавать ошибки. Если обычного человека можно убедить в том, что те или иные его утверждения ошибочны, бессмысленны либо вообще невозможны, то с шукшинским Глебом Капустиным конструктивное взаимодействие невозможно ввиду его невежества и закомплексованности.

Франклин Рэмселл являлся таким вот "Глебом Капустиным", разумеется, с поправкой на время и место. И это очень важно, потому что поведение этого человека напрямую повлияло на криминальный сюжет, которому посвящён настоящий очерк.

О чём идёт речь?

Рэмселл во время дачи показаний Большому жюри в ноябре 1872 года чуть-чуть видоизменил свои первоначальные показания, данные полиции ранее. Первая версия его повествования о событиях утра 6 ноября в своём месте была подробно изложена, но по прошествии десяти дней свидетель надумал чуть-чуть её дополнить. А именно – выступая перед Большим жюри, извозчик рассказал, что при съезде с дамбы он слышал колокольный звон, доносившийся со стороны Бруклина, пригорода Бостона, находившегося в 4 км юго-западнее дамбы. С одной стороны, эта мелочь как будто бы ничего не меняла, но с другой – эта информация давала чёткую привязку событий ко времени.

Помните прекрасный диалог из номера «Comedy club» под названием «Аналитики» [с участием Гарика «Бульдога» Харламова и Вадима Галыгина]: «Но это же ничего не меняет!» – «Да! Но нет!» И в данном случае получилось в точности по этой крылатой фразе: да! но нет!

Как мы увидим из последующих событий, упоминание колокольного звона Рэмселлом имело большое значение, поскольку сторона обвинения решила чётко «привязать» показания свидетеля ко времени. Для этого в число свидетелей обвинения были внесены представители нескольких религиозных общин из пригородов Бостона, которым надлежало прояснить вопрос о точном времени колокольного звона. Этих свидетелей можно назвать «техническими» в том смысле, что по существу дела они ничего не знали и сказать не могли, но располагали информацией, способной уточнить показания другого лица.

Данное уточнение представляется необходимым, поскольку без него читатель вряд ли поймёт с какой целью все эти люди приходили в суд и допрашивались Генеральным прокурором.

Следует отметить, что в показаниях Рэмселла присутствовали шероховатости, обращавшие на себя внимание всякого, кто их слышал. Так, например, извозчик заявил, что на встреченной им повозке стояли две бочки, одна была большой, а другая маленькой, причём одна казалась новой, а другая – старой. **Подобная детализация не могла не удивить, если принять во внимание то, что бочки были накрыты зелёным ковром и встреча двух повозок произошла в рассветный час на дороге, лишённой уличного освещения.** Удивительную остроту зрения продемонстрировал Франклин Рэмселл, не правда ли?

Проявленная острота зрения представлялась тем более удивительной, что встреченного возницу Рэмселл не только не смог опознать в обвиняемом, но даже и описать не сумел! То есть бочки под ковром в чужой повозке вижу, а человека, управляющего этой самой повозкой – нет... Только шляпу, надвинутую на лицо, заметил и пальто тёмное! Точка.

И подобное невнимание к внешности таинственного ломового извозчика свидетель проявил дважды, ведь повозку он встречал два раза!

Особенную неловкость ситуации придавало то обстоятельство, что Рэмселл являлся свидетелем обвинения, а потому допрашивавший его Генеральный прокурор не мог ставить под сомнение точность и правдивость услышанных показаний. Они признавались точными и правдивыми по умолчанию.

Генеральный прокурор наверняка кусал губы и раздумывал над тем, как бы так мягко и незаметно подтолкнуть упрямого осла в свидетельском кресле к едва заметной оговорке, чтобы тот произнёс что-то вроде: «так мне показалось», «возможно, я неточно рассмотрел», «быть может, в моей памяти смешались события разных дней»... Но Генеральный прокурор так ничего и не придумал и самодовольный Рэмселл сполна наслаждался всеобщим вниманием к своему продолжительному и довольно противоречивому рассказу.

Извозчик закончил давать показания и покинул зал судебных заседаний, исполненный сознанием важности выполненной миссии.

Далее последовали допросы ряда свидетелей, призванных продемонстрировать полноту полицейской работы. Сначала некий Уильям Ричардс (W.R. Richards), извозчик по профессии, лично знакомый с обвиняемым, рассказал о встрече с Левиттом Элли около 7 часов утра 6 ноября в районе Эшбартон-плейс (Asburton Place). Эта площадь находилась на удалении около 2 км от дома подсудимого. Из показаний Ричардса можно было сделать единственный вывод – утром 6 ноября Левитт Элли покинул дом очень рано!

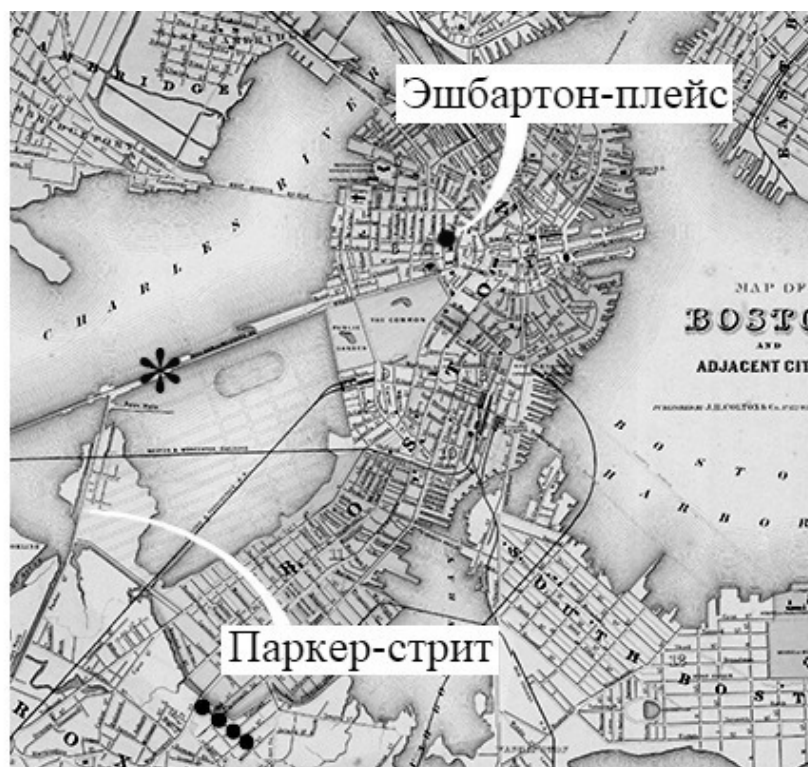
А следующий свидетель – капитан полиции Чарльз Бакстер (Charles W. Baxter) – подтвердил показания извозчика Ричардса о перемещениях последнего 6 ноября. Самого Левитта Элли полицейский на Эшбартон-плейс не видел, но вот Ричардс точно там появлялся.

После этого довольно много времени было уделено допросу Джона Перри, того самого полицейского, который обнаружил стружку на Милл-дам, в месте предполагаемого сброса бочек с трупом в воды реки Чарльз.

Следующий свидетель – Альберт Гарднер (Albert M. Gardner), торговец из магазина на Вашингтон-стрит – рассказал суду о покупке мистером Элли топора. Гарднер был знаком с Левиттом лично, так что ошибка в идентификации покупателя исключалась. Вечером 31 октября Левитт купил топор с небольшим дефектом, и в подтверждение этого факта свидетель предъявил книгу с записью о продаже. Когда Гарднера попросили опознать проданный топор среди улик, разложенных на столах в зале заседаний, свидетель заявил, что топор, представленный в суде, не является тем, который Левитт Элли купил в его магазине.

Что, как мы знаем, являлось чистой правдой, поскольку новый топор с красной ручкой, купленный в конце октября, исчез!

Наконец, в зале заседаний появился первый из свидетелей, призванный дать показания о времени колокольного звона. Это был Барни МакДональд (Barney McDonald), житель Бруклина, служитель тамошней Унитарийской церкви, единственного храма в Бруклине с колокольной. Барни заявил, что колокол этой церкви звонит с апреля 1872 года всегда в одно и то же время – в 7 часов утра. А по вечерам не звонит вовсе. **Сказанное прозвучало не очень складно, ведь около 7 часов утра Левитт Элли находился на Эшбартон-плейс, от которой до батопорта на Милл-дам приблизительно 1,8—1,9 км!** Для ломового извозчика это час езды или даже чуть более [в зависимости от массы перевозимого груза].

Эта карта Бостона позволяет наглядно представить сущность непримиримого противоречия между показаниями Рэмселла и Ричардса. Условные обозначения: знак * показывает место на дамбе Милл-дам в ~60 метрах западнее батопорта, где по версии следствия бочки с трупом были сняты с повозки и сброшены в реку Чарльз; чёрный пунктир – улица Ханнеманн-стрит, на которой проживал подсудимый. Прокуратура считала, что Левитт Элли должен был приехать из дома к месту сброса бочек и возвратиться обратно домой именно по Паркер-стрит. Это было логичное предположение, подкрепляемое тем обстоятельством, что именно на этом пути Рэмселл и видел подозрительную повозку сначала с бочками, а потом без них. Причём вторая встреча произошла в то самое время, когда где-то окрест звонил колокол. Однако другой свидетель – ломовой извозчик Ричардс – заявил, что видел Левитта Элли на площади Эшбартон-плейс, на удалении ~1,8—1,9 км от батопорта на дамбе. Совершенно очевидно, что подсудимый никак не мог в одно и то же время находиться вместе со своей повозкой в местах, разделенных столь значительным расстоянием.

Это был, конечно же, обескураживающий допрос, но надежда для обвинения ещё оставалась. Следующий свидетель – Томас Петтингэлл (Thomas S. Pettingall), настоятель баптистской церкви в Бруклине – сообщил суду, что в его храме колокол имеется, но звонит он только по утрам и притом нерегулярно. По воскресеньям колокол не звонит уже с июля этого года.

Сотрудник полиции Джон Сарджент (John Sargent) из Бруклина подтвердил слова предыдущих свидетелей, заявив, что по утрам звонит только колокол Унитарианской церкви, других звонов в то время в Бруклине нет. А по вечерам вообще никто не звонит.

Далее последовали допросы трёх свидетелей из Лонгвуда, ещё одного пригорода Бостона, звон колоколов в котором можно было бы услышать в районе Милл-дам. Священники расположенных там церквей Джон Блэйсделл (John Blaisdell), Эдвин Кэйт (Edwin R. Cate) и Уильям Фелпс (W.W. Phelps) единодушно показали, что в Лонгвуде не могло быть колокольного звона. Ни утреннего, ни вечернего...

Всем, кто находился в зале суда, стало ясно, что Франклин Рэмселл со своим рассказом о якобы слышанном колокольном звоне очень сильно напортил! А ведь это был очень важный свидетель, обвинение делало на него такую ставку!

Однако разного рода нестыковки в показаниях свидетелей на этом не закончились, напротив, скорее именно сейчас они и начались! Джеймс Бейкер (James M. Baker), один из работников обвиняемого, сообщил суду, что явился к дому Левитта в 6 часов утра 6 ноября. Элли не спал, он занимался чисткой лошади и готовился к очередным трудовым будням. Свидетель перекинулся с Левиттом несколькими словами. Бейкер видел, что в повозке лежали бочки, Левитт их поставил вертикально и покрыл ковром. Бейкер уселся в повозку, и они поехали по Вашингтон-стрит, там Левитт повстречал некоего Дэниела Мэхана (Daniel Mahan) и передал тому 50\$. Выполнив работу, свидетель возвратился домой в 06:45.

Со слов Бейкера можно было заключить, что в интервале между 6 часами утра и 06:30 Левитт Элли, управляя своей повозкой, двигался по Вашингтон-стрит в северном направлении, приближаясь к Эшбартон-плейс, где его в районе 7 часов увидел Уильям Ричардс. Но при этом он удалялся от Паркер-стрит, что делало невозможной его встречу с Франклином Рэмселлом! Если, конечно, последний не напутал со временем предполагаемой встречи.

Допрошенный в тот же день Дэниел Мэхан подтвердил факт получения денег от Левитта Элли утром 6 ноября, уточнив, что должник вручил ему две 20-долларовые банкноты и одну номиналом 10 долларов. Деньги эти являлись платой за лошадь, купленную Левиттом месяцем ранее. На уточняющий вопрос адвоката, какой день являлся последним для оплаты, Мэхан ответил, что 10 ноября. Таким образом, показания Джона Тиббетса, утверждавшего, что обвиняемый планировал заплатить 50\$ кредитору 5 ноября, получили подтверждение. То, что фактический платёж был произведён не 5 числа, а ранним утром 6-го ничего не меняло – Левитт Элли имел запас времени до 10 ноября и действовал как ответственный заёмщик, беспокоящийся о собственной репутации.

Однако помимо этой детали в показаниях Джеймса Бейкера имелась и другая, куда более неприятная для обвинения. Свидетель говорил о бочках в повозке – то есть более чем 1-й бочке! А между тем, обвинение считало, что 4 ноября в мастерской Шуллера были приобретены 3 бочки, из которых 2-е обвиняемый вечером 5 ноября бросил с Милл-дам в воды реки Чарльз. Ладно, можно было счесть, что в хозяйстве Левитта было много бочек и в повозке могли находиться какие угодно бочки [вовсе не из мастерской Шуллера], но... Но тут вылезал другой «косяк». Шуллеры настаивали на том, что утром 6 ноября Левитт Элли забрал у них бильярдный стол и повёз его заказчику, но при этом никаких бочек в повозке уже не было!

Итак, получалась интересная картина – Левитт Элли утром 6 ноября выезжает со двора с некими бочками и направляется к мастерской отца и сына Шуллеров. И по приезду к ним где-то позже 7 часов утра, но ранее 8, оказывается, что бочек в возке нет. То есть, где-то между 6 и 7 часами утра, возможно, между 6:00 и 7:30 обвиняемый от бочек избавился. Но где именно это произошло, обвинение не знало! Самое неприятное для обвинения заключалось в том, что подсудимый никак не успевал в указанном интервале прокатиться по Паркер-стрит и встретиться там с Рэмселлом.

В общем, с бочками в повозке происходили какие-то непонятные чудеса, а обвинение старательно делало вид, будто ничего страшного в этом нет.

Фокусы на этом, однако, не закончились. Мэри Так, очередная свидетельница обвинения, представ перед судом, несколько изменила показания, данные во время следствия. По её словам, Абия Эллис имел доход от 350\$ в месяц [ранее она говорила о сумме в 250\$], но самое главное изменение заключалось в том, что свидетельница «подвинула» время последней встречи с ним на вечернее время. Теперь она утверждала, будто в последний раз виделась с убитым 5 ноября между 19 и 20 часами, Абия зашёл к ней, чтобы получить плату 2\$ за занимаемое ею жильё. Напомним, что обвинение считало доказанным тот факт, что убитый покинул таверну в доме №3 по Смит-стрит (Smith str.) около 19 часов. В принципе, он мог за час пройти до дома Мэри Так [ему требовалось преодолеть 3,5 км.], но тогда он никак не успевал

на Ханнеманн-стрит! Не забываем, что по мнению Генерального прокурора в конюшне Левитта Элли в районе 8 часов вечера уже всю перекатывались бочки с разрубленным телом Абии! **Это время жёстко детерминировалось показаниями Эллен Келли, ценнейшего свидетеля обвинения.**

Заявление Мэри Так оказалось крайне неудобным для прокуратуры. Причём – на эту деталь следует снова обратить внимание! – слова свидетеля обвинения нельзя было опровергать «в лоб» или ставить под сомнение. Прокурор Мэй, проводивший допрос Мэри, мягко попытался подкорректировать её утверждение, предположив, что, быть может, встреча эта произошла не 5 ноября, а раньше, но... Мэри Так, подобно ломовому извозчику Рэмселлу, не захотела смягчить категоричность своих слов. Она уверенно заявила, что встреча произошла в последний день жизни Эллиса, и это был вторник. А 5 ноября 1872 года действительно являлся вторником!

Однако, показания Мэри Так содержали в себе ещё одну неприятную для обвинения новость, хотя и не очень явную. Дело заключалось в том, что свидетельница проживала в одном доме с Абией, строго говоря, она являлась его соседкой и, по-видимому, сожительницей [последнее не отменяло того факта, что она платила за съём жилья – но это специфика их отношений]. Если Абия Эллис действительно пришёл к Мэри вечером 5 ноября, то он, скорее всего, на улицу более не выходил, а остался дома. Фактически он и так уже был дома... Таким образом, убийство Эллиса должно было последовать либо в ночь на 6 ноября, либо ранним утром 6-го, что радикально ломало ту версию событий, которую прокуратура озвучила в обвинительном заключении.

Можно было, конечно, утверждать, будто убитый, выйдя из квартиры Мэри, направился не домой, а на Ханнеманн-стрит [а это почти 3 км!], но такое предположение выглядело недостоверно. Абия Эллис перемещался по улицам Бостона целый день, явно преодолел более 10 км, и пробежать под холодным дождём ещё 6 км [то есть сходить туда и обратно] – это так себе удовольствие!

Получалась очень неприятная для обвинения логическая "вилка" – либо Мэри Так действительно здорово напортачила со своими воспоминаниями, и её встреча с Абией на самом деле произошла 4 или даже 3 ноября, либо... либо реконструкция событий, проведённая стороной обвинения, соответствовала истине чуть менее, чем никак.

А следующий свидетель, занявший место сразу после Мэри Так не только не прояснил вопрос о событиях последнего вечера жизни потерпевшего, но лишь окончательно его запутал. Джозеф Блэнчард (Joseph Blanchard), многолетний знакомый и деловой партнёр Абии Эллиса, сообщил суду, что видел последнего 5 ноября около 19 часов возле дома №819 по Вашингтон-стрит. Эллис стоял на перекрёстке, сжимая в руке большую пачку банкнот, свёрнутую трубочкой. Напомним, в то же самое время Абия Эллис после плотного ужина выходил из таверны на Смит-стрит, дом №3. Расстояние между указанными адресами составляло немногим менее 4 км, и даже если считать, что кто-то из свидетелей ошибся в определении времени на четверть часа или даже полчаса, **представлялось очевидным, что убитый никак не мог находиться в столь отдалённых местах примерно в одно и то же время.**

При этом рассказ Блэнчарда отлично соответствовал показаниям Мэри Так. Абия Эллис прекрасно успевал домой к 19:30 и тем более к 20 часам.

Конфузы второго дня судебного процесса этим не ограничились. Очередной свидетель обвинения Джон Келли (John F. Kelley) должен был дать «проходные», то есть обычные, не критичные для слушаний показания. Дело заключалось в том, что Келли держал свою коляску в конюшне обвиняемого, и обвинение было обязано его опросить, дабы зафиксировать, что тот ничего интересного для суда не видел и не слышал. Так и получилось, Келли подтвердил, что ничего по существу уголовного дела сказать не может, ничего подозрительного в конюшне никогда не видел и никаких предосудительных действий Левитта Элли не замечал ни разу.

Опрос свидетеля занял буквально 3 минуты, его передали защите, и адвокат Дабни осведомился у Келли, имел ли тот ключ от конюшни. Свидетель ответил утвердительно, и тогда последовал второй вопрос: забирал ли Левитт ключи у свидетеля? Келли дал отрицательный ответ и тем самым заставил присутствующих задуматься над тем, как обвиняемый убивал, расчленял и рассовывал по бочкам части тела Абии Эллиса, зная, что в любую минуту в конюшню может явиться за своей коляской посторонний человек.

Или Джона Келли в таком случае тоже следовало убить, расчленить и рассовать по бочкам?

Дальше – больше, вернее, интереснее. Обвинение стало вызывать свидетелей, показания которых призваны были подтвердить факт наличия у Левитта Элли большой суммы денег утром 6 ноября. Собственно, эту же цель преследовал вызов в суд Дэниела Мэхана, подтвердившего факт получения из рук обвиняемого 50\$ утром 6 ноября, но теперь акцент на наличии денег следовало усилить. По логике прокуратуры, обвиняемый добыл деньги, убив своего кредитора.

Джордж Дарэм (George A. Durham), продавец в магазине на Нортхэмптон-стрит (Northampton str.), рассказал суду о том, как в его магазине вскоре после 8 часов утра 6 ноября появился Левитт Элли. Он сделал покупку, но... но на какую именно сумму, свидетель не знал и потому обвинению помочь не смог. Вызов этого человека в суд на самом деле не совсем понятен – он ничего не мог сообщить по существу рассматриваемого дела! То, что он появился перед судьёй и присяжными, лишний раз доказывает тот неприятный для обвинения факт, что **обвинители плохо ориентировались в «фактуре» дела и имели самое смутное представление о том, кто из свидетелей о чём именно должен свидетельствовать.**

Ладно, неудачный выход Джорджа Дарэма мог скорректировать вызов его коллеги Герберта Уилтона (Herbert S. Wilton), работника того же магазина, непосредственно общавшегося утром 6 ноября с Левиттом Элли. Однако и с Гербертом всё получилось «не слава Богу»! Поначалу свидетель говорил именно так, как надо было стороне обвинения. Уилтон подтвердил, что обвиняемый сделал и оплатил большой заказ, свидетель принял из его рук 50 долларов в банкнотах и отметил, что тот имел при себе около 200 долларов. Именно ради этих слов его в суд и вызывали!

Главный обвинитель на процессе Чарльз Трейн с чувством глубокого удовлетворения передал свидетеля для допроса защите. Наверное, он был очень доволен собою в ту минуту, но адвокат Дабни моментально испортил ему настроение, спросив свидетеля, насколько необычным для Левитта Элли был подобный платёж? Уилтон заверил суд в том, что мистер Левитт – уважаемый и вполне состоятельный член общества, и в подобных его покупках нет ничего необычного. Покупки на крупные суммы он осуществлял ранее неоднократно. Адвокат уточнил, когда именно, например? Уилтон, опустив глаза в принесённый с собою журнал, сообщил суду, что Левитт Элли совершил покупку на 50\$, например, 4 октября.

Опс... как неожиданно, правда? А ведь 4 октября Левитт Элли никого не убивал!

До самого конца послеобеденного заседания 4 февраля обвинение вызывало свидетелей, способных убедить присяжных и суд в том, что 5 ноября минувшего года у обвиняемого денег не было, а на следующий день они появились.

В частности, Джон Мэйсон (John R. Mason), работавший клерком в офисе банковской конторы "Morse, Stone & Greenough", показал суду, что Левитт Элли 6 ноября внёс на счёт компании "Clark & Leatherbee" сумму в 51\$. Свидетель опознал Левитта в зале суда. Во время перекрёстного допроса Мэйсон уточнил, что Левитт обещал выплатить эту сумму ещё 15 октября, но появился спустя более 3-х недель. Согласно Мэйсону, обвиняемый имел при себе значительную сумму денег, поскольку 50 долларов он достал из пачки банкнот, свёрнутых трубочкой, и 1 доллар вынул из кошелька. В принципе, показания Мэйсона хорошо соответство-

вали рассказу его предшественника на свидетельском месте Герберта Уилтона – тот тоже говорил о значительной сумме денег в руках Левитта Элли.

Следующий свидетель Джордж Макинтош (George R. McIntosh) рассказал о том, как около 06:30 6 ноября Левитт Элли передал 50\$ мистеру Мэхану. Обвинение явно ломилось в открытые ворота, поскольку никто не оспаривал этот факт, и совершенно непонятно, для чего прокуратура возвращалась к нему снова.

Несколько следующих свидетелей дали довольно однотипные показания о манере убитого Абии Эллиса вести дела без выписывания и приёма чеков и присущем ему недоверии банкам. Об этом заявил сначала Эмори Джонс (Emory N. Jones), работавший с Абией несколько лет, а затем Сэмюэл Росс (Samuel J. Ross), хорошо знавший как убитого, так и подсудимого. По словам Росса, порой Абия имел при себе очень много денег, 4 ноября, например, он на его [Сэмюэла Росса] глазах пересчитал пачку, в которой было более 500 долларов. Свидетель пояснил, что Абия планировал купить дом и должен был заплатить сразу 1000 долларов.

После этого окружной прокурор Мэй прочитал долговую расписку, написанную собственноручно Левиттом Элли, из текста которой следовало, что тот будет выплачивать Абии Эллису по 50\$ каждый месяц на протяжении года, а затем одновременно передаст 400\$. Из текста расписки следовало, что общая стоимость имущества, переходившего в собственность Левитта Элли, стороны признавали равным 3 тыс.\$.

По всем соображениям этот документ следовало обнародовать в самом начале судебного процесса, поскольку именно он объяснял возникновение задолженности обвиняемого перед убитым. То, что лишь в самом конце 4-го заседания сторона обвинения, наконец-то, добралась до него, предварительно вывалив в уши присяжных массу второстепенной информации, может означать лишь то, что в бумагах прокурора царил хаос. Трудно отделаться от ощущения, что Мэй и Трейн плохо ориентировались в том ворохе документов, который носили с собой, и расписка эта была прочитана лишь потому, что взгляд окружного прокурора упал на неё. А если бы не упал, то процесс катился бы далее, без всякой демонстрации интереса к первооснове отношений обвиняемого и его предполагаемой жертвы.

После странного, хотя и очень короткого зигзага, связанного с чтением расписки Левитта Элли, прокуратура вернулась к заслушиванию своих свидетелей. Джордж Дарэм, тот самый продавец магазина на Нортхэмптон-стрит, что вызывался для дачи показаний 2-мя часами ранее, повторно занял свидетельское место. Теперь ему были заданы вопросы о наличии у него векселя, подписанного Левиттом. Дарэм признал существование такого векселя и уточнил, что утром 5 ноября виделся с обвиняемым и тогда же поинтересовался, когда Левитт сможет погасить его? Последний якобы ответил, что пока не может, т.к. не имеет на руках денег.

На следующего свидетеля – Джона Диксона (John M. Dixon) – обвинение возлагало, несомненно, большие надежды. Рассказ этого человека звучал интригуяюще, по его словам, он видел как 5 ноября между 9 и 10 часами утра Абия Эллис раздражённо разговаривал с неким мужчиной. Их голоса звучали взволнованно, и разговор, по-видимому, был конфликтным. Диксон заявил, будто слышал, как неизвестный гневно бросил в лицо Абии: "Будь ты проклят!" ("God damn you") Понятно было, что при нормальном общении джентльменов подобные заявления следовало признать совершенно недопустимыми.

По мнению стороны обвинения, Джон Диксон стал свидетелем разговора Абии Эллиса с подсудимым. Самое смешное заключалось в том, что обвинение не озаботилось провести опознание в зале суда [казалось бы, чего проще?!]. Эту недоработку исправил адвокат Дабни, что следует считать совершенно логичным в его положении. Хотя нельзя не признать того, что подобное опознание таило в себе неприятные для обвиняемого сюрпризы. Тем не менее, Дабни решил рискнуть. Он спросил, мог ли быть собеседником Эллиса подсудимый? Поскольку Диксон заколебался, адвокат задал ряд уточняющих вопросов по внешнему облику (выше или ниже ростом), одежде собеседника Абии, головному убору и т. п. В конце концов, Диксон

заявил, что не может утверждать, что подсудимый являлся собеседником Абии Эллиса и, подумав, добавил, что вообще этого никогда не утверждал.

Какая неприятная для обвинения концовка, не правда ли? После таких слов неизбежно появляется вопрос: к чему этот свидетель и к чему этот рассказ про конфликт, ежели это не имеет отношения к обвиняемому?

Заседание на этом было закрыто. И следовало признать такую концовку очень благоприятной для защиты.

Третий день процесса начался с быстрых допросов малозначительных свидетелей. Сначала Уорен Говинг (Waren Gowing), племянник убитого Абии Эллиса, рассказал о привычке дяди держать большие суммы наличных денег в кошельке из телячьей кожи, присовокупив, что ничего не знает о наличии у дяди банковского счёта. Во время короткого перекрёстного допроса свидетель сообщил, что бизнеса с дядей не вёл и последний раз видел Абию то ли 23, то ли 24 октября, то есть примерно за 2 недели до убийства.

Следующим свидетелем стал Джордж Квигли (George B. Quigley), хороший знакомый убитого. Это именно он первым опознал расчленённое тело Абии в здании полицейской станции в Кембридже. Квигли вёл дела с убитым, но ничего ценного для суда не сказал, поскольку в последний раз виделся с ним примерно за 10 дней до исчезновения.

Далее последовал вызов и допрос Эдварда Сэвэджа, начальника полиции Бостона, уже упоминавшегося в этом очерке. Высокопоставленный свидетель в деталях рассказал о проведённом под его руководством и при непосредственном участии расследовании. В целом он был очень убедителен и нельзя не признать того, что Сэвэдж являлся, пожалуй, наилучшим из свидетелей обвинения, поскольку имел большой опыт практической полицейской работы и понимал правила работы судебной системы. Сэвэдж всё время был очень аккуратен в выражениях и не допускал опасных оговорок или утверждений. Когда во время перекрёстного допроса адвокат обвиняемого коснулся вопроса о происхождении топора, выставленного в суде, Сэвэдж моментально согласился с тем, что этот топор не является уликой в строгом значении этого слова, а скорее представлен здесь в качестве наглядного пособия. Он поспешил уточнить, что топор, явившийся, по его мнению, орудием убийства, не был обнаружен при обыске дома Левитта Элли, и судьба его неизвестна. Однако топор, переданный полицией в суд, вроде бы был похож на пропавший. Кто-то из свидетелей об этом говорил, но кто именно, начальник полиции запомнил.

Когда же адвокат поинтересовался, на основании чего полиция сочла следы крови на нижнем белье Левитта Элли свидетельством совершённого убийства, Сэвэдж также очень аккуратно ответил, что обвиняемый во время допроса признал, что на нём та же одежда, в которую он был облачён 5 ноября. Ответ, если задуматься над ним, весьма уклончив и не содержит утверждений, фактически Сэвэдж признал, что Левитт Элли никаких признаний не делал, и утверждения полиции о происхождении крови – это сугубо логическое умопостроение детективов полиции.

Допрос Сэвэджа открыл, если можно так выразиться, парад полицейских. После начальника Департамента полиции свидетельское место занял Чарльз Скелтон (Charles L. Skelton), тот самый сотрудник полиции Бостона, что сопровождал Левитта Элли при поездке последнего в Кембридж на допрос 8 ноября. Допрос оказался очень коротким и формальным – Скелтон признал, что обвиняемый во время поездки никаких признаний не делал и вообще почти всё время молчал.

Затем в суде появился Альбион Дирборн (Albion P. Dearborn), ещё один сотрудник полиции Бостона. Он вместе с шефом полиции Сэвэджем участвовал в осмотре конюшни и дома Левитта Элли 7 ноября. Дирборн заявил суду, что спрашивал обвиняемого о наличии у него бочек, и тот якобы ответил, что утром 6 ноября имел в своём возке 4 пустых бочки, из которых 2 отвёз к Шуллерам и там оставил, а 2 оставил в своей повозке. По словам свидетеля,

Левитт Элли также утверждал, что в его доме нет топора уже 3 или 4 недели. А когда Дирборн поинтересовался у обвиняемого временем его последней встречи с убитым, Левитт заявил, что виделся с ним в воскресенье 4 ноября и заплатил тогда 21,5\$, а на следующий день встретился с ним около 12 часов дня. Во время этой встречи, по словам Левитта Элли, они обсудили дальнейшие платежи и подбили баланс.

Дирборн дал очень хорошие для обвинения показания, поскольку из них следовало, что 7 и 8 ноября подсудимый сообщал полицейским неверные сведения, рассчитывая, очевидно, запутать расследование.

Однако тут снова очень хорошо выступила защита Левитта Элли. Сначала адвокат Дабни указал свидетелю на то, что тот во время своего общения с подозреваемым не предлагал тому вызвать адвоката и вообще не упоминал о том, что тот может обратиться к адвокату. По этой причине их разговор можно было расценивать как неофициальное общение, дескать, вы пошутили, а я – посмеялся. Дирборн лаконично ответил, что не знал о необходимости предупредить подозреваемого о его праве обращаться за помощью к адвокату.

Дабни не стал спорить и вообще не сделал акцент на этом весьма примечательном признании полицейского, а заговорил совсем о другом. Адвокат сообщил, что ему известно о попытке Дирборна склонить свидетеля по фамилии Ристин (Risteen) к изменению показаний. Полицейский якобы пытался уговорить Ристина, чтобы тот заявил, будто встречался с Левиттом Элли до 8 часов вечера 5 ноября, между тем встреча эта произошла позже указанного времени. Дирборн с негодованием отверг подозрения в приписанной ему попытке оказать влияние на свидетеля. Дабни не стал спорить и напомнил свидетелю о том, что тот предпринял аналогичную попытку в отношении другого свидетеля – Герберта Уилтона, приказчика из магазина Дарэма, дававшего показания в этом суде накануне. Дирборн хотел, чтобы упомянутый свидетель также «передвинул» время появления Левитта Элли в магазине на время, более предпочтительное для обвинения.

Тут полицейский отчётливо занервничал. Он не стал прямо отрицать попытку давления – видимо, какая-то беседа с Уилтоном проводилась – но пустился в пространные рассуждения о возможном непонимании, возникшем между ним и свидетелем. То, как полицейский заюлил, не могло остаться незамеченным судом и присяжными, и уклончивые пояснения Альбиона Дирборна никак не могли произвести на присутствовавших в суде положительное впечатление.

После того как адвокат обвиняемого отпустил полицейского со свидетельского кресла, и судья разрешил ему занять место в зале суда, Альбион, должно быть, выдохнул с немалым облегчением. Однако чаша позора не была им испита до конца, что и показали последовавшие события.

Следующий полицейский, вызванный для дачи показаний – Джеймс Вуд (James R. Wood) – бодро отрапортовал, что присутствовал при некоторых следственных действиях, в частности, при осмотре одежды Левитта Элли перед допросом последнего в помещении 5-й полицейской станции в Кембридже. Обвинитель предъявил Вуду одежду, заявленную в качестве улики по делу, и полицейский подтвердил, что эта одежда принадлежала именно Левитту. Продолжая свои показания, Вуд поведал, как спросил подсудимого о происхождении крови и тот ответил, что объяснить этого не может. Не остановившись на этом, Вуд рассказал, как поинтересовался у подозреваемого тем, как долго тот носил окровавленную одежду. По словам полицейского, Левитт Элли ответил, что первый раз надел её в воскресенье 3 ноября.

Это было очень важное заявление, ведь суд уже был осведомлён о том, что ветеринар мог сделать лошадям обвиняемого прививку от гриппа не позже 30 октября, а Левитт Элли объяснял наличие на своей одежде подозрительных следов разбрызгиванием крови животных во время ветеринарных манипуляций. Но если он действительно облачился в свою одежду только 3 ноября, то вакцинация лошадей тут ни при чём! Генеральный прокурор мог быть очень доволен, поскольку полицейский Вуд замечательно помог обвинению!

Когда адвокат Дабни получил возможность допросить свидетеля, он не стал этого делать, а обратился к суду с просьбой вернуть на свидетельское место Альбиона Дирборна, только что усевшегося среди зрителей. Просьба прозвучала необычно, но судья, явно заинтригованный, возражать не стал, в принципе, повторные допросы в практике англо-американского правосудия довольно распространены.

Последовал повторный вызов Дирборна, и тот не мог не заволноваться. От его прежней велеречивости не осталось и следа, Альбион сделался неожиданно сосредоточен и краток. Он лаконично подтвердил знакомство с Джеймсом Вудом и факт своего присутствия при изъятии одежды у Левитта Элли в здании 5 полицейской станции. Когда же адвокат Дабни спросил его, как Левитт объяснил наличие крови на одежде, Альбион Дирборн ответил, что никаких объяснений о происхождении кровавых пятен тот не давал, да Джеймс Вуд его и не спрашивал. **Фактически Дирборн дезавуировал показания сослуживца. И «подозрительные противоречия» оказались выдумкой последнего!**

Посрамление полиции было велико! Что и говорить – адвокат Дабни был очень хорош в своём деле, он не только чувствовал завиральщину свидетеля, но и хорошо понимал, как её можно изобличить.

Конечно, Дабни рисковал, ведь Альбион Дирборн находился в зале суда и слышал показания Вуда, а значит, он мог их подтвердить даже в том случае, если они были лживы. Корпоративную солидарность ещё никто не отменял, полицейский Вуд солгал под присягой, искренне считая Левитта Элли убийцей, так ведь и полицейский Дирборн мог соврать, искренне веря, что делает благое дело. Однако он не соврал, и Дабни, возвращая его на свидетельское место для повторного допроса, был уверен, что Дирборн врать не станет.

Откуда у него могла быть такая уверенность? Это вопрос на сообразительность. Не читайте далее, поставьте себя на роль адвоката Дабни и найдите объяснение его уверенности.

Правильный ответ кроется в последовательности допросов свидетелей из числа бостонских полицейских. Первым давал показания Начальник полиции Сэвэдж, и что именно он сказал суду, ни Дирборн, ни Вуд не знали. Они находились вне зала заседаний в особой комнате для свидетелей и ожидали вызова. Джеймс Вуд, как более молодой и энергичный, не побоялся немного приукрасить свои показания так, чтобы они звучали более изобличающе. А вот Дирборн, уличённый ранее адвокатом Дабни в попытках давления на свидетелей, явно был напуган происшедшим и тем, как его поведение в суде отразится на будущей службе в полиции. Не зная сути показаний начальника [речь о начальнике полиции Сэвэдже], он, несомненно, очень боялся сказать что-то такое, что войдёт в противоречие сказанному Сэвэджем, а потому сказал правду.

Есть старая полицейская мудрость, гласящая: «не знаешь, как соврать – скажи правду, не знаешь, как поступить – поступай по закону». Правило это, конечно же, до некоторой степени иронично, но в каждой шутке, как известно, есть доля шутки. И потому Дирборн сказал правду, но самое главное заключается в том, что адвокат Дабни, вызывая полицейского для повторного допроса **знал, что теперь тот будет говорить правду.**

Таким образом, Дирборн выбрал меньшее из зол и выставил Вуда лжецом. Этот прекрасный результат явился всецело заслугой адвоката. Именно так – просчитывая наперёд поведение опасного свидетеля – опытный адвокат и работает.

После того, как с допросами Вуда и Дирборна было покончено, свидетельское место занял полицейский Джон Хэм (John F. Ham). Его показания, по смыслу призванные подкрепить линию обвинения, также не особенно помогли Генеральному прокурору. Полицейский рассказал о том, как проводилась проверка показаний Левитта Элли о его времяпрепровождении 5 и 6 ноября, в частности, упомянул о том, что утверждение обвиняемого о доставке им жалюзи в магазин «Hardy's store» не подтверждался. По словам Хэма, клерк из упомяну-

того магазина не опознал Левитта во время очной ставки. Прокурор зацепился было за это утверждение, однако радость его оказалась преждевременна, ибо затем полицейский рассказал о сверке с записями в торговой книге магазина, и оказалось, что Левитт действительно доставил жалюзи в 9 часов утра 6 ноября. И получил за это соответствующее вознаграждение. Так что поймать обвиняемого на лжи полиции не удалось!

Кстати, в этой проверке участвовал и Альбион Дирборн, уже дважды занимавший свидетельское место в судебном зале, так что его можно было допросить и в третий раз, но... но Генеральный прокурор здраво рассудил, что этому персонажу слова лучше не давать, а то обвинение опять получит какой-либо неприятный экспромт.

Следующий свидетель – капитан полиции Сайрус Смолл (Cyrus Small) – оказался предельно лаконичен и конкретен. Он опознал одежду обвиняемого, разложенную на столах с прочими уликами, немногословно рассказал об изъятии досок из конюшни Левитта Элли и веско заверил суд в том, что доски эти после изъятия находились под охраной наряду с другими уликами. Перекрёстному допросу этот свидетель не подвергался, поскольку показания его носили чисто технический характер.

Далее обвинение вызвало ещё одного странного свидетеля, показания которого не только не проясняли суть дела, но лишь окончательно его запутали. Некий Джон Сэвэдж (John W. Savage), однофамилец начальника полиции, но не его родственник, рассказал суду, что проживает на Хирифорд-стрит (Hereford str.) и 6 ноября минувшего года в интервале от 12 до 14 часов видел бочки, плывшие в водах реки Чарльз в направлении Кембриджа. По его мнению, скорость течения реки при поднявшемся тогда сильном ветре составляла 3—4 мили в час (до 6,5 км/час), а расстояние от Хирифорд-стрит до газового завода в Кембридже свидетель определил на глазок в 2 мили (3,6 км). Продолжая свои многословные рассуждения, свидетель заявил, что, по его мнению, бочки плыли с северо-востока, то есть... от завода! Иными словами, бочки не только находились на значительном удалении от того места, где их вскоре должны были обнаружить рабочие, но и удалялись от него!

Совершенно непонятно, для чего обвинение вызвало Джона Сэвэджа в суд. Из его показаний совершенно очевидно, что он либо мистифицировал Правосудие [в надежде получить премию за помощь в разоблачении преступника], либо путал место и время, либо, наконец, попросту увидел бочки, не имевшие никакого отношения к делу. Этот свидетель, пользуясь метафорой из бессмертной песни Владимира Высоцкого, «все мозги разбил на части, все извилины заплёл» и ничуть не помог прояснить картину случившегося в тот день у пристани газового завода.

Попрощавшись с этим почтенным и совершенно бесполезным джентльменом, обвинение быстро опросило ряд полицейских, давших показания сугубо технического порядка. Патрульный Уильям Хэзлтон (William Hazleton) опознал под присягой обувь, шляпу, рубашку, жилет, брюки и пальто, представленные суду в качестве улик, и подтвердил, что именно эти детали одежды были найдены в бочках вместе с частями тела Абии Эллиса. То же самое подтвердил следующий свидетель – патрульный полиции Кембриджа Леонард Шэкфорд (Leonard Shackford). Далее капитан полиции Кембриджа Тимоти Эймс (Timothy Ames) сообщил о передаче одежды из бочек ведомству коронера.

Эти почтенные джентльмены являются сотрудниками той самой 5-й полицейской станции, что обеспечивала защиту законности и поддержание общественного порядка на территории Кембриджа в XIX веке. Точное время фотографирования неизвестно, по наличию 15-дюймовых дубинок, принятых в качестве штатного оснащения в 1878 году, мы можем уверенно датировать снимок, как сделанный не ранее этого года. Различия капитанских и лейтенантских кокард на головных уборах явственно указывают на то, что снимок относится к XIX столетию. С большой вероятностью на этой фотографии присутствуют люди, дававшие показания в ходе судебного процесса, которому посвящен настоящий очерк. К сожалению, у автора нет возможности их идентифицировать, было бы очень интересно каждому из упомянутых в очерке персонажей поставить в соответствие фотопортрет.

И уже после этого сотрудник полиции Скелтон (Skelton), вызванный повторно, рассказал о получении указанной одежды от службы окружного коронера и её передаче для представления суду.

Закончив со свидетелями-полицейскими, обвинение перешло к заслушиванию свидетелей, видевших убитого в последние дни жизни. Чарльз Куллард (Charles F. Coullard), операционист банковского дома «Joseph Nickerson & Co.», рассказал суду о том, что 4 ноября [то есть накануне убийства] Абия Эллис получил 15\$ – это был рентный платёж [процент по депозиту], который ему начислялся банком 1-го числа каждого месяца.

Последним свидетелем 3-го дня процесса стал Джон Ходждон (John S. Hodgdon), деловой партнёр убитого. Он заявил, что в последний раз виделся с Абией Эллисом в 10 часов утра 5 ноября, то есть менее чем за 12 часов до момента гибели согласно официальной версии событий. Встреча произошла возле дома свидетеля по адресу №1068 по Вашингтон-стрит. Никаких особых воспоминаний о последнем разговоре с убитым в памяти Ходждона не сохранилось, по его словам, Абия всё время оставался совершенно спокоен и явно не догадывался о том, какая судьба его ожидает. Ввиду позднего часа допрос свидетеля был прерван, и с него было решено начать следующее заседание.

Уже первые дни судебного процесса можно было охарактеризовать как напряжённые и изобилующие неожиданными поворотами. Но 6 февраля 1873 года – 4-й день суда – в этом смысле превзошёл все предыдущие.

С утра выяснилось, что Джон Ходждон, чей допрос накануне не был закончен, в суд не прибыл. Поэтому, дабы не терять времени, обвинение вызвало для дачи показаний жителя

Бруклина Роберта Гилмора (Robert B. Gilmor), сообщившего суду, что колокол Унитарийской церкви звонит в 8 часов утра, а по вечерам не звонит вообще. Защита отказалась от перекрёстного допроса этого свидетеля, поскольку его показания никак не подкрепляли версию обвинения и ничем не угрожали подсудимому.

После того, как Гилмор был отпущен, судебный маршал доложил о появлении Джона Ходждона. Таким образом, вчерашний допрос можно было продолжить. Свидетелю были заданы вопросы о содержании его последнего разговора с Абией Эллисом, и Ходждон рассказал, что убитый собирался в тот день отправиться на избирательный участок, чтобы голосовать на проходивших в тот день президентских выборах. Избирательный участок находился совсем рядом – в школе имени Франклина. Продолжая пересказывать разговор, свидетель упомянул, что Абия сообщил ему о своём намерении повидаться сегодня с Левиттом Элли, мол, если увидишь его, то передай, что я [то есть Абия Эллис] к нему зайду. Однако Ходждон не видел в тот день подсудимого и, соответственно, ничего тому не передал. По смыслу сказанного Абией можно было решить, что он планировал встречу в вечернее время, когда Левитт Элли будет дома. На уточняющий вопрос о времени разговора свидетель ответил, что, по его мнению, беседа состоялась в 08:30 или около того.

На этом свидетели обвинения, способные сообщить суду информацию о перемещениях убитого, закончились. Пришло время обсуждения естественнонаучных аспектов расследуемого преступления.

Началось это обсуждение с того, что судебный клерк Джозеф Уиллард (Joseph A. Willard) зачитал сводку погоды на 6 ноября 1872 года. Неясно, какое учреждение подготовило эту сводку – Гарвардская обсерватория или администрация Бостонского порта – но это, наверное, и не очень важно. Для нас интересно то, что согласно представленной сводке, с 5 до 6 часов утра ветер над рекой Чарльз дул южный, небо всё время оставалось облачным. После 13 часов направление ветра переменялось – он задул с юго-востока, а в 17 часов пошёл дождь.

Очевидно, метеосводка была призвана прояснить характер движения бочек в воде, однако цели своей не достигла. Между адвокатом Дабни и Генпрокурором Трейни произошло довольно напряжённое обсуждение того, как ветер мог повлиять на движение бочек. Адвокат вполне разумно указывал на то, что погружённая глубоко в воду бочка не будет следовать за ветром ввиду своей малой парусности. А главный обвинитель возражал на это, утверждая, что ветер будет влиять на движение поверхностного слоя воды и, независимо от погружённости бочек, они будут двигаться по ветру.

Вообще же, вопрос о маршруте движения бочек с частями тела весьма важен, и для его решения следовало бы провести следственный эксперимент. Без такового эксперимента возможность попадания бочек из района Милл-дам к пристани газового завода в Кембридже представляется, мягко говоря, неочевидной. И стороне обвинения, если только она действительно хотела убедить в своей правоте суд, следовало бы в схожих погодных условиях опустить в воды реки Чарльз гружёные бочки и показать, что они действительно могут подниматься вверх по течению, а потом, при перемене ветра – двигаться вниз. Прокуратура не стала обременять себя подобными демонстрациями, очевидно, сочтя их излишними, а без них все рассуждения о погоде, силе ветра, степени погружённости бочек в воду и т. п. имели характер сугубо умозрительный и бездоказательный.

И адвокат Дабни прекрасно это продемонстрировал. Хотя версия прокуратуры о движении бочек в воде в целом выглядела достаточно правдоподобной и убедительной, защите даже в этом вопросе удалось поставить под сомнение итоговый вывод. И это стало возможно именно потому, что сторона обвинения в этой части явно не доработала.

Далее суд перешёл к заслушиванию показаний доктора Джона Фоя (John W. Foye), судебно-медицинского эксперта обвинения. Ему предстояло свидетельствовать о пятнах крови, которые были обнаружены на одежде обвиняемого и на досках в конюшне. Доски,

выпиленные из настила пола, были представлены суду в качестве улики. Мы не знаем, как выглядел Джон Фой, по-видимому, это был вальяжный и несколько высокомерный джентльмен. Для начала он не без апломба заявил, что работает патологоанатомом 14 лет и произвёл от 400 до 500 вскрытий человеческих тел. После чего добавил, что в качестве эксперта вызывался в суд для анализа пятен крови примерно 20 раз.

Адвокат Сомерби¹ в этом месте неожиданно перебил свидетеля и не без едкого сарказма проговорил, что не совсем понимает, как упомянутые заслуги могут помочь в определении давности происхождения пятен крови. Следует понимать, что суд вправе устанавливать компетентность эксперта, задавать связанные с этим вопросы и получать ответы, запрашивать справки и документальные подтверждения, но всё это не является обязательным. Это такая опция, целесообразность которой определяется всякий раз индивидуально. И то, что доктор Фой стал важно рассказывать о себе самом без всяких вопросов на этот счёт, выглядело... как бы это выразиться корректнее и точнее?.. это выглядело непрофессионально.

И адвокат Сомерби очень удачно указал на данное обстоятельство, сделав это иронично и опосредованно, то есть без личных выпадов или выражения сомнений в компетентности в неуважительной форме.

Суд постановил, что Джон Фой может быть признан экспертом и может высказаться о давности появления пятен. Фой глубокомысленно назвал их «свежими» («to be fresh»), причём непонятно было, о «свежести» относительно какой даты он вёл речь, и что вообще означает этот эпитет. Эксперт никаких разъяснений на сей счёт не дал, а вместо этого пространно порассуждал о количестве крови в теле человека. По его наблюдениям, масса крови составляет 1/40 веса тела, что, как мы знаем, совершенно неверно. Впрочем, противная сторона пропустила эту мелочь мимо ушей. Как станет ясно из дальнейшего, подобная детализация действительно не имела значения.

Продолжая отвечать на вопросы обвинителя, судмедэксперт заявил, что он осматривал одежду подсудимого и, по его мнению, на штанах нижнего белья имелось большое пятно крови. Эту кровь, по мнению Фоя, пытались отстирать. Вся одежда была отдана доктору Хейсу (Hayes), который провёл детальное исследование следов крови с использованием микроскопа. По словам Фоя, кровь была найдена на левой штанине брюк, на коленях кальсон, на пальто и жилете, кроме того, на жилете вырвана петля.

На этом содержательная часть показаний эксперта оказалась исчерпана, и последовал перекрёстный допрос. Тут следует отметить, что **доктор Фой благоразумно отказался поклясться в том, что обнаруженные пятна являются именно кровью человека, осторожно заметив, что не является химиком.** Это признание фактически дезавуировало всё, сказанное им ранее, ведь в своих показаниях он говорил именно о крови, а не красных пятнах, похожих на кровь! Теперь же выяснилось, что он не знает, являлись ли пятна на одежде обвиняемого кровью вообще. А вдруг это гранатовый сок? А вдруг вишнёвый?

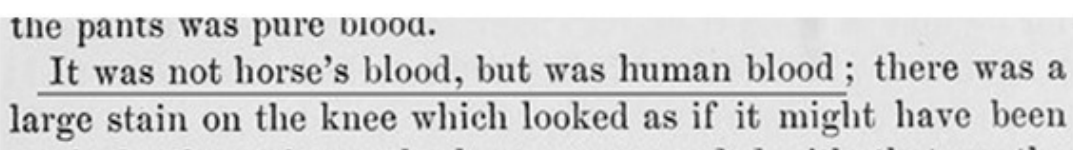
Адвокат попросил мистера Фоя пояснить общий характер текучести крови в мёртвом теле, и эксперт ответил, что в крупных сосудах кровь остаётся подвижной вплоть до момента высыхания (мумификации) тела. Из этого следовало, что расчленение тела должно было сопровождаться определённым выделением крови, хотя и не таким обильным, как при разрубании живого человека. В принципе, эти рассуждения следует признать имеющими довольно общий характер и в целом справедливыми.

Затем свидетельское место занял Дэйна Хейс (Dana Hayes), пробирный чиновник правительства штата Сообщество Массачусетса. Он был ответственен за проверки алкоголя и раз-

¹ Следует помнить, что стороны на процессе были представлены отнюдь не единственным юристом, поэтому читателя не должно удивлять то, что в качестве защитников упоминаются два разных адвоката – Дабни и Сомерби, а в качестве обвинителей – два разных прокурора – Генеральный прокурор Трейн и окружной по фамилии Мэй. Кроме них каждая из сторон располагала подменными стенографами, а в группе обвинителей числилась и пара референтов.

личных химических товаров [от керосина до лекарств в аптеках]. В начале своего выступления доктор Хейс сообщил, что знаком с «физиологической химией» – сейчас её называют органической – и имеет опыт проверок предполагаемых пятен крови. Далее он рассказал об осмотре одежды и сделал это подробно, обстоятельно, можно даже сказать, академично. Заканчивая эту часть своего повествования, Хейс не без пафоса воскликнул: «Это была не лошадиная кровь, но кровь человека (...)» («It was not horse's blood, but was human blood (...)»).

Сказанное экспертом являлось обманом, поскольку **определение видовой принадлежности крови являлось одной из важнейших задач судебной медицины, не находившей решения при тогдашнем уровне развития науки.** Решена она была только в 1901 г., когда молодой немецкий врач Пауль Уленгут сумел использовать открытый русским судебным медиком Фёдором Чистовичем феномен преципитации для определения того, от какого живого существа происходит кровь – птицы, рыбы, млекопитающего, человека. В честь создателей этот метод получил название «реакции Чистовича-Уленгута». Доктор Дэйна Хейс не имел права говорить под присягой то, что он сказал, фактически он обманул суд, прикрываясь своим званием «эксперта» и тем доверием, которое ему было оказано.

the pants was pure blood.
It was not horse's blood, but was human blood ; there was a large stain on the knee which looked as if it might have been

Фрагмент стенограммы судебного заседания: «Это была не лошадиная кровь, но кровь человеческая (...)»! Перед нами яркий пример справедливости знаменитого слогана, гласящего, что иногда лучше жевать, чем говорить... Вплоть до начала XX столетия судебная медицина не располагала методиками, позволявшими отличить лошадиную кровь от человеческой, вот только грамотей Дэйна Хэйс этого пустяка не знал!

Заслуживает особого упоминания то обстоятельство, что доктор Фой, свидетельствовавший непосредственно перед Хейсом, не стал клясться в том, что пятна на одежде Левитта Элли оставлены именно человеческой кровью. Видимо, Фой был более компетентен в такого рода деталях и потому опрометчивых заявлений под присягой делать не захотел, опасаясь разоблачения. А вот Дэйна Хейс, по-видимому, до такой степени был уверен как в собственной непогрешимости, так и беспросветной темноте окружающих, что без малейших колебаний допустил под присягой, по сути, антинаучное утверждение.

Не ограничившись этим глубоко ошибочным заявлением, он усилил его, пафосно брякнув:»(...) исследовал кровь на досках пола и перегородок, и вся кровь, найденная там, также как и на одежде, оказалась такой же, как и кровь убитого. На подкладке пальто было пятно крови, и это была не лошадиная, а именно человеческая кровь (...)».²

² Дословно на языке оригинала: (...) examined the blood on the planks and boards, and all the blood found there, as well as on the clothing, was the same as the blood said to be that of the murdered victim. On the lining of the coat was a clot of blood which was not horse blood, but was human blood (...).

Ох, лучше бы он промолчал!

deal of blood apparently undisturbed ; examined the blood on the planks and boards, and all the blood found there, as well as on the clothing, was the same as the blood said to be that of the murdered victim.

On the lining of the coat was a clot of blood which was not horse blood, but was human blood ; examined a piece of barrel

Фрагмент стенограммы судебного заседания, воспроизводящий утверждение доктора Фоя о происхождении от человека изученных им следов крови на одежде подсудимого.

Явно наслаждаясь прикованным вниманием, эксперт уверенно заявил, что «никакое другое вещество не может быть ошибочно принято за кровь в химическом анализе» («no other substance can be mistaken for blood in the chemical analysis») и объяснил, что лошадиные кровяные тельца – белые и красные – легко отличимы от человеческих при микроскопическом исследовании. И чтобы окончательно устранить возможность каких-либо сомнений в точности сказанного, мистер Хейс внушительно заявил: «Авторитетные источники дают диаметр тельца в одну сорок шестую тысячную часть дюйма; диаметр тельца крови лошади примерно на треть меньше, чем у человека; эти мешочки в определённой степени гибкие».³

Формально доктор Хейс как бы и не обманул, поскольку кровяные тельца человека и лошади действительно различаются размером, и в хороший микроскоп [с увеличением от 600 и более раз] эту разницу можно увидеть. **Но ведь Хейс не исследовал кровь в чистом виде! Он исследовал кровь, которая попала на одежду, впиталась в неё, затем попала в герметично закрытую бочку, подверглась там дальнейшему загрязнению, затем была извлечена из бочки, находилась на открытом воздухе под дождём, после этого некоторое время находилась в здании 5-й полицейской станции и там высыхала, и уже после этого в лабораторных условиях подверглась дегидратации, т.е. переводу в жидкую форму [пригодную для исследования под микроскопом].** Подобное «восстановление» крови делает невозможным, точнее говоря, некорректным любые последующие сравнения с «эталонными» образцами жидкой крови. Изюминка этой ситуации заключается в том, что описанные нюансы были хорошо известны судебным медикам той поры, именно по этой причине настоящие эксперты в этой области не утверждали, будто способны отличить следы человеческой крови от крови животного, птицы или рыбы. Если бы пробирный чиновник Дэйна Хейс действительно открыл способ определять видовую принадлежность крови, то он обессмертил бы своё имя, подобно тому, как обессмертили себя Чистович и Уленгут. Однако в истории науки Дэйна Хейс останется не как учёный, а как пустомеля. Или шарлатан – это если выражаться мягче!

У описанной ситуации имелась ещё одна изюминка, правда, никем в ту минуту не замеченная и не оценённая. Защита Левитта Элли поняла, что обвинение, выпустив в качестве экс-

³ Дословно по стенограмме судебного заседания: «authorities give the diameter of a corpuscle at one forty-sixth thousandth part of an inch; the diameter of corpuscles in a horse is about one-third less than that of a human person; these sacs are flexible to a certain extent»

перта Дэйну Хейса, очень сильно напортило. Пробирный чиновник, по сути, допустил под присягой глубоко антинаучные заявления, введя суд в заблуждение. Если называть вещи своими именами, то это был скандал. На произошедшее можно было обратить внимание сразу же, но адвокаты решили этого не делать, посчитав, видимо, целесообразным поднять данный вопрос позже.

Логика защиты выглядит понятной. Если антинаучные утверждения Хейса разоблачить немедленно, то он, находясь на свидетельском месте, сумел бы быстро сориентироваться и видоизменить ошибочные заявления, сделав их более обтекаемыми или многозначными. Он мог бы сказать, что был неправильно понят, или даже частично признал бы ошибку, объяснив её оговоркой или сославшись на эмоциональное напряжение. В общем, если Дэйна Хейс не являлся совсем уж конченным глупцом, он мог бы сообразить, что допустил серьёзнейшую ошибку, и попытался бы выкрутиться из опасного положения. И это бы «смазало» эффект его разоблачения. Поэтому, с точки зрения защиты, гораздо разумнее было бы не спешить с опровержением антинаучных тезисов господина пробирного чиновника. Пусть он с чувством честно выполненного долга покинет свидетельское место... пусть высохнут чернила в стенограмме судебного заседания... а когда придёт время, адвокаты извлекут на свет эту самую стенограмму и выставят безграмотного «эксперта» на всеобщее обозрение, подобно тому, как рыбак выставляет напоказ большую рыбу, подвешенную на кулан.

Логика защиты следует признать безусловно правильной. И мы в своём месте ещё увидим, как эта задумка была реализована.

Дэйна Хейс покинул свидетельское место без перекрёстного допроса. Наверняка он был очень доволен собой, а сторона обвинения осталась довольна им как толковым и очень полезным свидетелем. И никто из этих почтенных господ не понял, в какой же капкан угодило обвинение благодаря красноречию бестолкового знатока «физиологической химии».

Далее кресло свидетеля занял следующий эксперт обвинения доктор Хорас Чейз (Horace Chase). Немного словно и с достоинством он представился, сообщив, что занимается врачебной практикой уже 8 лет. Доктор Хейс, дававший показания ранее, привлек его к проведению своей экспертизы кровавых пятен, найденных на досках конюшни на Ханнеман-стрит и одежде обвиняемого. Хорас Чейз участвовал во всех манипуляциях с кровью, проводимых 30 и 31 января 1873 года в лаборатории доктора Дэйна Хейса. Исследования показали, что подозрительные пятна оставлены человеческой кровью.

Далее произошёл инцидент до некоторой степени комичный и красноречивый одновременно.

Пробирный чиновник Хейс, закончивший давать показания буквально четвертью часа ранее, возжелал сделать уточнение. По решению судьи ему дали слово, и почтенный джентльмен сообщил, что в данных ранее показаниях допустил досадную оплошность, заявив, будто размер красных кровавых телец лошади составляет 0,046 дюйма, на самом деле таковая величина составляет 0,46 дюйма.⁴

Подобная демонстративная борьба за точность выглядит, конечно же, комично, учитывая, что человек, путавшийся в сотых и тысячных долях дюйма, допускал куда более серьёзные, с медицинской точки зрения, ошибки, демонстрируя непонимание фундаментальных истин и понятий, коими с важным видом оперировал в суде. Разумеется, господин «эксперт» обвинения мог бы и не усаживаться повторно в кресло свидетеля, поскольку ошибка в сотых и тысячных долях дюйма никого в зале суда не интересовала и ни на что не влияла, но господину

⁴ Дословно в стенограмме процесса слова пробирного чиновника переданы так: «вместо того, чтобы сказать, что диаметр [красного кровавого] тельца лошади составляет сорок шесть тысячных дюйма, он должен был сказать сорок шесть сотых доли дюйма.» На языке оригинала: «instead of saying that the diameter of a horse's corpuscle was forty-six thousandths to an inch, he should have said forty-six hundredths»

Хейсу, видимо, так хотелось выглядеть безупречно и так хотелось заполучить ещё нескольких минут всеобщего внимания, что он не отказал себе в описанной выше смехотворной выходке.

Последовавший затем допрос доктора Джона Хилдреча (John Hildreth), производившего судебно-медицинское вскрытие останков Абии Эллиса, оказался намного более информативным и полезным для суда. Хилдреч сообщил, что начал свою работу в 10 часов утра 8 ноября 1872 года, к тому моменту тело было извлечено из воды уже около 2-х суток. Судебная практика тех лет по умолчанию предполагала чрезвычайно щепетильное отношение к различным физиологическим и медицинским описаниям, считалось, что такого рода детали могут производить на слушателей крайне тяжёлое и даже психотравмирующее впечатление. Поэтому судмедэксперт описал разделение трупа на фрагменты в крайне скупых выражениях. Единственная деталь, сообщённая Хилдречем, касалась цвета кожи – она была чёрной и фиолетовой в местах расчленения и обычной в остальных частях.

Касаясь травм головы, эксперт сообщил суду, что в голову потерпевшего было нанесено несколько ударов, поскольку при осмотре была обнаружена 1 рана с обдиром кожи в 2,5 см и 4 гематомы без осаднений. Все раны локализовались на левой стороне лица, что свидетельствовало о нанесении ударов правой рукой. При удалении скальпа были обнаружены переломы костей свода черепа, а после удаления крышки черепа выяснилось, что мозговое отделение заполнено кровью. Удар по затылку, вызвавший массивный пролом свода черепа, был нанесён сзади. Контактная поверхность этого удара имела протяженность около 7,5 см. Инструмент был острым.

На вопрос обвинителя о том, было ли орудие прямолинейным, изгибающимся по радиусу или же имело угол, судмедэксперт ответил, что точно сказать сложно, но, по его мнению, у орудия имелся угол. Повреждение шляпы, найденной в одной из бочек, корреспондировалось с повреждением теменной части черепа.

Далее Джон Хилдреч представил суду подлинный скальп Абии Эллиса с ранами. Давая пояснения, эксперт уточнил, что череп Абии был толще, чем у большинства мужчин его возраста [хотя никаких конкретных чисел не назвал. Жаль, что он этого не сделал, было бы очень интересно узнать данную деталь и уточнить у современных специалистов что может означать такого рода аномалия!].

Отвечая на вопрос о времени расчленения трупа, судмедэксперт заявил, что, по его мнению, отделение рук, ног и головы от торса последовало вскоре после смерти. Интервал этот вряд ли превышал 5—6 часов.

Также мистер Хилдреч сообщил, что все крупные кровеносные сосуды тела на момент проведения осмотра были свободны от крови.

На этом допрос почтенного судмедэксперта был окончен, и он уступил место своему помощнику Льюису Брайнту (Lewis L. Bryant), лаконично поведавшему суду о получении желудка в морге службы коронера в субботу 9 ноября и его перевозке в кабинет доктора Реджинальда Фитча (Reginald H. Fitch) на Тремонт-стрит в Бостоне. Там предполагалось проведение исследования содержимого желудка.

Далее суд намеревался вызвать для дачи показаний самого Фитча, но, поскольку тот немного задерживался, было решено заслушать другого свидетеля, некоего Дэниела Мюррея (Daniel C. Murray). Будучи приведённым к присяге, мужчина сообщил суду, что проживает в Бруклине и приезжает в Бостон каждое утро. Он видел бочки, плававшие в водах реки Чарльз, проезжая по дороге, проложенной на Милл-дам. Бочки находились примерно в 300 футах (~90 метров) от берега Кембриджа. Время – 08:10 8 ноября. В стенограмме указано именно «8 ноября», но, несомненно, свидетель вёл речь о 6 числе, поскольку именно в тот день бочки были замечены и подняты из воды. Перед нами явная опечатка стенографа, которую можно объяснить тем, что предыдущие свидетели – Хилдреч и Брайнт – в своих показаниях рассказывали о событиях 8 и 9 ноября.

Показания Мюррея можно было толковать двояко. С одной стороны, он подтверждал факт наличия в реке плавающих бочек, но само по себе это никем под сомнение и не ставилось. С другой стороны, он сообщал о бочках, находившихся уже в утреннее время неподалёку от пристани газового завода. Между тем, две бочки с частями расчленённого трупа были замечены рабочими газового завода возле пристани в середине дня. Отсюда рождался обособленный вопрос: если речь идёт об одних и тех же бочках, то где они болтались 4 часа или даже более? Или же речь шла о разных бочках: одни прибывало к берегу, другие – относило на глубину... То, что рассказал свидетель, вообще никак не укрепляло официальную версию и, честно говоря, непонятно, для чего Генеральный прокурор его вызывал.

Для стороны обвинения во всех отношениях было бы лучше обойтись вообще без Дэниела Мюррея, но прокуроры Трейн и Мэй в который уже раз продемонстрировали, что руководствуются какими-то весьма своеобразными представлениями о целесообразности.

К тому моменту, как Мюррей закончил давать показания, стало известно о явке следующего важного свидетеля обвинения – врача Реджинальда Фитча (Reginald H. Fitch), консультанта Главной больницы штата Массачусетс (Massachusetts General Hospital). По просьбе окружного прокурора в этом расследовании он также, как и ряд других врачей, принял на себя обязанности судебно-медицинского эксперта. Фитч присутствовал при вскрытии, проведённом Хилдречем, и исследовал желудок убитого, специально переданный ему для этого. По словам эксперта, в желудке он обнаружил остатки пищи – сливочного масла, молока и хлеба. По мнению Реджинальда Фитча, приём пищи имел место за 2—3 часа до смерти.⁵

Это было довольно интересное заявление, поскольку, по официальной версии, Абия Эллис очень быстро дошёл от таверны, откуда он вышел около 19 часов, до дома Левитта Элли. Если убитый закончил приём пищи в 18:30 – 18:45, то всё равно смерть должна была последовать не ранее 20:30, а скорее, даже – после 21 часа! Но по версии обвинения к этому времени он был уже давно убит, расчленён и даже разложен по бочкам! В ходе перекрёстного допроса Фитч отверг возможность дробления черепа при падении с высоты роста или при выпадении в окно. Говоря о времени травмирования, эксперт заявил, что, по его мнению, все ранения потерпевшему оказались нанесены примерно в одно время.

Генеральный прокурор продемонстрировал Фитчу сломанную нижнюю челюсть Абии Эллиса, и эксперт, рассмотрев её, заявил, что, по его мнению, она была повреждена неким тупым предметом, но никак не топором, поскольку перелом кости от топора выглядел бы иначе. Это утверждение полностью соответствовало официальной версии убийства, согласно которой Абия Эллис сначала получил несколько сильных ударов кулаком в лицо, что привело к перелому челюсти, осаднению кожи на левой скуле длиной 2,5 см и 4-м гематомам на левой стороне лица, после чего упал и был добит на полу конюшни ударом топора.

Другой вопрос, заданный главным обвинителем эксперту, касался скорости расщепления желудочным соком пищи, состоявшей из молока и хлеба. По смыслу вопроса речь шла о таком «расщеплении», которое делало бы невозможным определение тех продуктов, которые подверглись перевариванию в желудке. Реджинальд Фитч ответил, что на это требуется около 3 часов с четвертью.

Защита его не допрашивала. С точки зрения современных судебно-медицинских представлений показания Фитча суду следует признать вполне корректными, адекватными и даже осторожными. Он не приписывал себе всезнание, полную осведомлённость в деталях и не допустил грубых антинаучных заявлений.

⁵ Дословно судмедэксперт сказал так: «Изыявленный вид желудка явился результатом воздействия на поверхностный слой уксусной кислоты; общий вид желудка свидетельствовал о наступлении смерти во время пищеварения в течение трёх часов со времени приёма пищи» (на языке оригинала: «The moth-eaten appearance of the stomach resulted from a superficial loss of parts of it through acetic acid; the appearance of the stomach indicated that death took place during digestion, and within three hours after food was taken»).

После судмедэксперта место свидетеля обвинения заняла Катерин МакКивер (Catherine McKeever), проживавшая в доме №151 по Доувер-стрит (Dover str.). Судя по всему, дамочка являлась любовницей убитого, во всяком случае, она аккуратно сообщила суду, что Абия Эллис «иногда» оставался ночевать в этом доме, занимая комнату над кухней. Вопрос об отношениях МакКивер с Эллисом в суде не затрагивался, что, кстати, следует признать нормой для тогдашней юридической практики. Содержательная часть показаний свидетельницы свелась к тому, что она рассказала, как видела Абию в последний раз между 4 и 5 часами утра 5 ноября.

Прокурор ни о чём женщину не расспрашивал, защита тоже. Видела и видела... Эти показания следует признать простой формальностью, поскольку несколько независимых свидетелей уже рассказывали суду о том, что видели убитого в добром здравии гораздо позже указанного интервала времени.

Затем дал показания доктор Чарльз Скелтон (Charles L. Skelton), проводивший первичный осмотр одежды, найденной в бочках. По его словам, он не обнаружил ничего подозрительного, то есть ни крови, ни волос, ни шерсти животных. Разложив и переписав все детали одежды, он в последующем передал их доктору Фою (Foyle).

Защита Скелтону вопросов не задавала.

Следующим свидетелем обвинения стал Генри Коулс (Henry Coles), сержант сигнальной службы. Свидетель бодро отрапортовал о погоде 7 ноября в районе Бостона, в частности о том, что скорость ветра в течение дня возрастала с 3 миль в час до 5 [т.е. с 5 км/час до 8 км/час], а направление изменилось с юго-западного на южное. Почему сообщение свидетеля касалось 7 ноября, а не 6 [когда были обнаружены и подняты из воды бочки] совершенно непонятно. Перед нами либо ошибка стенографа, либо самого свидетеля, который неправильно понял полученное задание представить сводку погоды и... подготовил её не на тот день.

Примечательно, что ни сам Генеральный прокурор, вызвавший Коулса, ни защита обвиняемого свидетелю вопросов не задавали. Причём, судя по всему, по одной и той же причине – представители обеих сторон прекрасно понимали, что рассказ о погоде в Бостоне вообще никак не влияет на исход дела.

Далее по предложению Генпрокурора Трейна в зал заседаний был приглашён чиновник городской администрации Генри Уайтман (Henry Wightman), представивший суду подробную карту Бостона. Сложно сказать, почему это произошло только на 4-й день процесса, ведь во время предыдущих заседаний вопрос о взаимном расположении домов и улиц, а также перемещениях и местонахождении свидетелей поднимался неоднократно. Все эти важные детали объяснялись буквально «на пальцах». Понятно, что наличие большой и детальной карты очень помогло суду и добавило всем объяснениям наглядности, но... карта появилась в суде только к концу 4-го дня.

Перед нами ещё одно весьма наглядное свидетельство скверной организации процесса обвинением. Впрочем, не станем сейчас напирать на данную мелочь, в конце концов, это не самая большая странность этого суда.

На этом сторона обвинения закончила представление суду своих свидетелей. Напоследок судья Уэллс уточнил у членов жюри, желают ли они повторно допросить кого-то из заслушанных ранее свидетелей, дабы уточнить не вполне ясные детали. После небольшого обсуждения председатель жюри попросил вызвать Альберта Гарднера, владельца магазина скобяных товаров, дававшего показания ранее. Гарднеру были заданы вопросы о типах топоров, продаваемых в его магазине, их весе и размерах. Свидетель без запинки ответил на заданные ему вопросы и ещё раз повторил, что лежащий на столе среди улики топор никогда не принадлежал обвиняемому, после чего покинул своё место.

Другим свидетелем обвинения, приглашённым для повторного допроса членами жюри, стал Дэниел Мэхан, тот самый человек, что получил утром 6 ноября деньги от Левитта Элли.

Мэхану был задан вопрос о наличии на банкнотах следов крови, тот заявил, что ничего похожего на кровь на деньгах не увидел. С тем свидетеля и отпустили.

Судья Уэллс поинтересовался, готовы ли адвокаты начать представление суду «своих» свидетелей [т.н. «дело защиты»], и, получив утвердительный ответ, предложил не терять времени.

Адвокат Дабни произнёс довольно пространное вступительное слово, для характеристики которого мы с полным правом можем воспользоваться современным понятием «троллинга». Обвинение уже допустило свои основные ошибки, так сказать, сделало выстрел, и теперь инициатива находилась всецело на стороне защиты. У Дабни появилась замечательная возможность поиздеваться над противником, и он не отказал себе в этом удовольствии. Можно сказать, что адвокат воспользовался предоставившейся ему возможностью на «все 146%», иначе просто невозможно объяснить то, как специфично Дабни построил свою речь.

Он, например, упомянул английского короля Генриха VIII, введшего своим статутом разные степени убийства. А это – между прочим! – первая половина XVI столетия, то есть за 3 века до суда над Левиттом Элли! Развивая свою мысль, адвокат показал, что тюдоровское деление на степени убийства к данному делу вообще не подходит никоим образом, поскольку обвинение оказалось неспособно обосновать умысел и подготовку преступления – а ведь именно они образуют состав убийства 1 степени. «Так почему же Левитт Элли обвиняется в убийстве 1-й степени?» – весьма здраво поинтересовался адвокат и лишь пожал плечами.

Это выглядело как форменное издевательство над обвинением! Но дело было даже не в сарказме и не в актёрских качествах Дабни, а в том, что он указал на первый серьёзный изъян выбранной прокуратурой стратегии – неверную квалификацию преступного деяния.

Далее адвокат сделал акцент на очевидной бессмысленности показаний Рэмселла, якобы видевшего обвиняемого с бочками под ковром, а потом без бочек и ковра. Причём свидетель обвинения не только рассмотрел бочки, накрытые ковром, но сумел даже запомнить и впоследствии опознать сам ковер. Жаль, вот только возницу не запомнил... И с колокольным звоном сильно попутал!

Основные возражения Дабни можно сгруппировать следующим образом:

Во-первых, из показаний большого количества свидетелей – причём свидетелей обвинения! – например, Скотта Ричардса и других, известно, где и с кем Левитт Элли находился утром 6 ноября. Фактически всё это время он находился на глазах людей, причём на значительном расстоянии от Милл-дам. Его перемещения в тот день таковы, что он постоянно удалялся от дамбы и после 7 часов утра был уже настолько далеко, что после этого часа у него просто не имелось запаса времени для поездки к реке Чарльз для сброса бочек. Адвокат уточнил, что в 7 часов утра Левитт Элли был замечен между Бикон-стрит (Beacon str.) и Бойлстон-стрит (Boylston str.) на удалении 2 миль [~3,5 км.] от Милл-дам. Невозможно представить, чтобы ломовой извозчик мог быстро преодолеть такое расстояние. Для того чтобы обвиняемый мог избавиться от бочек с расчленённым трупом в утренние часы 6 ноября, в его перемещениях должна быть «лакуна», если угодно, «зона невидимости», интервал времени, на протяжении которого он исчезает из поля зрения свидетелей. Однако ничего подобного нет, перемещения Левитта Элли хорошо прослеживаются по показаниям свидетелей, никак не связанных между собой. Таким образом, утренние часы явно не подходят для избавления от опасного груза, если только таковой действительно находился в повозке обвиняемого. Вечерние и ночные часы 5 ноября также не подходят для поездки обвиняемого к дамбе, поскольку есть свидетели, утверждающие, что он находился дома возле больной жены, и нет ни одного свидетеля, видевшего Левитта Элли вне дома, либо разъезжающим в своей повозке по улице. **У обвинения есть свидетель Рэмселл, который якобы видел предполагаемого убийцу, но нет ни одного доказательства того, что Рэмселл видел именно Левитта Элли.**

Во-вторых, сторона обвинения, настаивая на убийстве Абии Эллиса вскоре после 7 часов вечера 5 ноября в конюшне на Ханнеман-стрит, обосновывает этот тезис якобы обнаружением частиц человеческой крови на одежде обвиняемого. Эксперт обвинения сообщил суду, будто красные тельца человеческой крови существенно меньше красных телец крови лошадиной. Однако данное утверждение не соответствует истине. Определение размеров кровяных телец при помощи микроскопа является крайне сложным, ведь в поле зрения объектива находятся тысячи таких телец. На точность подобных измерений существенно влияет то, каким образом сухая фракция крови переводилась в жидкую перед началом микроскопического исследования. **Кровь человека в зависимости от того, как именно разводилась сухая кровь, может быть легко принята за кровь лошади, поскольку по внешнему виду кровяные тельца лошади и человека различить невозможно.** Объясняя все эти нюансы суду, адвокат Дабни не отказал себе в удовольствии поиздеваться над обвинением и с очевидным сарказмом назвал окружного прокурора «мой учёный друг» («my learned friend»). Слова адвоката звучали просто убийственно для обвинения, причём по существу все утверждения адвоката были совершенно справедливы, и для разумного возражения ему не существовало ни малейшей зацепки.

В-третьих, адвокат весьма здраво обратил внимание суда на то, что обвинение никак не потрудилось доказать присутствие убитого и обвиняемого в конюшне на Ханнеман-стрит после того, как рабочий Тиббетс покинул её в 19 часов, заперев на замок. Как там оказался Абия Эллис? Почему он там оказался? Если он действительно явился к должнику на Ханнеман-стрит, то почему не вошёл в жилой дом, а направился в конюшню? Обвинение полностью обходит эти вопросы стороной, а между тем **появление предполагаемого убийцы и его жертвы на месте предполагаемого убийства должно быть доказано. Без такого доказательства сам факт убийства в предполагаемое время в предполагаемом месте оканчивается фантазией.**

В-четвёртых, Дабни указал на ряд несомненных нестыковок и противоречий, которые обвинение пыталось игнорировать, как будто их вообще не существовало. К числу таких непримиримых противоречий, например, следовало отнести блуждание бочек по реке. Ряд не связанных между собой свидетелей указывают на наличие неких бочек, плававших в реке Чарльз в первой половине дня 6 ноября. Обвинение по умолчанию считает, что это бочки с телом убитого Абии Эллиса, но такое предположение ни на чём не основано и прямо противоречит здравому смыслу. Если признать точку зрения обвинения справедливой, то получится, что бочки должны плавать очень быстро, преодолевая 3 или даже 4 мили (4,8 – 6,4 км.) за полчаса, чего быть никак не может. **Очевидно, разные свидетели видели в реке Чарльз разные бочки, но этот вывод рушит всю хронологию обвинения.** Адвокат Дабни не без издёвки заметил: «Но что касается некоторых обстоятельств, мои друзья [обвинители], кажется, сами сомневаются [в своих выводах] и ничего не утверждают» (дословно: «But as to some circumstances, my friends seem to be themselves in doubt, and not to assert any thing»). Другой нестыковкой, старательно игнорируемой стороной обвинения, стало несомненное противоречие между предполагаемым временем убийства и тем фактом, что в желудке осталась непереваренная пища.

В-пятых, адвокат сообщил суду, что обвиняемый имеет *alibi* на время убийства, и обвинение допустило большую ошибку, отмахнувшись от этого обстоятельства. Левитт Элли вечером 5 ноября ходил в магазин Ристина (Risteen), пройдя более мили (~ 2 км.). Сам Ристин и его клерк видели подсудимого и разговаривали с ним. Этот разговор имел место после 19:30 – в то самое время, когда по версии окружного прокурора Левитт Элли должен был убивать и расчленять Абию Эллиса. После возвращения из магазина подсудимый находился дома возле больной жены и в течение ночи дважды разговаривал с дочерьми, дежурившими возле неё. Утром появился грузчик Бейкер, в обществе которого подсудимый уехал в город, там

они повстречали мистера Мэхана, и начался трудовой день, на протяжении которого Левитт всё время оставался на виду большого числа никак не связанных между собой свидетелей.

В-шестых, адвокат особо остановился на том, что тяжкие хорошо продуманные преступления очень редко бывают безмотивными. Однако это соображение совершенно не подходит к настоящему случаю. **Предложенный обвинением мотив несостоятелен, поскольку Левитт Элли не имел материальных затруднений, не позволявших ему погасить долг убитому.** Смерть Абии Эллиса не приносила обвиняемому никакой реальной выгоды, фактически такое убийство по схеме обвинения представляется безмотивным и бессмысленным.

Также адвокат остановился на некоторых второстепенных вопросах, например, кратко изложил биографию подсудимого, охарактеризовал его как человека добродушного, мирного и очень терпеливого, а также особо остановился на приписанной Левитту Элли попытке скрыть наличие топора. По словам Дабни, утверждения прокурора бездоказательны и основаны лишь на том, что Левитта Элли неправильно поняли во время допроса, либо умышленно исказили его слова. Во всяком случае, никто топор с красной ручкой не прятал, и исчез он только 9 ноября, либо позже этой даты – то есть уже после проведённого полицией обыска. Подтекст последнего утверждения был прозрачен – сами же полицейские могли «заныкать» топор, чтобы потом свалить его отсутствие на подозреваемого, проделки такого рода были вполне в традициях американской полиции того времени, о чём присяжные заседатели, разумеется, знали.

Речь адвоката прозвучала мощно и убедительно. Обвинение, представившее до того эдакой грозной и несокрушимой скалой, оказалось поколеблено и, что ещё хуже, – высмеяно в завуалированной форме. Выступлением адвоката Дабни 4-й день судебного процесса был окончен, но всем, следившим за ходом суда, стало ясно, что тут-то всё только начинается и ничего в этом необычном деле не предопределено, а потому главная интрига ещё впереди.

Утреннее заседание 7 февраля [5-й день процесса] началось с вызова свидетеля обвинения Джорджа Макинтоша для передопроса. Адвоката интересовало то, как был одет обвиняемый во время разговора со свидетелем утром 6 ноября. Макинтош сообщил, что пальто и жилет Левитта Элли были расстёгнуты, так что была видна рубашка, следов крови на одежде не было заметно.

Следующий свидетель – Элиас Тоули (Elias Towle) – рассказал суду, что уже 50 лет проживает в городке Фридом (Freedom) в штате Нью-Гэмпшир, из них 40 знаком с Левиттом Элли. Фактически обвиняемый являлся его соседом – их фермы разделяли 4 мили (~6,5 км). Допрашивавший Тоули адвокат Сомерби (Sommerby) попросил описать характер Левита, и свидетель назвал его очень миролюбивым и добрым. Затем показания коснулись вопроса о материальном положении обвиняемого, и Тоули сообщил, что ему известно о внесении на счёт Левитта Элли в сберегательном банке во Фридоме 650 долларов. Эта сумма была внесена Джоном Элли, братом подсудимого. Сам Джон получил указанную сумму от одного из братьев Дрю (Drew), купивших ферму Левитта.

Далее произошёл любопытный инцидент, подтекст которого не совсем ясен. Джон Элли оставался должен брату некую сумму, которую должен был гасить частями, однако после того, как в ноябре 1872 года Левитт был взят под стражу, выплачивать её отказался, сославшись на материальные затруднения. Джон предложил передать брату долговую расписку, на что Левитт вполне ожидаемо ответил отказом. Он нуждался в «живых» деньгах для оплаты услуг адвокатов и поддержки собственного существования в тюрьме [узники оплачивали питание из своего кармана]. В общем, между братьями возникла размолвка, и адвокат Сомерби, очевидно, хотел, чтобы свидетель рассказал об этом присяжным. Защитник стал задавать наводящие вопросы, а Тоули – отвечать, но тут очень нервно отреагировал Генеральный прокурор. Поднявшись со своего места, Трейни потребовал прекратить расспросы, связанные с отказом Джона Элли платить деньги подсудимому. Своё требование главный обвинитель мотивировал

тем, что конфликт между братьями возник уже после убийства Абии Эллиса и не имеет отношения к расследованию данного преступления.

Суд встал на сторону Генерального прокурора, впрочем, как и всегда! Судья Уэллс удовлетворял все ходатайства главного обвинителя и игнорировал обращения защиты – это хорошо видно из стенограммы процесса. Судья заявил, что отношения братьев не могут обсуждаться в данном процессе, и защите пришлось с этим решением смириться.

Нам остаётся лишь гадать, чем обусловлена нервная реакция Генпрокурора Трейни на тему, не лишённую для присяжных определённого интереса. Скорее всего, обвинитель не хотел, чтобы подсудимый вызвал даже минимальное сострадание присяжных. Джон Элли, судя по всему, решил, что брату не избежать петли, а потому долг ему можно не возвращать – в гробу ведь карманов нет, а деньги пригодятся и самому Джону! Такие вот высокие близкородственные отношения! Этот удар в спину, нанесённый родным братом в ту самую минуту, когда Левитт Элли больше всего нуждался в поддержке – как моральной, так и материальной! – безусловно, сильно осложнил положение обвиняемого. Генеральный прокурор явно не хотел, чтобы присяжные заседатели увидели отвратительную подноготную «братских отношений», и потому сделал всё от него зависящее для того, чтобы свидетель Тоули не сказал лишнего.

Затем свидетельское место занял адвокат Николас Брэйсделл (Nicolas Blaisdell), проживавший ранее в городе Мэдисон (Madison), штат Нью-Гэмпшир, но перебравшийся в Массачусетс в 1863 году [то есть за 10 лет до описываемых событий]. Брэйсделл вступил в коллегия адвокатов штата в том же 1863 году, а на следующий год – в коллегия адвокатов при Верховном суде Соединенных Штатов в Вашингтоне. Спустя 5 лет – в 1869 году – Брэйсделл стал членом коллегии адвокатов штата Нью-Йорк. То есть это был солидный, всеми уважаемый юрист. Николас заявил, что знаком с Левиттом Элли всю жизнь, и охарактеризовал подсудимого как «честного» («honesty»), «тихого» («quiet») и «безобидного» («inoffensive») человека. Помимо общей характеристики Левитта, свидетель сообщил суду детали сделки по продаже фермы, принадлежавшей Элли. Сделку эту в сентябре 1872 года проводил Брэйсделл. По его словам, часть земли купили братья Дрю, а часть – Джон Элли, брат подсудимого. Ферма должны была принести Левитту в общей сложности 1,4 тыс.\$ или 1,5 тыс.\$, сам же адвокат рассчитывал заработать на сопровождении сделки 100\$.

Перекрёстному допросу обвинением Брэйсделл не подвергался.

Затем защита вызвала Томаса Коллиджена (Thomas Colligan), жителя района Бостон Хайлендс (Boston Highlands) с 1828 года, плотника по профессии. Свидетель являлся прихожанином церкви доктора Патнэма (Putnam) и исполнял обязанности звонаря. Коллиджен заявил, что утром 6 ноября он звонил в колокол в 8 утра. Появление этого свидетеля предоставило защите право утверждать, что звонарь, колокол которого слышал Рэмселл, найден вовсе не в Бруклине, где его безрезультатно искало обвинение, а в районе, расположенном гораздо южнее [и соответственно, дальше от Милл-дам]. **Показания Коллиджена были важны для защиты тем, что в них содержалась чёткая привязка ко времени – 8 часов утра – а это означало, что Рэмселл никак не мог видеть Левитта Элли, поскольку обвиняемый в тот самый час перевозил в центр Бостона бильярдный стол, полученный в мастерской Шулеров.** Поездка подсудимого находилась на Вашингтон-стрит на удалении не менее 4 км от Паркер-стрит, по которой в тот час двигался Рэмселл.

Далее последовал вызов ряда свидетелей, давших самую положительную характеристику деловым и человеческим качествам подсудимого. Свидетельское место последовательно занимали Уолтер Хармон (Walter Harmon, друг детства Левитта, адвокат Марк Брэйсделл (Mark Blaisdell), брат допрошенного чуть ранее Николаса Брэйсделла, давний деловой партнёр обвиняемого, Фредерик Брэдбери (Frederick E. Bradbury). Последний был знаком с Левиттом Элли 22 года, хотя и признал, что последние 4 года мало что о нём знает.

Следующим стал Джозия Тарстон (Josiah Thurston), житель Фридома и президент того самого банка, в котором обвиняемый имел счёт. Последовавший за ним Джозеф Шэкфорд (Joseph E. Shackford), житель города Итон (Eaton) в штате Нью-Гэмпшир и многолетний сосед Левитта Элли, не только дал ему прекрасную характеристику, но и рассказал суду, что 24 или 25 сентября 1872 видел у Левитта 400\$ наличными. Продолжая свой рассказ, свидетель упомянул, что у Левитта Элли имелась также расписка, по которой тот должен был получить 650\$, а кроме того, были расписки на меньшие суммы. То есть никаких критичных денежных затруднений обвиняемый явно не имел.

При допросе Шэкфорда произошёл любопытный казус, выразительно продемонстрировавший то нервное состояние, в котором находились обвинители. Адвокат Сомерби осведомился у свидетеля: «Каково было финансовое положение Элли в целом?» («What was Alley's pecuniary standing?»), на что Генпрокурор тут же заявил протест, не дав Шэкфорду возможности ответить. **Нежелание главного обвинителя услышать ответ по весьма важному для суда вопросу выглядело довольно странно, учитывая, что само же обвинение совсем недавно весьма старательно показывало богатство убитого и нехватку денег у подсудимого.** Примечательно то, что суд без долгих рассуждений поддержал протест, и вопрос был снят.

Адвокат Сомерби после этого не отказал себе в небольшой колкости, сказав: «Постановил ли тем самым суд, что мы не можем доказывать, что кредитная история Элли была хорошей, и что он мог занимать деньги на любую сумму?» («Do the Court rule that we cannot show that's Alley's credit was good, and that he could borrow money to any amount?»). Судья, не моргнув глазом, ответил, что он «так постановляет» («we so rule»). Это, конечно же, был совершеннейший произвол и несомненная демонстрация предвзятости, но адвокат не мог прямо так сказать, а потому не без сарказма заметил, что надеется – подобный запрет останется только в виде исключения. Судья, сообразив, видимо, что слишком уж явно продемонстрировал свою необъективность и готовность во всём соглашаться с Генпрокурором, ответил, что... так и будет! Дескать, да, я несправедлив и предвзят, и все сейчас в этом убедились, но давайте сделаем вид, что никто ничего не заметил, а я впредь постараюсь подобных «косяков» не допускать.

Занявший свидетельское место Амос Дрю (Amos Drew), кондуктор «конки» в восточном Бостоне, подтвердил во время допроса, что в сентябре минувшего года он и его брат Джон (John Drew) подписали заёмное письмо на 650\$ на имя Левитта Элли. По факту эта сумма являлась их долгом за землю возле Итона, в Нью-Гэмпшире, которую они купили у Левитта Элли.

Показания Дрю лили воду на мельницу защиты, всецело подтверждая справедливость утверждений адвокатов о материальном достатке подсудимого и имевшихся у него перспективах получения внушительных денежных сумм в будущем. Сторона обвинения не могла проигнорировать такие серьёзные и веско звучащие утверждения, надо было чем-то парировать сказанное свидетелем. Генеральный прокурор понимал это, но не имел понятия, как именно можно скомпрометировать свидетеля. Главный обвинитель поднялся со своего места для проведения допроса Дрю, важно подошёл к нему и многозначительно спросил у свидетеля, каков его доход и семейное положение. Амос Дрю ответил, что он холост и получает за работу кондуктором 2\$ в день.

Генеральный прокурор помолчал, покивал и... сел на место. Допрос свидетеля на этом закончился. Нельзя не признать того, что сторона обвинения в ту минуту выглядела жалкой и совершенно беспомощной!

Следующие свидетели защиты – Натаниэль Палмер (Nathaniel G. Palmer) и Уильям Брукс (William F. Brooks) – также дали обвиняемому отличную характеристику. Вторым из упомянутых свидетелей проживал в восточном Бостоне, а прежде жил в Нью-Гэмпшире, знал Левитта с детства и поддерживал отношения с ним уже в Бостоне.

После Палмера и Брукса свидетельское место занял Джон Смарт (John Smart), свойственник подсудимого, брат его жены. Он рассказал суду о том, что Левитт женат на его сестре уже 21 год, и охарактеризовал его исключительно положительно. Понятно, что Джон Смарт говорил не только от себя лично, но и от имени сестры, хотя, разумеется, делал это опосредованно. Это были очень полезные для защиты показания. На вопрос главного обвинителя о материальном положении Левитта Элли свидетель аккуратно пробормотал, что мало осведомлён на этот счёт, тем самым уклонившись от ответа.

Следующие свидетели – Руфус Барбанк (Rufus H. Burbank) и Джон Карп Левитт (John Carr Leavitt) – также были знакомы с обвиняемым на протяжении многих лет. Первый заявил суду, что общался с подсудимым 14 или 15 лет, а второй, работавший чиновником по сбору налогов в Нью-Гэмпшире, познакомился с Элли 20 лет назад. Оба свидетеля в один голос заявили, что Левитт Элли всегда отличался добрым нравом и никогда никому зла не делал.

Разумеется, в суде появился и Джон Элли (John Q. Alley), родной брат подсудимого, тот самый, что после ареста Левитта предложил последнему вексель вместо наличных денег. Джон рассказал суду, что проживает вместе с матерью на семейной ферме в местечке Итон (Eaton) в Нью-Гэмпшире. Он полностью подтвердил показания других свидетелей о денежных делах брата в сентябре минувшего года, рассказал о продаже Левиттом своей фермы, получении расписки от братьев Дрю и прочих деталях. Джон особо подчеркнул, что 5 ноября денег Левитту не передавал.

Генеральный прокурор был чрезвычайно дотошен в ходе перекрёстного допроса этого свидетеля. Отвечая на его вопросы, Джон подробно объяснил появление заёмного письма братьев Дрю, рассказал, что брат в общей сложности продал 300 акров земли в Итоне, уточнил детали некоторых взаиморасчётов с Левиттом. По словам свидетеля, он в последний раз заплатил Левитту 50\$ наличными спустя 3 или 4 недели после 25 сентября. Отвечая на вопрос главного обвинителя об обстоятельствах конфликта с братом, пояснил, что Левитт отказался удовлетвориться векселем и потому он, Джон Элли, продолжал погашать долг наличными. После ареста брата Джон передавал деньги Дэниелу Элли (Daniel L. Alley), сыну Левитта, своему племяннику, так что никакого конфликта между братьями, в общем-то, и нет.

Окружной прокурор Мэй, сменивший Генерального прокурора в роли допрашивающего, явно остался неудовлетворён тем, как отвечал Джон Элли, а потому его вопросы, адресованные свидетелю, стали касаться тем, вообще никак не связанных с событиями 1872 года. Обсуждая долги и общее материальное положение обвиняемого, Мэй стал всё более уклоняться в глубину минувших лет и дошёл до 1869 г. [т.е. за 3 года до интересующего суд интервала!]. Ничего подозрительного или двусмысленного Джон Элли окружному прокурору так и не сказал, объяснив очень чётко и ясно характер движения денег брата. Интересно то, что судья не препятствовал всем этим бухгалтерским блужданиям, явно рассчитывая услышать нечто компрометирующее, но, как сказано выше, продолжительный перекрёстный допрос не оправдал возлагавшихся на него ожиданий.

Череда следующих свидетелей – Альберта Уотсона (Albert Watson), Якоба Мэнсона (Jacob Manson), Элдена Снэлла (Alden Snell), Йотана Хармона (Jotham Harmon) – дружно охарактеризовала подсудимого с наилучшей стороны и проделала это в высшей степени убедительно. Альберт Уотсон, например, владел 2-я магазинами на Трмонт-стрит и Шоумут авеню (Shawmut ave) и на протяжении последних лет вёл с Элли финансовые дела, в частности, неоднократно ссужал его деньгами. Никогда никаких проблем Левитт своему кредитору не доставлял, а характер и поведение подсудимого всегда были выше всяких похвал. А Йотан Хармон был знаком с Левиттом Элли уже 35 лет и за все эти годы ни разу не слышал ничего, способного опорочить репутацию последнего.

В целом, череда свидетелей, положительно характеризовавших подсудимого, выглядела очень убедительно, но однообразно. Члены жюри присяжных, как и судья, не могли исключить

того, что все эти люди ошибаются, поскольку человек, вообще-то, является существом лживым и способной очень ловко обманывать. Поэтому защите Левитта Элли было очень важно не просто показать, что обвиняемый – хороший человек и потому он никого не убивал, а разрушить именно ту версию преступления, которую выстроила сторона обвинений. И защита отыскала-таки потрясающего свидетеля, оказавшегося способным подорвать весь фундамент официальной версии событий, произошедших вечером 5 ноября 1872 года.

Вызванная для дачи показаний Элизабет Портер (Elizabeth L. Porter), сообщила во время допроса, что проживает в доме №17 по Доувер-плейс (Dover place) вместе с мужем и дочерью и 5 ноября 1872 года их семья принимала в своём доме гостей. По этой причине «приписка» по месту и времени выглядела вполне надёжной. Продолжая отвечать на вопросы адвоката обвиняемого, свидетельница рассказала, что на протяжении нескольких лет была знакома с Абией Эллисом. По её словам, знакомство с Абией произошло на борту парохода 3 января 1868 года, в последующем они время от времени обменивались письмами. Элизабет сообщила суду, что последнее письмо от Абии она получила в июне 1872 года, то есть приблизительно за 5 месяцев до убийства последнего. Дабы пресечь какие-либо подозрения на характер отношений с Абией Эллисом, свидетельница заявила, что тот никогда в её доме не жил, и повторила, что она – замужняя женщина.

Но это всё была «подводка» – то, что оперативные работники обычно называют «установочными данными». А далее последовала существенная часть её показаний. По словам Элизабет Портер, вечером 5 ноября, около 19:30, она вышла из дома вместе с дочерью Лиззи и на углу улиц Вашингтон (Washington street) и Гарланд (Garland street) увидела Абию Эллиса, двигавшегося в направлении Ист-Доувер-стрит (East Dover str.). В разговор с ним она не вступала, поскольку её отвлекла 11-летняя дочь, но Элизабет Портер не сомневалась в том, что встреченным ею мужчиной оказался именно Абия Эллис.

Важность для защиты заявления, сделанного Элизабет Портер, заключалась в том, что место, на котором произошла встреча свидетельницы и потерпевшего, находилось на удалении около 1350 – 1400 метров от дома Левитта Элли, но самое главное заключалось даже не в этом! **Из слов свидетельницы следовало, что Абия Эллис шёл в сторону, противоположную той, где находился дом обвиняемого.**

Немудрено, что появление свидетеля, о котором сторона обвинения явно ничего не знала, вызвало шквал эмоций Генерального прокурора. Чарльз Трейн задал свидетельнице около 30 вопросов на самые разнообразные [и даже неожиданные] темы. В частности, он уточнил, был ли перекрёсток освещён, на что Элизабет ответила отрицательно. Другой вопрос касался расстояния, на котором женщина видела Абию Эллиса. Элизабет ответила, что они разошлись буквально в 3 футах [~ 0,9 м.]. Он даже спросил, как часто Элизабет виделась с адвокатами Дабни (Dabney), Сомерби (Someryby) и Вэем (Way), давая понять, что не сомневается в большом количестве таких встреч, во время которых адвокаты должны были «натаскать» свидетельницу для выступления в суде. Элизабет хладнокровно ответила, что адвокатов обвиняемого она видела «только 1 раз», и добавила, что рассказала суду лишь правду. Не зная, каким образом сбить свидетельницу с толку, Генеральный прокурор бестактно спросил, какие проблемы Абия Эллис создавал ей, подразумевая по умолчанию, что некие проблемы, несомненно, существовали. Элизабет лаконично ответила на это, что никаких проблем с Абией она никогда не имела.

После в высшей степени обескураживающих и явно неожиданных для обвинения показаний миссис Портер защита вызвала следующего своего свидетеля. Таковым стала Лиззи Франсиз Портер (Lizzie Frances Porter), дочь Элизабет. Это был в высшей степени удачный ход защиты, поскольку 11-летняя девочка полностью подтвердила рассказ матери и тем укрепила общее впечатление его достоверности. Генеральный прокурор во время перекрёстного допроса буквально ужом извивался, пытаясь добиться от маленькой Лиззи какой-нибудь неосторожной оговорки. Он задал ей порядка 20 вопросов, но всё, чего смог добиться, свелось к заявлению

девочки, согласно которому мистер Дабни, адвокат Левитта Элли, бывал в их доме 2 раза. В этих словах можно было бы увидеть противоречие утверждению Элизабет Портер, заявившей под присягой, будто она видела мистера Дабни «всего 1 раз», но противоречие это оказалось кажущимся. Адвокат во время своего первого визита в дом Портеров не застал Элизабет и передал ей свою визитную карточку, так что Элизабет не обманула суд, сообщив о единственной встрече с защитником.

Продолжая отвечать на настойчивые вопросы Генерального прокурора, девочка сказала, что адвокат Дабни никогда не говорил ей, чтобы она утверждала, будто знала Абию Эллиса 4 года. Затем Лиззи объяснила, откуда ей известно время встречи [между 7 и 8 часами вечера 5 ноября], и в деталях рассказала о состоянии погоды. Последний вопрос Генерального прокурора, адресованный юной свидетельнице, оказался откровенно бестактным – мистер Трейн поинтересовался, кто учил Лиззи отвечать на вопросы в суде? Этот бессмысленный как по форме, так и по содержанию вопрос прекрасно продемонстрировал беспомощность стороны обвинения и её неспособность аргументировано опровергать или ставить под сомнение заявления оппонентов. Лиззи Портер ответила Генеральному прокурору, что никто никогда не учил её тому, как отвечать на вопросы о погоде или другие вопросы в суде. Нельзя не признать того, что этот сдержанный и корректный ответ символично продемонстрировал как хорошее воспитание девочки, так и общее состояние дел защиты, явно сумевшей повернуть вспять течение судебного процесса.

Затем свидетельское место занял геодезист Артур Форбс (Arthur W. Forbes), выполнявший по поручению стороны защиты разнообразные измерения на местности. Сразу скажем, что он допрашивался в суде трижды, каждый раз сообщая точные данные по тем или иным вопросам, связанным со взаимным расположением различных объектов и их удалением друг от друга. Чтобы каждый раз не возвращаться к этим деталям и не рассеивать внимание читателя, скажем, что из всей разнообразной справочной информации, сообщённой Форбсом суду, наибольший интерес для нас представляют 2 расстояния, исчисленные геодезистом. Первое – это расстояние от магазина Ристина (Risteen), куда вечером 5 ноября ходил обвиняемый, до его дома на Ханнеман-стрит. По подсчётам Форбса, оно составило 1 целую и 1/17 мили, то есть 1704 метра. Второе важное для настоящего дела расстояние связано с тем путём, который должны были проделать бочки, брошенные в реку Чарльз у затвора дамбы Милл-дам до пристани газового завода [то есть речь идёт о движении бочек по маршруту, соответствующему официальной версии событий]. Это расстояние, по мнению Артура Форбса, равнялось 15,8 тыс. футов (4,8 км).

Отметим также, что показания геодезиста, приглашённого защитой, сторона обвинения под сомнение не ставила и вопросов к нему не имела.

После того, как Артур Форбс был отпущен, его место заняла Леонора О'Тул (Leonora O'Toole), старшая из дочерей Левитта Элли. Она рассказала о событиях вечера 5 ноября. По её словам, отец появился дома около 19:30, возможно, чуть позже, что могли подтвердить другие члены семьи. Женщина сообщила суду детальное описание дома, сообщив, в частности, что во двор, к конюшне, можно выйти через дверь в кухне. По словам Леоноры, отец в тот вечер вошёл в дом синхронно с мистером Смитом (Smith), учителем музыки, прибывшим для того, чтобы дать урок младшим сестрам. Смит вошёл в дом через дверь с улицы, а Левитт Элли – со двора через дверь в кухне. Леонора обстоятельно рассказала суду о своих дальнейших перемещениях в тот вечер, в частности о том, что после появления отца уходила, но вскоре возвратилась и в 20:15 уже была в доме. Примерно в 20:20 она видела, как отец, мать и сестра Эбби (Abby) о чём-то оживленно беседовали в гостиной. Далее, по словам свидетельницы, отец разговаривал с её мужем, и к этой беседе присоединилась сестра Анна (Anna) и т. п.

В ходе допроса Леонора несколько раз повторила, что отец всё время оставался в доме. Примерно в 15 минут первого часа ночи [т.е. уже 6 ноября] она разговаривала с ним о само-

чувствии больной матери. Затем она видела отца после того, как тот встал, умылся и завтракал в кухне – это было около 7 часов утра. Тогда же его видел и брат свидетельницы Дэниел (Daniel).

Генпрокурор допрашивал Леонору очень напористо, что легко объяснимо – дочь предоставляла обвиняемому *alibi* на весь вечер и часть ночи, то есть на то время, когда по официальной версии было совершено убийство. Чарльз Трейн задал Леоноре О'Тул огромное число вопросов, требуя всевозможных уточнений, зачастую бессмысленных. Например, о том, когда и при каких обстоятельствах свидетельница узнала об исчезновении Абии Эллиса. После того, как Леонора О'Тул ответила, что она услышала об этом около 18 часов в четверг 7 ноября, когда последние городские новости обсуждали её брат и муж, Генпрокурор тут же поспешил уточнить, откуда свидетельница может знать, что разговор этот происходил именно в 18 часов, а не в другое время. На это Леонора спокойно ответила, что уверенно судит о времени на том основании, что они уже закончили пить чай, а это происходит обычно около 18 часов. Женщина отвечала очень корректно и обстоятельно, и попытки главного обвинителя поймать её на каких-то мелких несоответствиях выглядели, мягко говоря, бестолково.

Фрэнк Смит (Frank J. Smith), учитель музыки Эбби (Abby) и Фанни (Fanny Alley), дочерей обвиняемого, занял свидетельское место после Леоноры О'Тул. Мужчина полностью подтвердил её показания о своей явке на урок в 19:30 5 ноября.

Генеральный прокурор Трейн допрашивал его очень пристрастно. Его интересовало всё – когда Смит начал давать уроки дочерям Левитта Элли, кого он увидел первым, войдя в дом 5 ноября, когда и как встречался с адвокатами и т. п. Перекрёстный допрос этот оказался мучителен и бесплоден, Фрэнк Смит явно не понимал, чего от него хочет добиться Генеральный прокурор, но самое смешное заключалось в том, что этого не понимал и сам Генеральный прокурор.

Защита вызвала для дачи показаний и Мэри Тэйлор (Mary E. Taylor), двоюродную сестру Леоноры О'Тул, проживавшую на Дирборн-стрит. Она полностью подтвердила рассказ Леоноры о её визите вечером 5 ноября около 8 часов вечера. По словам Мэри, они поговорили примерно 15—30 минут, после чего Леонора ушла домой.

Показания Мэри Тэйлор при всей своей кажущейся малозначительности были нужны для верификации той привязки ко времени, которую ранее сделала Леонора О'Тул. Понимая это, Генеральный прокурор Трейн принялся настойчиво допрашивать свидетельницу, стремясь добиться хоть сколько-нибудь двусмысленного или неуверенного ответа. Тут следует отметить, что перекрёстный допрос Мэри, как, впрочем, и некоторых других важных свидетелей защиты, продлился больше времени, чем сами показания.

После Мэри Тэйлор свидетельское место занял Барли (Burley M. Taylor), её муж. Он полностью подтвердил её рассказ и поклялся, что являлся свидетелем краткого визита Леоноры О'Тул от его начала до конца.

Следующим свидетелем защиты, вызванным для дачи показаний, стал Лоуренс О'Тул (Lawrence J. O'Tool), каменщик по профессии, муж Леоноры, проживавший вместе с нею в доме Левитта Элли. Лоуренс являлся весьма важным свидетелем, поскольку в числе нескольких других человек видел обвиняемого в то самое время, когда тот, по версии обвинения, убивал и расчленил Абию Эллиса. Лоуренс обстоятельно рассказал о событиях 5 ноября, о своих разъездах в тот день, о посещении трактира и последующем времяпрепровождении вечером того дня. Самое существенное в показаниях Лоуренса заключалось в том, что тот полностью подтвердил показания жены и, в частности, рассказал о своей непродолжительной беседе с Левиттом Элли в гостиной после 8 часов вечера, после которой он ушёл спать. Спать Лоуренс лёг в тот день около 9 часов вечера.

Генпрокурор также очень настойчиво допрашивал Лоуренса, поскольку тот стал ещё одним свидетелем, разрушавшим официальную версию событий буквально до основания.

Чарльз Трейн задал до 10 вопросов о событиях 5 ноября, ничего этим не добился и вернулся на своё место мрачнее тучи. Главный обвинитель, наверное, уже понял, что процесс пошёл под откос и последующие события сулят официальной версии крах.

Далее защита вызвала в зал Отиса Дэя (Otis P. Day), кондуктора конки. Свидетель был знаком с Лоуренсом О'Тулом, хотя и не очень коротко. Он рассказал суду, что вечером 5 ноября вместе с Лоуренсом заходил в салун Дадли (Dudley).

Генеральный прокурор чрезвычайно дотошно допросил Отиса о событиях того дня и не услышал ничего, что позволило бы поставить под сомнение точность его рассказа.

Словно бы издеваясь над стороной обвинения, защита вызвала ещё одного свидетеля – некоего Джона Лэнга (John P. Lang), пекаря по профессии – убедительно подтвердившего показания Лоуренса О'Тула и Отиса Дэя. Лэнг знал обоих упомянутых выше мужчин, а в его магазине на углу Вашингтон-стрит и Метроплитен-плейс прямо над дверью висели часы. По словам Лэнга, в минувшем ноябре магазин работал с 05:30 до 21 часа. Находясь за прилавком, Джон Лэнг мог наблюдать за улицей через витрины, и, по его словам, он видел Лоуренса О'Тула и Отиса Дэя, входивших в трактир далее по улице в день президентских выборов около 7 часов вечера, что полностью соответствовало показаниям О'Тула и Дэя.

Это была «железная» привязка по времени и месту, поставить под сомнения показания Лэнга в тех условиях обвинение не могло. Генеральный прокурор даже допрашивать его не стал, понимая бессмысленность этого занятия.

Пятый день судебного процесса закончился показаниями Анны Элли (Anna L. Alley), 16-летней дочери подсудимого. По её словам, она видела отца 5 ноября вечером, тот в 19:30 вошёл в кухню и практически сразу появился учитель музыки Смит. В вечерние и ночные часы Анна могла слышала мать и отца в их спальне. По утверждению свидетельницы, 5 ноября она легла спать в 22:15, и в это время отец находился дома. Утром она увидела отца в 06:25, тот сидел за столом в столовой и ел яичницу с беконом.

В целом показания Анны Элли звучали логично, убедительно и – это самое главное! – полностью соответствовали показаниям Леоноры. То, что отдельные детали, сообщённые Анной, отличались от рассказа старшей сестры, лишь добавляло им достоверности.

Генеральный прокурор Трейн чрезвычайно напористо допрашивал юную девушку, задавая уточняющие вопросы буквально по каждой детали, сообщённой ею. Он задал Анне более 20 вопросов, и вообще её допрос оказался одним из самых напряжённых в течение того дня. Главный обвинитель поставил под сомнение возможность точного определения времени свидетельницей, и Анне пришлось разъяснить, что часы висят на стене на лестнице со 2-го этажа на 1-й, и она, спускаясь утром вниз, не могла их не увидеть. Чарльз Трейн задавал вопросы о контактах свидетельницы с адвокатами, о том, вызывали ли её ранее в суд и т. п. Анна отвечала очень спокойно и убедительно – тут, кстати, нельзя не признать того, что все родственники обвиняемого [Анна, её старшая сестра Леонора, её муж Лоуренс] были хорошо натасканы и, несомненно, готовились к перекрёстному допросу. Обычному человеку без предварительной подготовки и обдумывания формулировок очень сложно давать пояснения по большому количеству деталей, особенно в тех случаях, когда список вопросов практически неограничен.

Нельзя не признать того, что Анна Элли прекрасно прошла через весьма непростое испытание в виде перекрёстного допроса в суде и очень помогла защите отца.

Вообще же, пятый день процесса оказался для стороны обвинения обескураживающе разгромным. Ещё сутки назад участь подсудимого представлялась практически предрешённой, и казалось, что нет таких доводов и свидетельств, которые смогут посеять сомнения в официальной версии. Но вот прошли всего 3 заседания суда, и та картина, что выглядела столь убедительной и неопровержимой, вдруг превратилась в карикатуру на самоё себя.

Но самое главное заключалось в том, что процесс покуда не заканчивался. Защита планировала на завтра вызов новых свидетелей, и можно было не сомневаться, что в последние

часы 7 февраля 1873 года все должностные лица, причастные к расследованию убийства Абии Эллиса и преданию суду Левитта Элли, напряжённо ожидали от продолжения суда самых неприятных сюрпризов.

Мы не знаем, о чём думали обвинители утром 8 февраля 1873 года, отправляясь на утреннее заседание – до нас не дошли их дневники или письма, связанные с событиями того дня. Но наверняка на душе Трейна и Мэя скребли кошки, ведь будучи опытными юристами, они понимали те законы жанра, которые управляли ходом процесса. Начиная со студенческой скамьи, их учили тому, что эмоциональное напряжение присяжных должно нарастать по мере приближения окончания суда. Чтобы добиться наибольшего эмоционального отклика присяжных и тем самым решить стоящую перед собой задачу, юрист [обвинитель или защитник – неважно!] должен поначалу выпускать свидетелей малозначительных или малоубедительных, а самых харизматичных и ярких оставлять напоследок.

Разумеется, на последовательность допросов свидетелей влияют порой факторы, объективно выходящие за рамки предварительного планирования, например, неявка свидетеля или необходимость допроса в строго определённый момент судебного процесса. Тем не менее, приоритетной задачей для любого хорошего юриста является допрос наиболее ценных свидетелей ближе к концу процесса.

Обвинители на процессе Левитта Элли, разумеется, все эти нюансы понимали. Также они понимали, что если 5-й день суда оказался для них очень тяжёлым, поколебавшим до основания официальную версию преступления, то 6-й мог стать по-настоящему сокрушительным. Интересно было бы узнать, каким образом они рассчитывали выходить из создавшегося сложного положения, обсуждали ли они между собой какие-то заготовки или полагались на экспромт и сказанное к месту острое слово.

Но повторим отмеченное выше – нам неизвестны мысли и переживания действующих лиц, всё, что есть в нашем распоряжении – это голая фабула событий, стенограмма процесса и газетные комментарии.

Утреннее заседание 6-го дня началось с заслушивания Генри Митчелла (Henry Mitchell), профессора геодезии. Защита пригласила его для того, чтобы он рассказал о приливе во вторник 5 ноября 1872 года. Митчелл сообщил суду, что в 9 часов утра стояла низкая вода, прилив начинался в 08:59 и первым его должны были заметить в Чарлстауне. Прилив шёл с востока на запад, то есть от океана вверх по течению реки Чарльз. Интервал времени между подъёмом воды у пристани газового завода и воротами батопорта в дамбе Милл-дам составлял по оценке эксперта около получаса. Высокая вода у ворот шлюза в тот день должна была установиться в 15:11. После этого времени бочки могли преодолеть расстояние от шлюза до пристани газового завода под воздействием ветра.

Развивая свою мысль, профессор Митчелл отметил, что если ветер дул с юго-востока и имел скорость до 10 миль в час [то есть до 4,5 метров в секунду], – а именно таков он и был согласно официальной сводке погоды – то скорость бочек не могла превышать 2 мили в час [~3,2 – 3,7 км/ч в зависимости от того, какие мили имел в виду профессор – сухопутные или морские]. Стало быть, движение бочек от запорных ворот на Милл-дам до пристани газового завода не могло продлиться более 3 часов.

Но в таком случае получалось, что если бочки увидели в районе пристани газового завода в 14 часов или даже позже, то в воду они должны были попасть не 11 часов. Это умозаключение звучало убийственным приговором для официальной версии преступления. Понимая, что промолчать нельзя, а по существу возразить нечего, Генеральный прокурор Трейн поднялся со своего места и промямлил: «Бочка, брошенная в воду возле шлюза за полтора часа до отлива и наполовину или почти погружённая в воду, вероятно, будет плавать среди отмелей в бассейне

и оставаться там, пока её не поднимет прилив.»⁶ Это был не вопрос, не возражение, а так... ремарка, посланная в мировой эфир.

Произнеся столь странную фразу, главный обвинитель опустил на своё место, давая понять, что перекрёстный допрос свидетеля защиты окончен, точнее, окончен, не начавшись. Изреченное главным обвинителем оказалась лишено какого-либо смысла, из слов Генерального прокурора следовало только одно – мистер Трейн вообще не понял сказанного профессором геодезии Митчеллом. Ведь тот говорил о приливе, который последовал днём 5 ноября **ещё до убийства**, а потому ночной отлив, последовавший через половину суток, на движение бочек не влиял! Влиял ветер! Причём тут полтора часа до отлива..? как отмели могут влиять на движение бочек и кем подобное влияние доказано? что за чушь изрёк Генпрокурор..? Да Бог его знает!

Далее защита в 3-й раз пригласила на свидетельское место геодезиста Артура Форбса, дважды допрошенного накануне, и попросила его сообщить точные данные о расстояниях до различных объектов Бостона и пригородов (Бруклинский мост, отдельные здания и пересечения улиц – всего порядка 10 мест). Свидетель, используя большую карту, ответил на заданные вопросы и показал названные точки, после чего покинул своё место. Допрос его не занял более 5 минут.

Следующий свидетель оказался очень важным во всех отношениях и потому-то очень странно, что его в начале процесса не вызывало обвинение. Джон Джордж Уилкинс (John George Wilkins), ветеринарный хирург, рассказал о своих взаимоотношениях с подсудимым. Из показаний свидетеля следовало, что его знакомство в Левиттом Элли состоялось в конце сентября 1872 года, когда тот явился к нему домой и спросил о способах лечения лошадей. Примерно через час Уилкинс уже приехал к дому Левитта на Ханнеман-стрит и осмотрел лошадей, стоявших в конюшне во дворе.

Свидетель неспешно и очень обстоятельно поведал суду о лечении и своём последующем общении с подсудимым. По его словам, одна из лошадей Левитта заболела лошадиным гриппом, она была аномально холодна. Уилкинс произвёл вакцинирование лошадей подсудимого и во время манипуляций с лошастью, находившейся во 2-м стойле, имело место кровотечение и разбрызгивание крови. В этом месте следует пояснить, что в те времена для вакцинирования не использовались шприцы [если кто не знает, шприц изначально был придуман как средство для подкожных инъекций морфина], а потому вакцина вводилась в организм человека или животного посредством неглубокого разреза. Поскольку скальпель являлся инструментом очень острым, а нервное животное могло дёрнуться, разрез мог получиться слишком глубоким – такое происходило сплошь и рядом. Именно так случилось при вакцинировании лошади во 2-м стойле – животное дёрнулось, скальпель вошёл слишком глубоко в плоть, и кровь брызнула из раны, попав на стенку соседнего стойла, третьего по счёту, и загородку позади лошади. Кроме того, брызги лошадиной крови попали на брюки, пальто, жилет и рубашку Левитта Элли, стоявшего рядом.

На этом показания свидетеля не закончились. Отвечая на вопросы адвоката Дабни, ветеринар сообщил суду, что уже после ареста подсудимого ещё раз побывал в конюшне и «заметил кровь на стене сарая, новых пятен не было, и это выглядело так же, как я видел во время [невольного] пускания крови лошади» (дословно: «noticed blood upon the side of the barn, there were no new spots and it looked like the same I saw at the time the horse was bled»).

То есть свидетель полностью поддержал версию защиты и признал, что в ноябре 1872 года новых пятен в конюшне не увидел.

⁶ Дословно: «A barrel thrown into the water at the sluiceway an hour and a half before low tide, and half or nearly submerged, would probably float around among the flats in the basin and remain until the flood tide lifted it.»

В русском языке существует замечательная метафора «без ножа зарезал» – это именно то, что ветеринар Уилкинс проделал с обвинением!

Обвинители – Генеральный и окружной прокуроры – по очереди допрашивали ветеринара, задав ему большое количество вопросов разной степени бессмысленности. Так, например, Генеральный прокурор Трейн попытался убедить Уилкинса в том, что тот занимался вакцинацией лошадей в августе, хотя совершенно непонятно, как изменение срока могло опровергнуть остальные важные утверждения свидетеля. Уилкинс не дал сбить себя с толку и уверенно отверг все инсинуации, связанные с августом, заявив, что не мог тогда работать с лошадьми Левитта Элли, поскольку в том месяце находился в отъезде, в штате Мэйн, и с обвиняемым познакомился спустя 2 недели после возвращения. Другой момент, который обвинители попытались «обыграть» в выгодном им ключе, был связан с возможным влиянием на Уилкинса адвокатов Вэя (Way) и Сомерби, которые чуть ли не подкупили ветеринара. Слово «подкуп» в суде не прозвучало, но общий подтекст сказанного был более чем прозрачен. Уилкинс на этот провокационный и даже оскорбительный вопрос отреагировал на удивление выдержанно и признал 3 встречи с адвокатами, которые имели место спустя несколько недель после ареста Левитта Элли. Также Уилкинс признал, что именно адвокаты возили его в конюшню для её осмотра. Что выглядело вполне разумно, ведь полиция не озаботилась этим.

Также свидетель ответил на множество вопросов, которые можно охарактеризовать как общеобразовательные или просветительские. В частности, Уилкинс рассказал о технологии вакцинации лошадей, количестве крови в теле животных, сколько крови они обычно теряют во время ветеринарных манипуляций и т. п. Во время этих рассказов и пояснений свидетель особо подчеркнул, что попадание крови на одежду Левитта Элли – это аномалия, исключение из правил, обычно кровь попадает на одежду ветеринара, а не ассистента. Уилкинса даже спросили о том, когда он делал подобную манипуляцию в последний раз, и он ответил, что занимался этим в Южном Бостоне не далее как вчера. Вопрос этот представляется лишённым какого-либо смысла с точки зрения обвинения Левитта Элли, то, что прокурор Мэй задал его, свидетельствовало о неспособности сформулировать хоть что-то разоблачительное.

Следующим свидетелем защиты, вызванным в зал заседаний, стал Чарльз Джексон (Charles T. Jackson), эксперт в области химии, преподаватель Гарвардского Медицинского колледжа, проживавший в Бостоне уже 40 лет. Этот человек, кстати, упоминался нами в очерке «1849 год. Таинственное исчезновение Джорджа Паркмена», размещённом в этой же книге.

Показания Джексона начались с общего обзора свойств крови – её состава, подвижности, способности высыхать и пр. По словам эксперта, полное высыхание крови, попавшей на одежду, варьируется в широких пределах и зависит в значительной степени от внешних факторов, оно обычно находится в диапазоне от 24 до 36 часов. Коснувшись вопроса о составе крови, Джексон признал, что красные кровяные тельца человека действительно больше красных кровяных телец лошади, но это справедливо лишь при сравнении крови человека и лошади в жидкой фазе. Если же кровь попала на предметы, высохла, а затем её опять перевели в жидкую фазу для исследования под микроскопом – как это имело место в деле Левитта Элли – то всё сильно усложняется.

Размер красных кровяных телец человека, согласно утверждению свидетеля, варьируется в широких пределах – от 0,000003125 дюйма до 0,000002666 дюйма, – также сильно различаются размеры и белых кровяных телец. **Глядя в микроскоп на скопление кровяных телец, невозможно сказать, чья эта кровь – человека или животного.**

Продолжая рассуждать на тему поиска различий между кровью человека и млекопитающих, Джексон остановился на работах учёных, изучавших эту проблематику, в частности Дюма (Dumas), Прево (Prevot) и Уильяма Гая (William A. Guy). Обвинители слушали его внимательно, но едва только свидетель захотел процитировать одну из упомянутых научных работ, Генеральный прокурор Трейн моментально вскочил со своего места и весьма эмоционально

заявил протест, который, разумеется, был тут же удовлетворён судьёй [Читатель уже должен перестать удивляться тому, что судья во всём соглашался со стороной обвинения и отклонял любые прошения защиты].

То, как сторона обвинения занервничала при попытке цитирования учебника, навело на самые неприятные подозрения, а именно – **обвинители прекрасно сознавали неправоту своих экспертов и теперь попытались избежать их разоблачения любыми способами**. Даже путём затыкания рта оппонентам... Но это же стало очевидно и оппонентам.

Чарльз Джексон подвергся продолжительному и весьма напряжённому перекрёстному допросу, что понятно – его показания разрушали одну из важнейших улик, на которой базировалось доказательство вины подсудимого. Свидетель рассказал суду, что лично занимался изучением вопроса определения размеров кровяных телец на протяжении 2 лет, при этом работал только с кровью млекопитающих, но не птиц и рептилий. Когда Генпрокурор Трейн многозначительно заявил, будто существуют некоторые специалисты с намётанным глазом, способные в сильный микроскоп различить кровь человека и млекопитающего, Джексон хладнокровно возразил, что не верит этому.

Тогда Генеральный прокурор принялся довольно комично мудрствовать, абстрактно рассуждая о том, что вот если одно кровяное тельце человека разместить подле одного кровяного тельца животного, то разница размеров будет несомненна, но эксперт очень удачно осадил его, показав полнейшую бессмысленность дилетантских фантазий главного обвинителя. Джексон заявил, что единичную глобулу крови практически нельзя получить для исследования, другими словами, её просто невозможно отделить от остальных ввиду того, что размер отдельной corpusculы крови примерно в 800 раз меньше самого тонкого пера.

Далее свидетель ответил на многочисленные вопросы о размерах кровяных телец различных млекопитающих – собаки, овцы, лошади. Вопросы эти выглядели совершенно бессмысленными, поскольку ответы на них никак не влияли на доказывание вины или невиновности Левитта Элли, но, тем не менее, вопросы эти были заданы, и ответы на них получены без запинки или промедления.

Что и говорить – Чарльз Джексон оказался отличным экспертом!

Довольно неожиданной и притом показательной стала концовка перекрёстного допроса. Генеральный прокурор без всякой связи с предыдущими вопросами вдруг указал Джексону на то, что французский учёный Дюма работал очень давно и потому сослаться на его выводы вряд ли допустимо. [Между прочим, необычная осведомлённость Генпрокурора Трейна в этом вопросе заслуживает быть отмеченной особо. Получалось, что про размеры кровяных телец он ничего толком не знал, а вот о деталях биографии какого-то там заокеанского профессора оказался осведомлён очень хорошо!]. Джексон этот выпад хладнокровно парировал, признав, что это отчасти действительно так, более того, сам он – Джексон – являлся учеником Дюма в Париже более 30 лет назад, однако, несмотря на давность научных выводов Дюма, они никем не опровергнуты и за многие годы лишь получили многочисленные дополнительные подтверждения.

Джексон на удивление достойно отбил все попытки стороны обвинения поставить под сомнение его заключение, но это было только начало дня. Далее стало только интереснее!

Следующим свидетелем защиты оказался Джеймс Бэбкок (James F. Babcock), профессор химии Массачусетского фармацевтического колледжа (Massachusetts college of pharmace). Свидетель сообщил суду, что специализируется в аналитической химии, а область его научных интересов связана с вопросами выявления и лёгкого распознавания крови и кровавых пятен, также он изучает реакции кровяных сывороток с различными солями и связанные с этим специфические проблемы.

Продолжая своё сообщение суду, профессор Бэбкок заявил, что после высыхания крови невозможно сказать, как давно она попала на предмет. Также он подтвердил широкий раз-

брос размеров красных кровяных телец, о чём сообщил суду предыдущий свидетель [Джексон]. По словам Бэбкока, считается, что диаметр красной кровяной corpusculы составляет 0,0003125 дюйма, но в действительности эта величина может колебаться от 0,0005 (или 1/2000) дюйма до 0,00025 (1/5000) дюйма. В этом месте внимательный читатель может обратить внимание на то, что числа, сообщенные Бэбкоком, не совпадают с приведёнными Джексоном, но в данном случае автор следует стенограмме и не подгоняет сообщаемые свидетелями величины под правильные параметры. Другими словами, сообщённые свидетелями значения действительно не совпали, но на дальнейшем развитии событий это никак не сказалось.

Продолжая отвечать на наводящие вопросы адвоката, Бэбкок сообщил суду, что кровь некоторых животных имеет красные тельца такого же размера, что и у человека. Вообще же, **красные тельца человека несколько больше красных телец лошади, но после высыхания крови различия нивелируются, и в точности указать, где чья кровь – невозможно.**

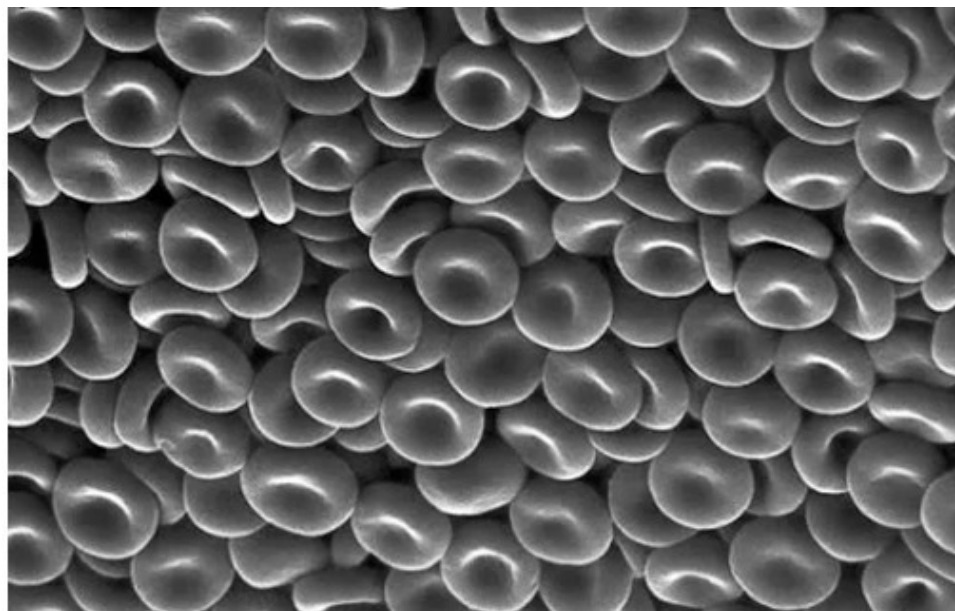
После этого Бэбкок вытащил из портфеля книгу Гая (Guy) «Судебная медицина» («Forensic medicine») и зачитал большой фрагмент, связанный с изучением высохшей крови, обнаруженной на месте преступления. Интересно то, что в этот раз сторона обвинения не пыталась препятствовать цитированию научной литературы, хотя буквально 40 минутами ранее Генпрокурор Трейн яростно возражал против того, чтобы Чарльз Джексон подкрепил своё мнение цитатой из учебника для университетов. Очевидно, Генеральный прокурор сообщил, как выглядит со стороны его нежелание познакомиться с содержанием авторитетной книги.

В процитированном Бэбкоком фрагменте сообщалось, что если высохшую кровь растворять различными веществами – сиропом (из цитаты невозможно понять, о каком именно сиропе идёт речь – прим. А. Ракин), соевым раствором или глицерином, – то будут получаться красные тельца разного размера. Особенно важно то, что размеры получаемых corpuscul не будут соответствовать первоначальному их размеру [до высыхания]. Закончив цитирование, профессор Бэбкок добавил, что аналогичные выводы можно встретить в других научных трудах, например, в учебнике Леманна (Lehmann) «Физиологическая химия» («Physiological chemistry»), Вэтта (Watt) «Химический словарь» («Dictionary of chemistry»), Тэйлора (Taylor) «Медицинская юриспруденция» («Medical jurisprudence») и др.

То, что говорил Бэбкок, звучало как приговор главным уликам обвинения, а потому Генеральный прокурор набросился на свидетеля с настоящим остервенением. Он принялся высмеивать свидетеля, приписывая ему то, чего тот не говорил, и опровергая эти не прозвучавшие утверждения. В частности, главный обвинитель попытался приписать Бэбкоку слова о том, будто красные кровяные тельца лошади и человека имеют почти одинаковые размеры и именно поэтому неразличимы в микроскоп, но Бэбкок тут же поправил Трейна, заметив, что не говорил подобного. Развивая свою мысль, Бэбкок добавил, что **размеры красных телец лошади и человека различаются приблизительно на 1/3, но даже такая разница не позволяет при взгляде на них через окуляр микроскопа сказать, где именно чья кровь.**

Некоторые выпады Генерального прокурора звучали откровенно наивно и ясно свидетельствовали о непонимании им предмета дискуссии. В какой-то момент он не без ехидства поинтересовался, на какой предмет, знакомый всем присутствующим, похожи красные кровяные тельца? Бэбкок, не задумываясь, ответил, что на монету. И это было очень подходящее сравнение – красные кровяные тельца действительно при взгляде на них сверху выглядят круглыми, а сбоку – плоскими и тонкими, точность сравнения с монетой усиливается ещё больше оттого, что красные кровяные тельца имеют утолщение по краю, похожее на буртик по краю монеты.

Сравнение с монетой поразило Генерального прокурора – тот явно рассчитывал услышать нечто иное. В явной растерянности Трейн вернулся на своё место и принялся шептаться с помощниками. Судья распорядился отпустить свидетеля, и Бэбкок спустился в зал, но тут Генеральный прокурор встрепенулся и заявил, что желает продолжить его допрос.

Именно так выглядят красные кровяные тельца высших млекопитающих. Определение видовой принадлежности крови, найденной на уликах, относилось к числу важнейших задач судебной медицины. Проблема заключалась в том, что эритроциты человека и высших млекопитающих практически неотличимы при оптическом исследовании, а разница в их размерах не могла служить «индикатором истинности» судебно-медицинского заключения. Другими словами, на этот критерий нельзя было ориентироваться ввиду его высокой вариативности. Проблема определения видовой принадлежности крови была решена лишь в начале XX столетия и произошло это отнюдь не за счёт появления новых микроскопов, а благодаря изучению химических свойств крови. Этот прорыв в медицинской науке связан с работами выдающихся судебных медиков Фёдора Чистовича и Пауля Уленгута (имеется в виду т.н. «реакция Чистовича-Уленгута»).

Судья распорядился вернуть Бэбкока в свидетельское кресло. Допрос продолжился, а затем сцена повторилась в мельчайших деталях – Трейн стал совещаться с помощниками, судья снова отпустил Бэбкока в зал, после чего Генеральный прокурор заявил, что имеет намерение продолжить допрос. Бэбкок в третий раз занял свидетельское место. Глядя на судорожные попытки Генпрокурора Трейна выдумать какой-то такой хитро закрученный вопрос, который заставил бы свидетеля произнести двусмысленную фразу, всякий понимал, что вся линия обвинения проваливается на глазах. То, что прокуратура называла «научными доказательствами», таковыми не являлось, а «эксперт обвинения» Дэйна Хейс никакой не эксперт, а малообразованный шарлатан.

Продолжительный и совершенно бесполезный для стороны обвинения допрос Джеймса Бэбкока оказался изнурительным для его участников, но не лишённым интереса для наблюдателей.

Однако защита, как будто бы не довольствуясь публичным посрамлением противника, не остановилась на достигнутом и вызвала ещё одного научного специалиста. Таковым стал Джордж Харриман (George W. Harriman), стоматолог по образованию, профессор микроскопической анатомии Бостонского зубоветеринарного колледжа (Boston Dental college). Этот эксперт

дал показания, полностью соответствовавшие прозвучавшему ранее суждению профессора Бэбкока. Пожалуй, единственное отличие сказанного Харриманом от слов Бэбкока заключалось в том, что он немного иначе определил границы, в которых может изменяться размер кровяных телец человека – от 0,00026 (1/3800) дюйма до 0,0005 дюйма (1/2000). В остальном же всё, сказанное Харриманом, в точности соответствовало показаниям Джеймса Бэбкока.

Сторона обвинения снова продемонстрировала огромное желание добиться от свидетеля хоть какой-то оговорки или двусмысленной формулировки. Харриману было задано большое количество вопросов, в том числе о его образовании и опыте работы. Генеральный прокурор для чего-то поинтересовался размером кровяных телец лягушки [совершенно непонятно, для чего]. Самое смешное заключалось в том, что Харриман уверенно ответил, назвав диапазон, в котором они изменяются, и пояснив, что кровяные тельца лягушки, грубо говоря, превышают человеческие примерно в 2 раза. На вопрос о том, существуют ли научные труды о различиях крови человека и животных, Харриман сообщил суду, что подобные работы известны, и упомянул, в частности, исследование доктора Била (Beal), который признал невозможным различить кровь человека и животных при оптических исследованиях. Тут, кстати, можно заметить, что этого учёного Бэбкок вовсе не упоминал, так что Харриман совершенно очевидно подкрепил утверждения предыдущего эксперта новым аргументом.

Далее свидетельское место занял Эммануэль Сэмюэлс (Emmanuel Samuels), житель города Квинси (Quincy), южного пригорода Бостона. Сэмюэлс работал лаборантом и специализировался на подготовке различных биологических образцов для их исследования под микроскопом. Свидетель заявил, что не помнит, чтобы когда-либо готовил для оптических исследований кровь лошадей или иных животных, но с человеческой кровью работает постоянно, выполняя заказы различных учебных заведений. Отвечая на вопросы адвоката Сомерби, свидетель сообщил суду, что люди очень по-разному описывают то, что видят во время работы с микроскопом, и к их рассказам следует относиться с осторожностью, поскольку они очень субъективны. Дословно Сэмюэлс выразился так: «Я не видел двух человек, которые одинаково описывали бы увиденное под микроскопом» («I have never seen two people who saw an object the same through a microscope»).

Сторона обвинения, по-видимому, израсходовав весь эмоциональный запал на предыдущих свидетелей, не стала подвергать Сэмюэлса перекрёстному допросу, и тот покинул кресло свидетеля, не пробыв в нём и 10 минут.

Далее защита, явно стремясь не понижать степень давления на противную сторону, вызвала очень важного свидетеля, но уже не из числа научных экспертов. В зале суда появился Фредерик Ристин (Frederick A. Risteen), тот самый бакалейщик, в чей магазин, согласно версии защиты, Левитт Элли направился вечером 5 ноября, в то самое время, когда по версии прокуратуры он должен был убивать Абию Эллиса.

Все, следившие за ходом судебного процесса, в эти мгновения напряглись. Никто не мог остаться равнодушным, ведь сейчас свидетелю защиты предстояло впервые опровергнуть аргументацию обвинения, причём произойти это должно было не в форме умозрительного научного спора, а прямым ниспровержением той хронологии событий, на которой настаивала прокуратура. Адвокаты Левитта Элли уже показали себя настоящими мастерами своего дела – они очень грамотно подбирали свидетелей и умело вели их допросы, и в те самые секунды, пока Фредерик Ристин шёл к свидетельскому креслу и приводился к присяге, мало кто из присутствовавших в зале сомневался, что этот человек выступит очень толково и скажет нечто такое, что сильно не понравится прокурорам.

Отвечая на вопросы адвоката Дабни, свидетель сообщил, что владеет магазином по адресу дом №1051 по Вашингтон-стрит и знаком с Левиттом Элли около 3 лет. Он хорошо помнил события 5 ноября, поскольку это был день выборов. Тогда обвиняемый явился к нему в 20:10. Фредерик Ристин заверил суд, что не ошибается, называя это время, поскольку всегда

забирает наличные деньги из кассы в 20 часов, и ко времени появления Левитта Элли в магазине касса в торговом зале уже была пуста. На вопрос, как долго обвиняемый пробыл в магазине, Ристин ответил, что не помнит этого в точности, но хорошо помнит, как Левитт в разговоре с одним из покупателей отпустил несколько комментариев по поводу выборов. Завершая выступление, свидетель добавил краткую характеристику обвиняемого, заявив, что знает его как очень миролюбивого человека, в адрес которого никто никогда не высказывался неодобрительно или враждебно.

Генпрокурор набросился на свидетеля в присущей ему очень жёсткой и даже непримиримой манере. Он резко и безапелляционно спросил, почему шефу полиции Ристин заявил, будто Левитт Элли не появлялся в его магазине. Свидетель хладнокровно ответил, что никогда подобного не говорил. Тогда Генпрокурор стал расспрашивать его о поисках топора, которые проводились в магазине Ристина. Дело заключалось в том, что когда детективы полиции узнали о походе Левитта Элли в магазин, то сразу же заподозрили, что обвиняемый использовал эту прогулку либо для сокрытия топора, либо, напротив, для его хищения и последующего использования в качестве орудия убийства. Эти взаимоисключающие предположения подтверждения не нашли, и о них все позабыли, но вот теперь Генеральный прокурор вытащил на свет эту бездоказательную и довольно странную по своей сути гипотезу. Трейн задал по меньшей мере 5 вопросов, так или иначе связанных с появлением топора в магазине Ристина, либо напротив, его исчезновением из магазина. Свидетель принялся терпеливо объяснять, что его вообще не интересовал топор в магазине, пока вопросы об этом не стали задавать детективы, он никогда не думал заниматься поисками топора, топор в его магазине не пропал и не появлялся, и он – Ристин – никогда не обещал шефу полиции Бостона написать рапорт о результатах поисков, которыми он вообще и не думал заниматься.

Это были детали, скрытые до того момента от посторонних, и что в действительности происходило между Ристином и шефом полиции Сэвджем – неизвестно. То, что Генеральный прокурор во время перекрёстного допроса принялся взывать к каким-то непонятным обстоятельствам, нигде ранее не упоминавшимся и никем не объяснённым, свидетельствовало об отсутствии каких-либо серьёзных аргументов. Это был верный признак бессилия и неспособности стороны обвинения адекватно реагировать на аргументацию защиты.

После того, как Генеральный прокурор Трейн закончил перекрёстный допрос и в крайнем раздражении вернулся на своё место, адвокат Дабни не удержался от изящной колкости в его адрес. Повернувшись к Фредерику Ристину, адвокат с чувством извинился за произошедшее, сказав, что перекрёстный допрос в суде может быть неприятным («a public examination might be unpleasant»). По смыслу сказанного несложно было понять, что источником неприятных эмоций являлся именно Генеральный прокурор, точнее, его манера держать себя со свидетелями. Адвокат дал понять, что все видят, как представители обвинения теряют самообладание, и их нервозность являлась лучшим индикатором осознания неминуемо приближавшегося проигрыша.

Следующий свидетель защиты – Уилбур Элли (Wilbur R. Alley), сын обвиняемого – логично продолжил показания Фредерика Ристина. Согласно его показаниям, он видел отца в магазине Ристина 5 ноября между 8 часами вечера и 8:15, отец вошёл через главную дверь и прошёл вдоль витрины. Уилбур в это время находился на улице и разговаривал с Говардом Ричардсоном (Howard D. Richardson), разговор касался событий того дня и шансов различных кандидатов на победу на выборах.

Сторона обвинения при допросе этого свидетеля оказалась на удивление сдержанна. Генпрокурор задал всего несколько вопросов самого общего содержания – о погоде, о том, чем занимался в тот день Уилбур Элли, кто такой Говард Ричардсон. Трудно отделаться от ощущения, что Чарльз Трейн к тому моменту просто выдохся. Эмоционально перегорел, если выражаться по-научному.

Следующие свидетели – Хорас Марден (Horace J. Marden), органист по профессии, и Джордж Райдер (George H. Ryder), торговец органами, чей магазин находился в доме №1057 по Вашингтон-стрит – рассказали, что видели Левитта Элли утром 6 ноября между 9:30 и 10 часами на углу Бич-стрит (Beach str.) и Харрисон авеню (Harrison ave.). Причём видели они его независимо друг от друга с интервалом всего в несколько минут. Оба свидетеля были знакомы с Левиттом Элли, поэтому ошибка исключалась.

Сторона обвинения отказалась от перекрёстного допроса обоих.

Следующий свидетель Лайман Хэпгуд (Luman W. Hapgood) работал в магазине органов Джорджа Райдера, того самого, который давал показания непосредственно перед ним. Хэпгуд заявил, что видел Левитта Элли утром 6 ноября около 8 часов, когда тот вошёл в магазин. Райдер отсутствовал, Хэпгуд же был знаком с Левиттом уже около года. Последний поздоровался и поинтересовался, когда будет готов орган, для перевозки которого он прибыл. Свидетель ответил, что в скором времени и следует немного подождать.

Во время перекрёстного допроса Хэпгуд был лаконичен и точен, он в подробностях описал события утра 6 ноября и даже сообщил суду, кто был первым клиентом, вошедшим в магазин до появления Левитта.

Далее на свидетельское место был приглашён Чарльз Эдвард Джойс (Charles Edward Joys), торговец металлом и разного рода крепежом, чей магазин находился в доме №41—43 по Фултон стрит (Fulton str.) в Бостоне. Свидетель сообщил суду, что утром во вторник 5 ноября в интервале от 8:15 до 9 часов к нему приезжал Левитт Элли для перевозки партии металла в другой магазин Джойса, расположенный на Харрисон авеню (Harrison ave.).

Когда пришло время перекрёстного допроса, Генпрокурор не без раздражения поинтересовался, какое отношение к делу имеет рассказ свидетеля, ведь он повествует о событиях, имевших место примерно за 12 часов до убийства?

Адвокат Дабни напомнил, что один из свидетелей обвинения сообщал, будто бы видел Левитта Элли и Абию Эллиса разговаривающими в 08:30 5 ноября на Вашингтон-стрит возле площади Клинтон плэйс (Clinton place). Теперь же свидетель защиты убедительно доказывает, что свидетель обвинения ошибся и Левитт Элли не мог разговаривать с убитым, так как в это самое время выполнял поручение мистера Джойса по перевозке груза из одного магазина в другой.

Это был, выражаясь метафорически, хороший щелчок по носу обвинения, не принципиальный, но чувствительный. Особый комизм произошедшему придало то, что эту перепалку, очевидно, неприятную и даже унижительную для стороны обвинения, спровоцировал сам же Генеральный прокурор, вылезший с неуместной сентенцией. Промолчал бы, отказался бы от перекрёстного допроса, и публичное унижение не состоялось бы, но... мистер Трейн не промолчал и получил!

Далее для дачи показаний вызывались две подруги – Сара Уиман (Mrs. Sarah G. Weeman) и Хэрриет Вуд (Mrs. Harriet M. Wood) – которые рассказали о событиях, на первый взгляд не связанных с предметом судебного разбирательства. В доме Хэрриет Вуд в начале ноября 1872 года – в том числе и 5 ноября, в день выборов – работали 2 печника, занимавшиеся перекладкой камина. Сара Уиман, посещавшая в те дни Хэрриет Вуд, полностью это подтвердила. Важная, по мнению защиты, деталь заключалась в том, что одним из рабочих являлся Уилбур Элли, сын подсудимого. Возвращаясь с работы в доме Вуд домой, Уилбур должен был пройти мимо магазина Ристина. Выводя Сару Уиман и Хэрриет Вуд свидетелями на процесс, защита решала важную для себя задачу, логично объясняя, как Уилбур Элли оказался вечером перед магазином Ристина, где увидел через витрину отца и тем самым обеспечил тому alibi.

Сторона обвинения не стала подвергать женщин перекрёстному допросу.

Следующий свидетель – Эндрю Педрик (Andrew H. Pedrick), работник магазина столярных изделий Огастаса Харди (Augustus Hardy) на Хеймаркет-стрит (Haymarket str.) – рассказал

суду, как между 08:45 и 9 часами утра 6 ноября в магазине появился Левитт Элли. Он пробыл 5 минут, ушёл, но вскоре вернулся с отцом свидетеля Джорджем Педриком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.